„НѢМЕЦКОЕ ЗЛО“

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,

посвященныхъ вопросу о борьбѣ съ нашей

„внутренней Германіей“.

Чистый сборъ отъ изданія будетъ обращенъ въ пользу пострадавшихъ отъ войны съ германцами.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА—1915.
Товарищество ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
Арбатская пл., Филипповскій пер., д. № 11.

„Пров 38"

D 447

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

1140
31

„Nechvalno nàm w Niemciech iskati prawdu;
U nás prawda po zàkonu svatu,
Juže prinesechu otci nasi“...
Libušin Saud.

Великая европейская война, нами переживаемая, будетъ чревата многими великими послѣдствіями и одно изъ нихъ будетъ конецъ того русскаго несчастья, о которомъ 250 лѣтъ тому назадъ Юрій Крижаничъ писалъ: „ни еденъ народъ подъ солнцемъ изкони вѣковъ нѣсть былъ тако изобиженъ и осрамоченъ отъ инородниковъ, яко же мы, Словенцы отъ Нѣмцевъ“*).

Попраніе германцами во время настоящей войны—божеской правды, человѣческихъ идеаловъ и международныхъ соглашеній—во всемъ культурномъ мірѣ вызвало негодованіе и опредѣляетъ конецъ борьбы, въ частности, оно славянскому долготерпѣнію полагаетъ предѣлъ и Славянство почувствовало, что насталъ часъ расчета и очищенія.

Но бороться съ германизмомъ должны не только наши воины на поляхъ мазурскихъ и галицкихъ, но и мы, мирные граждане, дома, въ нашей повседневной жизни.

Намъ, русскимъ, надо не только одолѣть полчища тевтоновъ и ихъ особной государственности предѣлъ положить, чтобы и въ будущемъ не могло возродиться тевтонское варварство и засилье, но надо одолѣть внутреннюю Германію, которая просочилась въ нашу жизнь, которая двѣсти лѣтъ вліяла на нашу политику, внѣшнюю и внутреннюю, на развитіе нашей промышленности, на строй нашей школы... на всѣ тѣ области, куда не проникало творчество народное.

Въ славяно-германскихъ отношеніяхъ надо разобраться теперь же, потому что борьба съ внутренней Германіей намъ

*) „Объ Чужебѣсію“ 3.

еще предстоитъ, начнется она тогда, когда война кончится, и къ этой борьбѣ надо общество подготовить.

Внутренняя Германія не ушла еще—она только притаилась, и когда мечъ новаго Гринвальда будетъ вложенъ въ ножны, она будетъ стараться продолжать, прерванное войною, мирное завоеваніе.

Теперь господинъ положенія — проснувшееся народное самосознаніе, и эту силу надо вооружать, ея инстинктъ надо обосновать — вотъ причины и цѣль предлагаемой книги; средства на изданіе ея далъ С. Т. Морозовъ, осуществлена она вѣрующими въ „правду по закону святу, юже принесеху отци наши"...

М. Муравьевъ.

Москва, сент. 1914.

Нѣмецкое зло.

(Литературные наброски).

Τί γὰρ ὠφεληθήσεται ἄνθροπος ἐὰν τὸν κόσμον ὅλον κερδήσῃ τὴν δὲ ψυχὴν αὐτοῦ ζημιωθῇ.

Матвея XVI, 26.

Когда Германія неожиданно объявила войну нашей родинѣ, произошелъ взрывъ неописуемаго энтузіазма по всей Россіи. Основная причина его была, конечно, сознаніе грозной опасности, объединившее всѣхъ русскихъ гражданъ, безъ различія партій. Опасность эта въ началѣ войны казалась огромной. Пропитанные нѣмецкимъ складомъ нашей культурной жизни, привыкшіе еще до Петра съ завистью смотрѣть на внѣшнюю нѣмецкую культуру и особенно на индустрію и технику, появившуюся сначала изъ московской Нѣмецкой слободы, а потомъ необозримымъ потокомъ лившуюся къ намъ съ германо-австрійской границы, видя нѣмцевъ, преуспѣвающихъ среди насъ отъ низовъ и до верховныхъ ранговъ, привыкшіе думать, по мѣткому выраженію Грибоѣдова, что „*намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья*“,—мы съ внутреннимъ страхомъ смотрѣли на нашего грознаго сосѣда, и по обыкновенію ожидали, что въ предстоящей войнѣ мы останемся одни—безъ помощи со стороны Западной Европы. Однако, не измѣнившая намъ дружба Франціи, геройство крохотной Бельгіи и вмѣшательство Англіи подбодрили насъ. Унизительное холопское чувство страха и преклоненія предъ Германіей стало стушевываться... Мы не одни... Наше привычное смиреніе въ воззрѣніяхъ на самихъ себя стало отходить въ сторону. Правда, насъ побила такая ничтожная національность, какъ наши нынѣшніе союзники — японцы, но, вѣдь, съ тѣхъ поръ много воды утекло; вѣдь, не такъ ужъ мы безсильны, вѣдь у насъ есть блестящее прошлое, создавшее

великую державу при неустанной борьбѣ съ враждебными сосѣдями, вѣдь мы, можетъ-быть, опустившійся, но во всякомъ случаѣ даровитый и сильный народъ... И тогда, съ твердымъ упованіемъ на милость Божію въ нашемъ правомъ дѣлѣ, мы всѣмъ народомъ стали бороться противъ нахальнаго сосѣда, нагло предписывавшаго намъ немедленное разоруженіе въ продолженіе 12 часовъ. Прусское издѣвательство надъ нашими безсильными больными, лѣчившимися въ нѣмецкихъ курортахъ, подняло волну негодованія противъ нѣмцевъ и впервые заставило насъ усомниться въ дѣйствительной стоимости казавшейся на недосягаемой высотѣ нѣмецкой культуры. Одновременно русскій народъ наложилъ на себя великій подвигъ поста, поддержанный и Высочайшей волей,—началось отрезвленіе спившихся слоевъ крестьянства и рабочихъ. Наши успѣхи въ Восточной Пруссіи, хотя и задержанные на время, побѣды въ Австріи и постепенное отраженіе сильнѣйшаго врага, несмотря на его исполинскія пушки и мортиры, нашими сѣрыми незамѣтными героями—все это начало производить, наконецъ, у большинства русскихъ людей переворотъ въ воззрѣніяхъ на нѣмцевъ.

Мы, „русская орда“ по выраженію германскихъ ученыхъ, оказались сильнѣе и гуманнѣе врага не только въ бою, но что еще важнѣе—въ области духа. Мы не избивали на улицахъ нѣмецкихъ подданныхъ, уѣзжавшихъ за границу, мы не издѣвались надъ нѣмецкими больными, не приканчивали чужихъ раненыхъ, не сжигали и не распинали военно-плѣнныхъ и жителей враждебной страны, не стрѣляли спеціально ихъ храмовъ, не оскверняли предметовъ религіознаго культа, не грабили и не продавали съ аукціона въ пользу правительства имущества частныхъ лицъ, какъ это продѣлывали и продѣлываютъ германцы. Предательство и подлость массъ нѣмцевъ, среди насъ жившихъ и ѣвшихъ нашъ хлѣбъ, иногда даже и называвшихся русскими подданными [1]), съ одной стороны; высокомѣріе, наглость и безсердечная жестокость воюющихъ нѣмцевъ и ихъ общая лживость, заполонившая въ послѣднее время даже величайшихъ германскихъ ученыхъ (разумѣю ихъ безстыдное посланіе къ культурному міру), съ другой, — все это сократило

---

[1]) Теперь прибалтійскіе нѣмцы уже изобрѣли вмѣсто прежняго термина Deutsch-Russen новый Muss-Russen (русскіе по принужденію). Ихъ отношеніе къ Россіи видно изъ отказа Риги примкнуть къ русскому городскому союзу попеченія о раненыхъ, конечно подъ благовиднымъ предлогомъ.

силу нѣмецкаго вліянія на насъ. Начинаетъ исчезать навожденіе, въ которомъ мы жили почти со временъ великаго Петра, лишь изрѣдка, въ царствованіе Елизаветы и Александра III, получая нѣкоторую передышку. И, если теперь мы освобождаемся отъ внѣшняго гипноза мнимо-непобѣдимаго грабителя и насильника-германца съ его усовершенствованными способами веденія войны съ беззащитными городами, то намъ предстоитъ еще болѣе упорная борьба съ широко разросшимся внутреннимъ нѣмецкимъ засильемъ, съ гипнозомъ нѣмецкаго склада нашей жизни и нашей мысли. Нѣмецъ уменъ, хитеръ: онъ обезьяну выдумалъ—но именно обезьяну: это похоже на человѣка, а не человѣкъ. Надо намъ крѣпко помнить слова великаго русскаго комика XVIII вѣка: „умъ, коли онъ *только* умъ, — бездѣлица — и съ превеликимъ умомъ можно быть великому скареду". Духа не угашайте!..

Не будемъ неблагодарны Западу Европы: много хорошаго взяли мы оттуда чрезъ посредство нѣмцевъ, но не менѣе и зла, нѣмецкаго зла забрали мы въ нашъ бытъ и въ наше міросозерцаніе. Пора жить своимъ умомъ—ex orientе lux!—Регламенты и артикулы петровскаго времени, коллегіи, а позже министерства, и мертвенная механическая бюрократія,—вѣдь, все это устраивалось по нѣмецкому образцу. Рядомъ—образованіе: нѣмецкая во всѣхъ отношеніяхъ академія наукъ, усердно проваливавшая русскихъ, начиная съ Ломоносова и кончая Менделѣевымъ (а можетъ-быть, и позже)... А рядомъ ходъ русской исторіи XVIII и XIX вѣка: Бироновщина, когда „корону Мономаха Курляндскій конюхъ примѣрялъ" (А. Майковъ), ненавистные русскимъ войскамъ голштинцы, великая почти геніальная Екатерина, Ангальтъ-Цербстская принцесса, такъ тонко игравшая роль русской (Апухтинъ), и населившая Приволжье и Херсонъ нѣмцами-колонистами, а свободныхъ малороссовъ прикрѣпившая къ землѣ, нѣмецкое капральство, выдвинувшее Аракчеева, глубокое коварство Меттерниха съ его Священнымъ союзомъ русскаго монарха съ его апостолическимъ величествомъ (*искаріото-апостолическимъ* — по Тютчеву), бенкендорфовщина (кстати отмѣтимъ, что генералъ фонъ-Гинденбургъ носитъ также фамилію фонъ-Бенкендорфъ (sic)) со своими спутниками Фоками, Дубельтами, Липранди, Гречами и пр., просьба Ермолова пожаловать его въ нѣмцы, австрійская благодарность за 1848 годъ, заключеніе Ю. Ѳ. Самарина въ крѣпость за русскій образъ мыслей въ Прибалтійскомъ краѣ, преслѣдованіе славянофиловъ, нѣмецкія придворныя партіи, великій маклеръ—

фонъ-Бисмаркъ и безконечные ряды разныхъ quasi-русскихъ фоновъ съ концами на антыау, берги, банды, бурги, ены, еры, иксы, соны [1]) и т. п.

Но это, такъ-сказать, внѣшніе пережитки прошлаго, да и вообще force majeure. Худшее же было рабство русскаго духа передъ нѣмецкой культурой. Идолъ 40 и 50 годовъ—Гегель, проповѣдывавшій, между прочимъ, извѣстную историческую тріаду: красоты—Греціи, правды—Рима и добра—Германіи (хорошо добро!), смѣнился въ 60-хъ годахъ Либихомъ, Бюхнеромъ, Фохтомъ, Молешоттомъ и Геккелемъ. На смѣну пришелъ Лассаль, за Лассалемъ—Марксъ, за Марксомъ—Каутскій, Ницше, Штирнеръ и другіе болотные огни нѣмецкаго вырожденія. И мы, русскіе интеллигентные люди, всему этому безъ критики, а въ полномъ объемѣ вѣрили, поклонялись, а многіе, вѣроятно, еще и теперь вѣруютъ и поклоняются... Ну и оставимъ ихъ: пусть они почитаютъ святыней —

Всю труху и пошлость Михелей
И ведуть въ газетахъ линію
По желанію клейнмихелей!

Людямъ, мыслящимъ по газетному камертону, представителямъ „печатной“ русской интеллигенціи, давно пора покончить съ нѣмецкимъ игомъ!

Но „газетная“ интеллигенція—интеллигенціей, а есть еще и не входящія сюда массы толковыхъ русскихъ людей—и постоянно живущихъ въ предѣлахъ своей родины, и посѣщавшихъ тевтонскіе края Германіи и Австріи, и искренно преклоняющихся предъ „нѣмотой“, по выраженію одного раненаго солдатика. Здѣсь дѣло объясняется просто: чужое у русскихъ всегда цѣнится дороже, чѣмъ свое: одно слово *заграничный* приводитъ насъ въ восторгъ.

Кто изъ насъ, переѣзжая нѣмецкую границу, не восхищался чистенькими нѣмецкими путями сообщенія, вмѣсто русскихъ грязныхъ проселочныхъ дорогъ, каменными домами нѣмецкихъ крестьянъ, чистенькими служащими въ чистенькихъ костюмахъ, массою мелкихъ удобствъ и мѣщанскимъ комфортомъ отелей и

---

[1]) Въ 80 г. ходили въ публикѣ стихи о начальствующихъ генералахъ, которые легко желающимъ дополнить по своему выбору:

Какъ зовутъ? . . . . . утъ.
Ну а васъ? . . . . . асъ.
А его? . . . . . ло.
Ну а ихъ-съ? . . . . . ихсъ.
Кто же онъ? . . . . . онъ.

курортовъ, и все это за какія-нибудъ 10—15 марокъ въ день... Пораженные новизной впечатлѣній, мы не замѣчали ни грязныхъ вагоновъ, ни дорогихъ цѣнъ за проѣздъ, ни дороговизны нѣмецкой жизни вообще: у нѣмцевъ все дешево, кромѣ того, что дешево у насъ—главныхъ условій существованія: жилья и пищи. И всегда марка, марка, марка, которую у васъ какъ у иностранца охотно берутъ повсюду, льстятъ въ глаза и насмѣхаются за спиной...

Попробуйте пріѣхать въ Германію безъ достаточнаго количества марокъ въ карманѣ и поищите помощи, пріюта, работы... особенно если вы не нѣмецъ! Намъ кидаются въ глаза выдержка нѣмца, упорство его характера, склонность къ системѣ, къ порядку, къ аккуратности. Качества прекрасныя, и, конечно, не худо бы и намъ ими позаимствоваться. Но качества эти безъ внутренней душевной подкладки, безъ сердца, безъ вдохновенія, безъ высшей нравственной мѣрки, приводили и приведутъ всегда и всѣхъ къ весьма печальнымъ результатамъ. Вспомнимъ идеалъ этихъ качествъ упорства и аккуратности—желѣзнаго канцлера Бисмарка. Каковы же результаты его дѣятельности?

Насиліемъ, желѣзомъ и кровью склеилъ онъ великолѣпное зданіе Германской имперіи: ну и что же? Развѣ оно прочно? Развѣ въ самой Германіи секретъ—ненависть баварцевъ и даже саксонцевъ къ пруссакамъ? Развѣ соціалъ-демократія не подтачиваетъ основъ германскаго имперіализма? Развѣ Европа, да пожалуй и Америка, симпатизируетъ нѣмцамъ? Развѣ что-нибудь, кромѣ страха или разсчета, сдерживаетъ нейтральныя государства? Развѣ не печально въ сущности заявленіе германскихъ ученыхъ, что ихъ культура только и держится на милитаризмѣ, а то, молъ, ее давно бы стерли? Да и въ самомъ милитаризмѣ, обратившемъ сплошь всю Германію въ превосходную „лабораторію убійствъ“, одна внѣшняя аккуратность и стройность, безъ достаточной внутренней подкладки, развѣ составляетъ все? Развѣ не вела эта систематичность съ давнихъ поръ къ извѣстной диспозиціи: die erste Colonne marschirt so, die zweite Colonne marschirt so u. s. w. и пораженію? Развѣ въ результатѣ не получалось озвѣрѣнія и постепенной деморализаціи при неуспѣхѣ и такого же озвѣренія при успѣхѣ (ср. La débacle Zola и современныя звѣрства, успѣхи и пораженія нѣмцевъ въ Царствѣ Польскомъ. О внутреннихъ порядкахъ вспомнимъ сочиненія Нордау, Поленца, Бильзе и т. д.)?

Къ сожалѣнію, типъ „заграничнаго“ германца сохраняется и

въ большинствѣ нашихъ не обрусѣвшихъ нѣмцевъ. Что̀ такое представляютъ изъ себя эти нѣмцы на высокихъ ступеняхъ нашей русской бюрократіи, многіе изъ читателей знаютъ по собственному опыту. Прекрасную иллюстрацію даетъ и „страна чудесъ"—наши прибалтійскія провинціи въ фельетонахъ г. Ренникова: это продолженіе той картины, которую далъ въ сороковыхъ годахъ Ю. Ѳ. Самаринъ въ своихъ „Запискахъ латыша Индрика Страумита", той картины, которая осталась недоступною публикѣ въ отчетахъ ревизіи 80 гг. сенатора Манассеина и которую, едва ли не послѣдній до нашего времени, освѣтилъ въ 90 гг. покойный К. К. Случевскій.

Знамениты качества нѣмцевъ: zierlich, manierlich, ganz accurat. Но это аккуратность и упорство—во имя собственнаго житейскаго благополучія чисто внѣшняго, и болѣе ничего, такъ-таки рѣшительно ничего, а все остальное: состраданіе, совѣсть, стыдъ—для истаго нѣмца это пустяки.

Во времена крѣпостного права предпочитались управляющіе изъ нѣмцевъ; каковы были эти господа, можно судить по одному случаю: еще недавно въ Парголовѣ скончался крестьянинъ Черновъ, возвращенный изъ каторги свидѣтель того, какъ выведенные изъ терпѣнія крестьяне зарыли своего управляющаго нѣмца *живымъ* въ землю. Теперь, послѣ 19 февраля 1861 г., эти картины уже невозможны, но слава аккуратныхъ и честныхъ нѣмецкихъ управителей еще держится среди уцѣлѣвшихъ представителей — нашего, часто благодаря именно этимъ управителямъ, оскудѣвающаго дворянства.

О засиліи нашей торговли и промышленности нѣмцами—иностранными подданными — заговорило московское купечество.

Возьмите справочныя книги по русской промышленности и торговлѣ: тамъ не только нѣмцы-собственники, но и нѣмцы-директора и распорядители нашихъ банковъ, товариществъ, компаній, фирмъ, управляющіе фабрикъ и заводовъ, инженеры, техники, старшіе мастера твердой стѣной стоятъ на своихъ постахъ и, гдѣ можно—на лучшія мѣста проводятъ своихъ родичей, а русскіе—даже и достойные люди, въ частныхъ предпріятіяхъ часто презираются, иногда къ сожалѣнію, и русскими арматорами.

И ужасно то, что капиталы, добытые изъ *русскихъ* народныхъ богатствъ, на *русской* землѣ, тяжкимъ трудомъ черныхъ *русскихъ* людей, большею частью благополучно уплываютъ за границу. Наживется нѣмецъ и уѣдетъ, или продолжаетъ сосать и пере-

качиваетъ деньги изъ русскихъ филіальныхъ отдѣленій въ центральныя заграничныя (Сименсъ и Гальске, Эллерсъ, Эйнемъ, Мандль и т. д.). Много ли найдется благотворительныхъ русскихъ заведеній для нуждъ русскаго народа, основанныхъ нѣмецкими благодѣтелями, нажившимися въ Россіи?

Не знаю, какъ читатель, но я предпочитаю, чтобы меня въ крайнемъ случаѣ ограбилъ русскій купецъ или фабрикантъ: все же мои деньги останутся на родинѣ и въ слѣдующихъ поколѣніяхъ пойдутъ, быть-можетъ, и на общую пользу.

Выписанные еще при Екатеринѣ, нѣмцы-колонисты не научили русскихъ людей правильнымъ сельскимъ работамъ: они составили замкнутыя общины, гнушающіяся общенія и родства съ русскими, а нѣкоторые устроили цвѣтущія области — цѣлыя маленькія нѣмецкія государства—въ русскомъ государствѣ—напримѣръ, Сарепта, кавказскія колоніи меноннитовъ, и т. д. Это явленіе—прогрессируетъ. Извѣстно, что современные колонисты—баптисты, считаютъ православныхъ прямо язычниками, а Россію—языческимъ государствомъ, и общеніе съ ними допускаютъ лишь для проповѣди. Колонисты западной границы новѣйшаго времени со своимъ двойнымъ подданствомъ (признанный и одобренный видъ клятвопреступничества) оказались уже прямо, какъ и слѣдовало ожидать, измѣнниками въ настоящую войну: одни собирали деньги на нѣмецкій флотъ, другіе служили и служатъ шпіонами для арміи кайзера, третьи прямо сражаются въ непріятельскихъ рядахъ. Добросовѣстнѣе другихъ оказались мелкіе нѣмецкіе ремесленники въ центральной Россіи; воздадимъ должное нѣмецкимъ булочнымъ и колбаснымъ: тамъ нѣмцы работаютъ на-ряду съ русскими рабочими и удовлетворяютъ вкусу даже нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ особъ, привыкшихъ къ тонкой заграничной гастрономіи...

Въ концѣ-концовъ, въ чемъ же секретъ успѣха нѣмцевъ на всѣхъ поприщахъ; вѣдь, есть и русскіе люди, точные, аккуратные, исполнительные, даже упорные въ трудѣ и все-таки не имѣющіе такого успѣха въ жизни? Здѣсь выступаетъ, съ одной стороны, нѣмецкая солидарность—нѣмецъ нѣмца за собой тащитъ [1]), съ другой—и это есть коренное нѣмецкое зло, которое теперь уже ясно обозначилось сквозь призму нѣмецкой дѣловитости и аккуратности: удивительная нѣмецкая нравственная гибкость, умѣнье приспо-

[1]) Рекомендую прочесть на эту тему поучительный романъ госпожи Крыжановской (Рочестеръ) *Паутина*, изданный дважды въ 1905 и 1914 г. г.

собляться ради личной выгоды къ любымъ обстоятельствамъ, къ капризнымъ характерамъ, однимъ словомъ, обладаніе *складной* душой—качество, которое мы въ нашемъ чистосердечіи, обыкновенно называемъ подличаньемъ [2]).

И русскій человѣкъ подличаетъ, но тамъ, въ глубинѣ души, сидитъ червячокъ, который иногда дремлетъ, иногда точитъ, а иногда и проснется въ черный день, и заставитъ человѣка, хотя въ концѣ жизни, хотя только внутри, лично для себя, сознаться въ своей подлости и, даже оправдывая себя необходимостью, все-таки каяться и мучиться. Напомню Чичикова (задуманнаго Гоголемъ), Расплюева, Раскольникова, Никиту во „Власти тьмы". Ну, а существуетъ ли кающійся нѣмецъ? Чеховскій собственный „*крыжовникъ*", добытый нечистымъ путемъ, никогда не удовлетворитъ русскаго человѣка. То же найдемъ и у англичанина Диккенса. Нѣмецъ же, создавъ свое благополучіе на эксплуатаціи ближняго, добывъ подхалимствомъ, ловкостью и прямою подлостью состояніе, остается вполнѣ спокойнымъ и наслаждается благами жизни безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, до самой смерти. Невѣрующій въ будущую жизнь, онъ и умирать будетъ аккуратно и съ полнымъ одобреніемъ мнимаго порядка своего душевнаго груза, а вѣрующій, благодаря отсутствію исповѣди передъ другимъ являющійся самъ личнымъ и единственнымъ судьей своей совѣсти, будетъ въ лучшемъ случаѣ, разсуждать какъ евангельскій фарисей во храмѣ...

Довольно *вѣры* и порядка, это замѣняетъ добрыя дѣла... Этотъ нѣмецкій типъ, вполнѣ созрѣвшій или „*выявившійся*", какъ теперь говорятъ, въ эпоху развитія германскаго имперіализма, получилъ и у заграничныхъ нѣмцевъ, и у нашихъ наибольшее распространеніе и вытѣснилъ лучшія черты былого германскаго идеализма. Германцы—это благополучные „мѣщане" европейской цивилизаціи, и не имъ суждено впредь нести свѣтлое знамя обще человѣческой мысли и культуры.

Ничего высокаго не создала съ 1870 года ни германская философія, ни германская литература, ни германское искусство, да и германская наука, кичась Рентгеномъ и Лампрехтомъ, врядъ ли можетъ указать ученыхъ мірового значенія въ родѣ Пастера или изобрѣтателей въ родѣ Эдиссона.

---

*) Любопытно, что слову подлый (фр. lâche) нѣтъ вполнѣ соотвѣствующаго: термины niedrig, niederträchtig не вполнѣ соотвѣтствуютъ русскому.

Идеаломъ нынѣшняго германца стали исключительно деньги, какъ средство внѣшняго благополучія. Милліонъ марокъ—высшій идеалъ германской души, а сама душа превратилась, какъ уже это было гдѣ-то указано, въ счетную *машинку*. Внѣшнее благоустройство пока еще прикрываетъ это душевное оскудѣніе.

Германцы увѣряютъ, что англичане на пути къ вырожденію. Не вѣрнѣе ли примѣнить это къ нимъ самимъ, теряющимъ человѣческій образъ и носящимъ на себѣ печать „звѣринаго подобія"?

Venit summa dies et inevitabile tempus...
Fuit Ilion et ingens gloria Teucrorum (Vergilus).

Грозныя предпосылки настоящаго германскаго одичанія можно было найти уже давно въ германской литературѣ, этомъ обычномъ зеркалѣ народнаго характера. Черты эгоизма, гордости, жадности, лживости ради выгоды, непримиримой злобы, мстительности этихъ индогерманцевъ (термина „индоевропейцы", какъ извѣстно, нѣмцы не признаютъ) проглядываетъ и въ Эддѣ, и особенно въ Пѣснѣ о Нибелунгахъ. Таковы добываніе Рейнскаго золота, губящаго своихъ владѣльцевъ, подвиги Зигфрида, убившаго своего учителя-кузнеца, начавшаго бранить своего ученика за разрубленную наковальню; обманъ Брунгильды при помощи шапки невидимки; измѣнническое убійство самого Зигфрида содѣйствіемъ всѣмъ ему обязаннаго короля Гунтера и прославленнаго героя Хагена; кровавое мщеніе Кримгильды... А герои славянской расы Илья Муромецъ, Марко Кралевичъ, какъ и романскіе Роландъ и Сидъ, бьются за родину, стоятъ за бѣдныхъ и убогихъ, и если среди французскихъ витязей оказался измѣнникъ Ганелонъ, то въ русскомъ народномъ эпосѣ предатели совершенно отсутствуютъ: вѣдь, и Алеша Поповичъ (богатырскій образъ котораго извращенъ скоморохами послѣ XIV вѣка) допускаетъ обманъ только въ битвѣ съ сильнымъ врагомъ и симпатіями былинъ не пользуется. Даже прославленный рыцарь св Граля Парциваль въ поэмѣ благочестиваго Вольфрама фонъ-Эшенбаха пишетъ: „Не снисходи къ смиреннымъ" (Sei zur Demuth nicht vollig gut).

Если Лютеру приписываютъ несправедливо поговорку:

Wer liebt nicht Wein, Weib und Gesang,
Der wird ein Narr bleiben seines Lebens entlang—

то, во всякомъ случаѣ, это изреченіе подтверждалось современной Лютеру нѣмецкой жизнью (Паули, Викрамъ) и широко подтвер-

ждается массовымъ идеаломъ жизни современнаго нѣмца, и въ частности военнаго. Тогдашняя нѣмецкая дѣйствительность создала „*Финкенриттера*“ (1560) прототипъ великаго льстеца и нахала „барона Мюнхгаузена“ (1720—1797), лица историческаго и по иронiи судьбы даже служившаго мимоходомъ въ Россiи, ставшаго символомъ лжи и хвастовства вообще—и очень напоминающаго современныхъ германскихъ герръ—лейтенантовъ своей наглостью, самодовольствомъ и хвастовствомъ.

Духъ протестантизма, несомнѣнно уже умирающаго естественной смертью, могъ зародиться и удовлетворять, былой духовный голодъ только нѣмецкой души. Это та вѣра, которая, по словамъ Хомякова:

Еще не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь,
Но часъ пробилъ, насталъ—молитесь Богу!
Въ послѣдній разъ вы молитесь теперь.

И главой-первосвященникомъ этого холоднаго, разсудочнаго исповѣданія, получающимъ вдохновеніе, по его собственнымъ словамъ въ манифестѣ,—непосредственно отъ Бога, является лживый и жестокій кайзеръ Вильгельмъ!

Возьмите лучшій перлъ нѣмецкой литературы Фаустъ Гёте: какой пророческій образъ!? Въ началѣ своей жизни помогавшій, какъ медикъ бѣднякамъ, получивъ въ свои руки всемогущество, онъ думаетъ только о *себѣ*, о *своемъ* наслажденіи, и лишь логикой вещей *въ концѣ жизни* приходитъ къ идеѣ помощи другимъ, да и то не безъ горделиваго любованія своимъ благодѣяніемъ. А послѣдній уродливый побѣгъ нѣмецкой отвлеченной мысли: сильному все позволено, слабые не заслуживаютъ состраданія, ихъ надо уничтожить, чтобъ дать мѣсто и просторъ безграничному эгоизму „единственнаго?“ И это выводъ не одного сумасшедшаго мыслителя—христіанскія идеи, и по мнѣнію современныхъ имперіалистскихъ канцлеровъ, — сантиментализмъ, а нужно обладать лишь сильнымъ кулакомъ: на бронированномъ кулакѣ, по признанію нѣмецкихъ ученыхъ, держится существованіе нѣмецкой культуры,—состраданіе къ слезамъ, страданіямъ, смерти другихъ—это въ нѣмецкую культурную душу не входитъ. И не это ли воззрѣніе вложено и въ нѣмецкій девизъ: „Германія выше всего“ (Deutschland über alles), то-есть выше правды, выше любви, выше Бога?

Какъ же послѣ этого не повторить вырвавшійся изъ глубины души призывъ великаго писателя XVIII вѣка, обращенный ко всему культурному міру: écrasez l'infame!

Проф. И. Шляпкинъ.

Славяне и нѣмцы.

Очеркъ профессора *В. В. Есипова.*

I. Ростъ славянства. — II. Нѣмецкое самомнѣніе. — III. Нѣмецкая жестокость. — IV. Пангерманизмъ и панславизмъ. — V. Освобожденіе отъ нѣмецкаго засилія. — VI. Галиція, Царство, Польское и нѣмцы.

I. Ростъ славянства.

„Различное направленіе греческой и латинской цивилизаціи раздѣлило всю Европу съ четвертаго столѣтія на двѣ половины съ двумя самостоятельными центрами политической жизни, Римомъ и Константинополемъ. Единство, которое поддерживалось долгое время совершенно искусственно, разрушилось окончательно, когда совершилось раздѣленіе церквей. Святое единеніе христіанства съ жизнью во Христѣ распалось на части и было замѣнено ненавистью, враждою и кровопролитіемъ. Это и былъ тотъ моментъ, когда славяне появились на исторической сценѣ. Поэтому славяне съ самаго начала должны были войти въ ту или другую политическую группу, каждая изъ которыхъ развила мало-помалу свои характеристическія черты. Такимъ образомъ, славяне, которые со временемъ утратили прежнее міросозерцаніе съ ихъ языческими, религіозными и нравственными взглядами, начали усваивать общіе средневѣковые взгляды на міръ и переносить различные идеалы Запада на Востокъ въ свои семьи. Воспитаніе славянскихъ массъ было начато православнымъ и римско-католическимъ духовенствомъ въ совершенно различныхъ направленіяхъ. Слѣдовательно, раздѣленіе славянъ на двѣ группы почти совпадаетъ съ обращеніемъ ихъ въ христіанство. Современныя же стремленія славянъ къ объединенію представляются только шагомъ къ осуществленію великаго мечтанія философовъ и политическихъ утопистовъ объ объединеніи всего человѣчества

въ одно великое цѣлое. И такое объединеніе достигается уже и достигается не эксплуатаціей, не возвышеніемъ одной націи надъ другой, но чувствомъ взаимной любви и сознаніемъ братства между людьми, — какъ думали и какъ учили величайшіе религіозные геніи „порабощеннаго, некультурнаго и презираемаго Востока". (См. F. Sigel, Lectures on Slavonic Law, 1902; Sociology applied to Politics, 1898; Россія и Европа, 1903).

Что касается нашей родной Руси, то болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ отъ моря Каспійскаго до Балтійскаго, отъ Чернаго до Ледовитаго жили народы кочевые и земледѣльческіе среди обширныхъ равнинъ и лѣсовъ. Провидѣнію угодно было создать изъ этихъ разнообразныхъ племенъ обширнѣйшее государство въ мірѣ. Скандинавія, гнѣздо безпокойныхъ витязей, дала нашему отечеству первыхъ государей, добровольно принятыхъ славянскими племенами, обитавшими на берегахъ Ильменя, Бѣла-Озера и рѣки Великой. И Русь быстро, въ какихъ-нибудь 100 лѣтъ, достигла отъ колыбели до рѣдкаго величія. Что же произвело этотъ феноменъ, столь удивительный въ исторіи? Пылкая, романтическая страсть нашихъ князей къ завоеваніямъ и единовластіе, основанное ими на развалинахъ множества слабыхъ, несогласныхъ державъ народныхъ, изъ коихъ составилась Россія („О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ").

Вотъ что говоритъ по этому поводу извѣстный англійскій писатель Френсисъ-Генри Скринъ: „Россія есть организмъ единственный въ исторіи міра. Она занимаетъ пространство, превышающее и всѣ завоеванія Александра Македонскаго, и всю территорію древняго міра, всю площадь набѣговъ Чингисхана и Тамерлана. Возникновеніе такого громаднаго государства изъ группы олигархій, постоянно враждовавшихъ между собою, можетъ показаться чудомъ, потому что олигархіи эти были объединены не одною военною силою, какъ во всѣхъ предшествующихъ имперіяхъ. Россія обладаетъ способностью пропитывать своихъ подданныхъ чувствомъ общаго гражданства, принадлежности къ единому общественно-государственному тѣлу. Чудесность этого факта исчезнетъ, однакоже, если мы сообразимъ, что развитіе Россіи совершалось по законамъ естественнаго роста, даннымъ самою природою и одинаковымъ какъ для великой Имперіи, такъ и для ничтожной былинки въ полѣ. Разъ народился народъ, обладающій колонизаторскимъ инстинктомъ и пріученный своею

БИБЛИОТЕКА ... АКАДЕМИИ

обстановкою къ выносливости и побѣдамъ, разъ явилась абсолютная власть, глубоко коренящаяся въ народной религіи,— результатомъ неизбѣжно будетъ современная Россія. Самымъ же выдающимся фактомъ въ развитіи Россіи является ея историческое Самодержавіе, отличающее ее отъ всѣхъ другихъ государствъ Европы и придающее ей особый интересъ". (Скринъ, Ростъ Россіи, перев. съ англійскаго, 1904).

Современное развитіе и ростъ Россіи признаютъ не только англійскіе, но и нѣмецкіе ученые, какъ, напримѣръ: Зомбартъ— въ его работѣ „Die Bevölkerungsbewegung in den europäischen Hauptländern", о чемъ я уже писалъ ранѣе (Есиповъ, Россія, 1907); профессоръ Шиманъ, авторъ исторіи Россіи при Императорѣ Николаѣ I (Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I), который еще недавно съ большимъ уваженіемъ писалъ о русской Государственной Думѣ; даже Артуръ Клейншмидтъ, сочиненія котораго въ свое время были даже запрещены въ Россіи, и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Еще при Петрѣ Великомъ Ништадтскій миръ утвердилъ величіе Россіи, и она стала съ тѣхъ поръ первенствующимъ государствомъ среди своихъ сосѣдей. Елисаветинское время прославлено завоеваніемъ всей Восточной Пруссіи: въ Берлинѣ, Кенигсбергѣ, Данцигѣ и другихъ городахъ были уже русскіе губернаторы... Знаменитый Эммануилъ Кантъ былъ уже профессоромъ русскаго императорскаго Кенигсбергскаго университета... А грудь Елисаветинскихъ воиновъ украшала извѣстная медаль съ лаконической, но сильной надписью „Побѣдителю надъ Пруссаками".

Ко временамъ Екатерины величіе Россіи было столь осязательно, что сами иностранцы объ этомъ открыто говорили и писали. Вотъ что писалъ, напр., въ исходѣ восемнадцатаго вѣка знаменитый итальянскій писатель Филанжіери: „Кажется, что владычество надъ Европою, бывшее попеременно удѣломъ Испаніи, Франціи, и потомъ Англіи, переходитъ теперь въ руки русскихъ. Мудрые законы доставляютъ имъ это первенство. Долго, можетъ-быть, останется оно въ рукахъ ихъ и, можетъ-быть, всѣ европейцы должны будутъ нѣкогда принимать законы отъ этой благоразумной націи". (Filangieri, Scienza della legislatione, 1789).

За Россіей числятся побѣды надъ величайшими полководцами Европы—Карломъ XII, Фридрихомъ Великимъ и Наполеономъ! Невольно вспоминались теперь въ эпоху нашей второй отечественной войны незабвенныя слова Пушкина: „Иль намъ

съ Европой спорить ново?“ Но съ Европой намъ спорить теперь, къ счастью, не приходилось и для европейскихъ державъ попрежнему полно глубокаго значенія „слово русскаго Царя“.

II. Нѣмецкое самомнѣніе.

Въ нѣмецкой печати былъ высказанъ недавно слѣдующій взглядъ: „Только лишь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, а не во всей остальной жизни германцы превосходятъ славянъ“. Противъ этого воззрѣнія съ жаромъ выступилъ „докторъ“ К. Ширмахеръ.

Въ горячемъ національномъ спорѣ восточной Европы, — говоритъ онъ, — дать такое оружіе въ руки противника это — уже совсѣмъ не политично. Такое признаніе попадаетъ не въ глухія уши, и оно съ такою ловкостью (?) пускается въ оборотъ, что проценты скоро превосходятъ данный капиталъ (!). Подобныя признанія можно дѣлать тогда, когда эгого абсолютно нельзя избѣжать, такъ сказать in extremis, когда ставится въ опасность интересъ истины или знанія. Но въ данномъ случаѣ этого нѣтъ. Напротивъ, приведенное выше признаніе, какъ самомнительно утверждаетъ Ширмахеръ, противорѣчитъ дѣйствительности и оказывается полнымъ тяжелыхъ послѣдствій заблужденіемъ.

Славяне, правда, — говоритъ онъ, — безусловно воинственные народы и очень хорошіе солдаты. Гусситы уже однажды поселили въ сердцахъ германцевъ страхъ и ужасъ; а въ продолженіе многихъ вѣковъ борьбы нѣмцевъ съ поляками, побѣда поперемѣнно склонялась то въ ту, то въ другую сторону, и трудно сказать, съ какой стороны были нанесены сильнѣйшія пораженія. То, чѣмъ нѣмецкіе властители превосходили языческихъ пруссаковъ и поляковъ, было не только воинское искусство, — говоритъ Ширмахеръ, — это были прежде всего ихъ мирные таланты: основаніе городовъ и замковъ, земледѣліе, ремесла, хорошее управленіе. Въ этомъ лежало основаніе продолжительной завоевательной политики германцевъ, а не въ побѣдахъ, одержанныхъ на поляхъ сраженія.

Германскій крестьянинъ, германскій гражданинъ принесли въ восточную Европу германскую сельскую и городскую культуру (!). Кто бывалъ въ Россіи, — развязно утверждаетъ Ширмахеръ, — тотъ долженъ признать еще и понынѣ существующую тамъ культурную миссію нѣмцевъ, которая выражается даже „въ сокровищницѣ русскаго языка и въ народныхъ пословицахъ“ (!!).

Точно также, — говоритъ онъ, — нѣмецкая монархія въ Австріи всегда воспитывала въ культурѣ свои славянскія народности, а теперь привнесла въ Боснію „культурное дѣло перваго ранга“ (?!). Равнымъ образомъ,—продолжаетъ онъ далѣе,—это аннексія Пруссіею, это нѣмецкія школы, нѣмецкое войско и правильное управленіе, которые подняли будто бы поляковъ на такую ступень въ культурномъ отношеніи, которой они не достигли ни въ одномъ другомъ государствѣ (!!).

И это значитъ, — патетически восклицаетъ Ширмахеръ, — что мы превосходимъ славянъ только „въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ“, а не во всей остальной жизни! Если славяне теперь повсюду стараются стать противу насъ, то причина этому въ томъ „хорошемъ нѣмецкомъ воспитаніи“, которое они получили, и которое они нынѣ обращаютъ противъ насъ самихъ, ибо они чувствуютъ себя въ настоящее время достаточно сильными, чтобы съ нашимъ же оружіемъ достичь своихъ цѣлей, и даже опять цѣлей національныхъ. Современное передовое движеніе славянства объясняется, по словамъ того же смѣлаго нѣмецкаго автора, его культурнымъ подъемомъ при помощи... германизма (!!), ибо извѣстная степень культуры соединяется съ опредѣленными національными стремленіями, въ особенности если послѣднія планомѣрно воспитаны.

Подобныя же явленія,—говоритъ этотъ нѣмецъ,—наблюдаются въ Египтѣ и въ Индіи подъ англійскимъ владычествомъ. А между тѣмъ никто,—замѣчаетъ онъ,—не скажетъ, что англичане превосходятъ египтянъ и индусовъ только на войнѣ, а не въ мирной жизни. И что справедливо въ отношеніи англичанъ, то,—говоритъ онъ, — правильно въ отношеніи нѣмцевъ. Именно потому, что нѣмцы превосходятъ-де славянъ въ мирной жизни, получили они въ Германіи и въ Австріи хорошую школу культуры (!), которую они теперь обращаютъ „противъ германцевъ“.

Быть можетъ, всѣ эти разсужденія нѣмца Ширмахера и патріотичны съ германской точки зрѣнія, но далеко не объективны. А между тѣмъ основнымъ правиломъ каждаго изслѣдователя должно быть: „Amicus Plato, sed magis amica veritas“. Нельзя же зарапортоваться до того, чтобы говорить о „культурномъ подъемѣ славянъ при помощи германцевъ“! Надо же знать и мѣру! Да и на счетъ благоденствія славянъ въ Пруссіи и въ Австріи статистика даетъ намъ совершенно другія данныя, сравнительно съ положеніемъ, напр., поляковъ въ Россіи. Прекрасная

и строго объективная картина этого вопроса была представлена въ свое время профессоромъ Г. Ѳ. Симоненко въ его блестящей работѣ: „Царство Польское сравнительно съ Познанью и Галиціей". Данныя профессора Симоненко о значительно бо́льшемъ благоденствіи поляковъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, сравнительно съ познанскими и галиційскими поляками, находятъ себѣ подтвержденіе и въ послѣдующихъ работахъ русской статистики (см., напр., „Труды варшавскаго статистическаго комитета", выпуски XXII, XXIII и друг., а равно и мои работы: 1) „Россія и Русская Польша", 2) „Pologne Russe", 3) „Варшава и Лодзь" и др. Мало того, это подтверждаетъ и такой безпристрастный передовой изслѣдователь, какъ, напр., Элизе Реклю (Elisée Reclus, Nouvelle Géographie universelle, la terre et les hommes, V Europe Scandinave et Russie, 1880, стр. 403 и 404).

Кромѣ того, что касается въ частности германско-польскихъ отношеній, то мнѣніе нѣмца Ширмахера нѣсколько запоздало: „Временный поворотъ въ польско-германскихъ отношеніяхъ совершился, по замѣчанію г. Далибора, благодаря почину гр. Эренталя, которому удалось склонить германское правительство къ пріостановкѣ политики земельнаго отчужденія по отношенію къ познанскимъ полякамъ и на время какъ бы примирить польское населеніе съ австро-германскимъ союзомъ".

Но довольно объ этомъ. Не будемъ также касаться нелѣпыхъ сравненій нѣмца Ширмахера, въ которыхъ онъ изображаетъ славянъ въ качествѣ „германскихъ египтянъ" или „германскихъ индусовъ"... Скажемъ только, что сколько намъ ни приходилось бывать въ Германіи, мы каждый годъ видѣли одно и то же: матеріальной, технической культуры, пожалуй, въ этой странѣ было много, но духовная культура въ массѣ ея населенія не только не повысилась, но даже значительно понизилась. Современный нѣмецъ абсолютно не интересуется ничѣмъ духовнымъ, возвышеннымъ, философскимъ; онъ знаетъ только то, что у него подъ носомъ, и не желаетъ знать того, что происходитъ въ сосѣднемъ городѣ, или не входитъ въ интересы его „лавочки". Въ окнахъ нѣмецкаго поселянина или горожанина всегда чисто вымытыя стекла, передъ окнами ровно подстриженные цвѣтники, но изъ этихъ оконъ онъ не желаетъ видѣть ничего дальше своего палисадника.

Хоть и сѣръ нашъ славянскій мужичекъ, хоть и нѣтъ у него георгинъ передъ его хатою, но духовною культурою и мощью

своего духа онъ далеко превзошелъ своего германскаго сосѣда изъ-подъ Торна.

А послѣ всего того, что мы читали за 1914 годъ о разгромѣ нѣмцами Лувена, Шантильи, Реймса и др., послѣ всѣхъ тѣхъ ужасовъ, которые мы слышали отъ вернувшихся изъ Германіи во время войны, гдѣ ужъ тутъ говорить о какой-то нѣмецкой культурѣ!..

III. Нѣмецкая жестокость.

За все время войны газеты были полны статей, воспроизводившихъ впечатлѣнія очевидцевъ о всѣвозможныхъ неслыханныхъ жестокостяхъ германцевъ, которыхъ отъ нихъ никто будто бы никогда не ожидалъ. Послѣднее, однако, не совсѣмъ такъ. Эти проявленія жестокости со стороны германцевъ были вполнѣ имъ присущи на всемъ протяженіи ихъ исторической жизни. Это отразилось и на ихъ правосознаніи, девизомъ котораго было издревле право голаго кулака (Faustrecht), превратившееся нынѣ только въ право кулака бронированнаго. „Право это сила“ (Recht ist Kraft) и „сила—это право“ (Kraft ist Recht), провозглашали и современные нѣмецкіе юристы, и право силы замѣнило въ Германіи навсегда силу права. Жестокость древнихъ тевтоновъ прикрылась кровавою тогою нѣмецкихъ законовъ. Нѣмецкіе судьи, никогда не бывшіе жрецами истиннаго права, стали Калхасами фальшивой законности. Приведемъ хотя нѣсколько примѣровъ отъ древности до нашихъ дней.

Такъ, напримѣръ, въ старомъ германскомъ правѣ (leges barbarorum, lex Frisiorum) за похищеніе вещей, посвященныхъ языческому культу, преступника передъ казнью жестоко изувѣчивали, выкалывали ему уши и кастрировали (?). Другія группы нарушителей закона объявлялись часто, какъ бы въ насмѣшку, „vogelfrei“, то-есть свободными, какъ птицы, которыхъ каждый имѣлъ право подстрѣлить.

Прошла эта древнѣйшая эпоха и наступила не менѣе жестокая эпоха нѣмецкихъ городовыхъ и мѣстныхъ правъ съ отвратительными формами смертныхъ казней, съ выкалываніемъ глазъ, кипяченіемъ въ водѣ и колесованіемъ непокорныхъ. За простыя потравы нѣмцы выкалывали глаза, отрубали руки и т. д. Провинившихся женщинъ заставляли самихъ шить себѣ мѣшки, въ которыхъ ихъ утопляли. Варварски казнили нѣмцы людей из-

дѣвались и надъ провинившимися животными, вѣшая ихъ за заднія ноги и т. п.

Булочниковъ, которые выпекали булки не по установленному размѣру, сажали въ особыя клѣтки и многократно медленно погружали въ воду. Другихъ жгли, третьихъ колесовали. Послѣднее, то-есть колесованіе (Strafe des Rades) очень любили нѣмцы и всячески его разнообразили, назначая его то сверху внизъ (von oben nach unten), то снизу вверхъ (von unten nach oben), то-есть раньше перебивали колесомъ сухожилія ногъ, потомъ рукъ, а потомъ измочаленное живое тѣло клали на колесо, водруженное горизонтально на колу. У каждаго нѣмецкаго феодала выстроена была постоянная висѣлица съ большимъ или меньшимъ количествомъ столбовъ (смотря по его рангу), съ которой тѣла повѣшенныхъ не снимались по цѣлымъ годамъ.

А старыя германскія клоаки-тюрьмы! Вѣдь въ нюренбергской тюрьмѣ зародилась такъ называемая „нюренбергская дѣва“, т. е. женоподобный футляръ, утыканный внутри гвоздями, въ который помѣщали живыхъ людей, истекавшихъ здѣсь кровью. Здѣсь же были изобрѣтены особыя штрафныя колодки для сварливыхъ нѣмокъ. Въ той же нюренбергской тюрьмѣ, по свидѣтельству Сергѣевскаго, схранились деревянныя палатки съ отверстіями, въ которыя вкладывали ноги заключенныхъ для удержанія ихъ въ лежачемъ положеніи.

Теперь грабятъ на большихъ дорогахъ бандиты и хулиганы, а въ средніе вѣка грабежами и разбоями не гнушались сами владѣтельные нѣмецкіе бароны, которые ограбляли проѣзжихъ подъ стѣнами собственныхъ украшенныхъ гербами замковъ. А нѣмецкій ученый-судья Карпцовъ въ своей автобіографіи съ особеннымъ самопочитаніемъ отмѣчаетъ то, что онъ въ теченіе своей жизни произнесъ болѣе 2000 смертныхъ приговоровъ.

Таковы нѣсколько выхваченныхъ мною изъ исторіи обычныхъ примѣровъ обычной нѣмецкой жестокости. А теперь приведемъ также примѣръ болѣе современной нѣмецкой жестокости и грубости нравовъ.

Современные нѣмецкіе ученые на ряду со смертною казнью или вмѣсто смертой казни рекомендуютъ, напримѣръ, кастрацію такъ называемыхъ „неисправимыхъ“!!! Они рекомендуютъ также и тѣлесныя наказанія, но въ формахъ болѣе жестокихъ, даже древности не знакомыхъ, каково, напримѣръ, обливаніе холодной

водой или наказаніе электрическими ударами. Рѣдко у какого-либо народа встрѣчалось такое безцѣльное глумленіе и издѣвательство надъ человѣческой личностью.

Впрочемъ въ Германіи за послѣднее время очень усиленно работало за тѣлесныя наказанія и само нѣмецкое общество. Такъ, напримѣръ, въ 1900 году въ рейхстагъ была внесена изъ Вестфаліи петиція (съ 1000 подписей) о томъ, чтобы за нѣкоторыя преступленія (насилія и тѣлесныя поврежденія) были введены тѣлесныя наказанія. Да и въ современной нѣмецкой литературѣ все еще встрѣчаются защитники тѣлесныхъ наказаній: достаточно назвать хотя бы Миттельштедты и Крауссе. Въ уставахъ современныхъ германскихъ тюремъ мы также до сихъ поръ находимъ подробныя перечисленія наиболѣе употребительныхъ тамъ тѣлесныхъ наказаній самаго отвратительнаго свойства, каковы, напримѣръ: 14 Tage Krummschliessen oder Zwangsjacke, 10 Tage Lattenstrafe, 60 Ruthen oder Stockschläge, Klotz und Kette auf 2 Monate, Eisenstrafe auf 2 Monate.

Такъ называемый „Strafregulativ“ современнаго нѣмецкаго (напримѣръ, вальдгеймскаго) цухтгауза заключаетъ въ себѣ удивительныя для двадцатаго столѣтія предписанія о томъ, по какимъ частямъ тѣла надо бить въ тѣхъ случаяхъ, когда по болѣзни нельзя производить экзекуцію на спинѣ или сѣдалищѣ. Нельзя не содрагаться передъ грубой жестокостью подобныхъ предписаній. А между тѣмъ, въ германскихъ тюрьмахъ стремленіе причинить боль заключенному совершенно явно и ничуть даже не скрывается. Такъ, напримѣръ, въ германскихъ цухтгаузахъ (даже въ берлинскомъ Моабитѣ) и понынѣ примѣняется упомянутое выше Lattenstrafe. Это во всѣхъ отношеніяхъ безчеловѣчное и просто безнравственное наказаніе состоитъ въ слѣдующемъ:

Заключеннаго помѣщаютъ въ темную камеру, въ которой и полъ, и стѣны покрыты острыми треугольными планками (клиньями), образующими какъ бы сплошную мелко зазубренную рѣшетку. Заключеннаго вводятъ сюда въ одной только нижней одеждѣ и непремѣнно босикомъ и оставляютъ его въ такомъ варварски-устроенномъ помѣщеніи по цѣлымъ недѣлямъ. (См. объ этомъ, напримѣръ, въ книгѣ Wrede: „Die Körperstrafen“). Довольно характернымъ для нѣмцевъ современнымъ наказаніемъ является также такъ называемое „Krummschliessen“ (скрючива-

ніе), состоящее въ томъ, что попеременно одну изъ рукъ прикрѣпляютъ къ лодыжкѣ противоположной ноги.

Передъ подобными изощреніями германской жестокости блекнутъ уже совершенно, разныя „смирительныя рубашки“, „кожаные намордники“ и т. п., видѣнные мною при обозрѣніи разныхъ нѣмецкихъ тюремъ и цухтгаузовъ (см. В. Есипова: „Тюрьмы на Западѣ“ и „Очеркъ уголовнаго права“).

Теперь нѣмцы налагали жесточайшія контрибуціи на различныя города (Льежъ, Брюссель и др.). И это для нихъ не ново: еще въ 1312 году императоръ германскій Генрихъ VII издалъ приговоръ противъ всѣхъ итальянскихъ городовъ; въ 1607 году имперскій судъ въ Германіи объявилъ городъ Донаувертъ лишеннымъ всѣхъ правъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе.

А сколько ужасовъ и нѣмецкой жестокости описано въ хорошо извѣстныхъ произведеніяхъ Гюи-де-Мопассана, Эркмана-Шатріана, Стриндберга и друг., рисующихъ намъ картины франко-прусской войны 1870 года. Намъ вспоминается еще одинъ эпизодъ, бывшій вскорѣ послѣ франко-прусской войны въ Эльзасѣ, когда одинъ видный нѣмецкій дѣятель безнаказанно убилъ наповалъ ударомъ пивной кружки по головѣ глухого француза за то, что тотъ свистомъ звалъ свою собаку во время рѣчи нѣмецкаго „оратора“ въ одной изъ эльзасскихъ пивныхъ (Б. В. 1914).

Нужно ли послѣ всего этого удивляться жестокостямъ германцевъ во время войны 1914 года. Тевтоны остались тевтонами.

IV. Пангерманизмъ и панславизмъ.

По поводу переживаемыхъ нами событій позволю себѣ высказать хоть часть тѣхъ мыслей, которыя волнуютъ нынѣ русскій славянскій міръ.

Въ наше время уже сознана всѣми великая политическая и соціальная мудрость, что „въ единеніи сила“. Осуществленіе этой идеи мы уже видимъ въ двухъ совершенно различныхъ мірахъ, — въ мірѣ германскомъ и въ мірѣ мусульманскомъ. Идеѣ пангерманизма на Западѣ современная Германія обязана уже своимъ еще недавнимъ экономическимъ ростомъ и развитіемъ Идея панисламизма на югѣ и востокѣ уже теперь создаетъ изъ

слабаго прежде мусульманскаго міра довольно грозную силу, которую не должны игнорировать славяне.

Съ другой стороны, сама собою напрашивается мысль о томъ, что если появились уже такія ясноопредѣленныя теченія, какъ пангерманизмъ, панисламизмъ и т. п., — то не будетъ ли совершенно естественнымъ дополненіемъ этихъ объединительныхъ національныхъ теченій идея панславизма.

Не будемъ говорить о ея теоретическихъ границахъ, не будемъ спорить о различныхъ оттѣнкахъ прежняго славянофильства и новаго славизма. Не въ оттѣнкахъ дѣло, а въ общей идеѣ. Наряду съ пангерманизмомъ и панисламизмомъ пора уже развиться новымъ культурнымъ началамъ панславизма.

Это къ тому же теперь совершенно своевременно. На аренѣ политической жизни, славяне являются болѣе молодою націею; тѣмъ необходимѣе для нихъ ихъ общее объединеніе подъ эгидою Великой Россіи.

Да объединятся же вмѣстѣ съ нею всѣ славянскія племена, и да покроется призывный побѣдный кличъ: „Гей славяне“!—общими дружными кликами: ура, виватъ и наздаръ!...

Еще недавно вспоминали у насъ вѣщія слова Кнута Гамсуна: „Славяне,—народъ будущаго, завоеватели міра послѣ германцевъ“.

Въ 1908 году почти то же высказалъ мюнхенскій профессоръ К. Крумбахеръ въ своей статьѣ „Культурная цѣнность славянства“. Если вспомнить, говоритъ онъ, что въ древніе вѣка преобладали народы романскіе, въ средніе и новые — германскіе, то само собою напрашивается выводъ, что въ слѣдующіе вѣка должны преобладать славяне. Благодаря неизбѣжному расчету бѣлой и желтой расъ въ грядущемъ тысячелѣтіи, славянство и особенно русскій народъ, овладѣвшій Сибирью, выдвигается, несомнѣнно, исторіею впередъ.

Поэтому, кто въ настоящее время знакомъ только съ германскими и романскими языками и культурами, по отношенію же славянскаго міра остается глухимъ, тотъ страдаетъ такимъ изъяномъ въ умственномъ развитіи, что не въ состояніи не только оцѣнить, но даже и понять исторической связи событій, политическихъ, религіозныхъ и соціальныхъ стремленій, литературныхъ и художественныхъ вѣяній нашего времени.

„Неудивительно, — говоритъ и Кнутъ Гамсунъ, — что у такого народа можетъ возникнуть такая литература, какъ русская, литература безграничная въ своемъ величіи и поразительная“.

Идеи объединенія, которыя уже пережили или переживаютъ романскіе и германскіе народы, теперь становятся достояніемъ славянъ. И въ новые славянскіе мѣха вливается новое вино всеславянскаго единства, братства, дружбы и любви.

Велико и грандіозно историческое прошлое славянъ. У всѣхъ у нихъ были и есть великія историческія эпохи, когда они держались высоко и часто недосягаемо въ средѣ великихъ державъ.

Велика была Болгарія во времена Симеона Болгарскаго, велика была Сербія во времена Стефана Душана, велика и понынѣ рыцарская Чехія со своими рыцарскими традиціями средневѣковья, велика была Польша при Стефанѣ Баторіи и Янѣ Собѣсскомъ, велика и державна Великая Русь.

Удѣльная Русь, Московское Царство и Россійская Имперія — уже въ этомъ постоянномъ историческомъ ростѣ названій ясно звучитъ постоянное усиленіе и могущество русскаго государства. Были у насъ и годины бѣдствій, но онѣ были какъ бы уроками Провидѣнія для лучшаго преуспѣянія государственной жизни въ будущемъ. Иго татарское мы свергли, ига иноземнаго-европейскаго не допустили, феодализму не привелось у насъ пустить глубокихъ корней...

Когда великая Москва, какъ лебедь подъ крыло свое, собрала всѣ разъединенные удѣлы, тогда она сдѣлалась главою и повелительницею огромнаго края, занимавшаго почти всю среднесійскую низменность. Еще шире раскинулась Имперія Россійская!

Много войнъ вела Русь Великая. За послѣднія только шестьдесятъ лѣтъ было четыре войны: крымская кампанія 1855 года, русско-турецкая или первая славянская война 1877 года, русско-японская война 1905 года и нынѣшняя отечественная или вторая великая славянская война 1914 года.

Во время первой славянской войны 1877 года русскіе были уже на берегахъ Босфора, подъ стѣнами Константинополя, наши войска дошли до Царь-Града. Для спасенія южныхъ славянъ, сѣверные славяне легли костьми и у Плевны и на Балканахъ. Но Бисмаркъ на Берлинскомъ конгрессѣ постарался всячески урѣзать выгоды, которыя могла бы извлечь изъ этой войны Россія.

Теперь, въ эпоху переживаемой нами второй великой славянской войны, Руси пришлось бороться не только со Стамбуломъ, но и съ Берлиномъ и съ Вѣной, въ защиту той же идеи славянства.

Еще не такъ давно въ Петербургъ и въ Варшаву пріѣзжали

дорогіе славянскіе гости: Крамаржъ, Грибаръ и Глѣбовицкій, представители великой славянской идеи, явившіеся къ намъ не съ мечемъ и оружіемъ, а съ вѣтвью масляничной и съ пальмою мира и единства. Одинъ изъ нихъ, Крамаржъ, томился еще недавно въ австрійскомъ плѣну... Но Русь вмѣстѣ со всѣмъ славянскимъ миромъ уже откликнулась на ихъ призывъ!

Вторая великая славянская война создала такой національный энтузіазмъ въ славянствѣ, что торжество послѣдняго обезпечено. Велика и родовита мощь славянъ. Безуспѣшно пытались враги затмить солнце его величія среди южныхъ славянъ. Прошли краткія минуты эти и снова сіяетъ славянство, озаренное лучезарнымъ свѣтомъ и согрѣтое великимъ сердцемъ Великой Россіи.

И не трогала Русь Великая никого. Вышедшая недавно „Оранжевая книга“ ясно указываетъ, кто „зачалъ споръ“.

„На зачинающаго Богъ“ и единый могучій славянскій порывъ, единая дружная славянская мощь!

V. Освобожденіе отъ нѣмецкаго засилія.

Кончено! Россія рѣшила, наконецъ освободиться отъ нѣмецкаго засилія, проникавшаго во всѣ стороны нашей жизни. Самъ народъ спѣшитъ теперь раскрѣпостить себя и свою мысль отъ всего иноземнаго, чуждаго, „нѣмецкаго“.

А засиліе это происходило совершенно открыто и, такъ сказать, планомѣрно. Еще въ девятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія нѣмцы начали печатать кичливые „Uebersicht'ы“, то-есть обозрѣнія достигнутыхъ ими успѣховъ на почвѣ германизаціи или простого нѣмецкаго засилія въ экономической и культурной жизни Россіи и другихъ странъ. Въ этихъ „Uebersicht'ахъ“ совершенно откровенно сообщались планы и проекты нѣмецкой колонизаціи въ Европѣ, сообщалось объ отвоеваніи тѣхъ или иныхъ экономическихъ рынковъ, о завоеваніяхъ въ области нѣмецкой культуры и нѣмецкаго просвѣщенія и т. д. и т. д.

Но завоевать еще не значитъ удержать навсегда за собой завоеванную позицію. Проснулся нашъ родной богатырь Илья Муромецъ и гонитъ теперь нѣмцевъ по всему россійскому фронту.

Нѣтъ болѣе у насъ Санктъ-Петербурга, а есть чисто русскій Петроградъ или градъ Святого Петра, какъ именуетъ его Святѣй-

шій Синодъ. Скоро возродятся снова родные намъ: Колывань (нынѣ Ревель), Ямъ (Ямбургъ), Орѣшекъ (Шлюссельбургъ) и друг. Ранненбургъ хочетъ стать Боголюбовымъ, Петергофъ-Петровымъ Селомъ.

А сколько такихъ германизмовъ въ Восточной Пруссіи, гдѣ почти до корня онѣмечены прежніе Полабскіе славяне — всѣ эти Бодричи, Лучичи, Поморяне и прочіе. Гдѣ былъ прежній ганзейско-славянскій Гданскъ, тамъ нынѣ Данцигъ, гдѣ былъ Кролевецъ — тамъ Кенигсбергъ, гдѣ Дѣвень — тамъ Магдебургъ. А всѣ прибрежныя мѣстности: Колоржегъ, Субботы, Мой здруй (Колодезь), Щетина, — превращенныя нѣмцами въ Кольбергъ, Цоппотъ, Мисдрой, Штетинъ! А Иноврацлавъ, превращенный по приказанію Вильгельма въ Гогензальцу, или Дзялдово, переименованное много ранѣе въ Сольдау. И много, много другихъ.

А нашъ Аккерманскій уѣздъ съ его нѣмецкими колоніями, среди которыхъ имѣются: Лейпцигъ, Кульмъ, Клястицъ, Данцигъ, Деневицъ, Теплицъ и другія „хорошо извѣстныя историческія наименованія, нарочито выбранныя нѣмцами во славу тевтонства“!

Нѣмецкое засиліе сказалось и въ обыденной славянской рѣчи, пестрящей германизмами (особенно у поляковъ, напримѣръ, meldunek вмѣсто Meldung, datunek вмѣсто Gattung и т. п.) и особенно въ научномъ книжномъ языкѣ современныхъ русскихъ и польскихъ ученыхъ. Еще недавно профессоръ Владиміровъ привѣтствовалъ начало раскрѣпощенія отъ нѣмецкаго засилія русской научной мысли, которой давно уже пора перестать ходить на нѣмецкихъ помочахъ.

А на ряду съ нѣмецкимъ засиліемъ въ области научной мысли проявлялось за послѣдніе годы такое же нѣмецкое засиліе и въ области русской промышленности, и въ торговлѣ, и даже иногда въ сельскомъ хозяйствѣ. Но живы наши самобытные геніи, живъ нашъ труженикъ-пахарь, нашъ кустарь-самоучка, жива наша русская промышленность, наша русская торговля!

Если за послѣдніе годы нѣкоторые русскіе промышленники и торговцы какъ-бы „покладали руки“, живя только со дня на день при помощи навязчиваго клейма „made in Germany“, — то теперь пора имъ проснуться и смѣло ставить на своихъ фабрикатахъ и товарахъ новый почетный знакъ, „made in Russia“ и, конечно, на русскомъ языкѣ.

Этапъ за этапомъ сдавали въ былое время россіяне нѣмцамъ.

„Мирно“ и послѣдовательно шло нѣмецкое экономическое завоеваніе въ Россіи. Едва не отошелъ въ нѣмецкія руки Донецкій каменноугольный районъ, почти перешелъ въ ихъ руки Лодзинскій промышленный районъ; въ разныхъ городахъ россіяне посдавали нѣмцамъ — желѣзныя дороги, трамваи, освѣщеніе и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Пытались нѣмцы завладѣть и нѣкоторыми изъ нашихъ курортовъ, но это оказалось для нихъ ни къ чему, такъ какъ россіяне несмѣтными толпами везли сотни милліоновъ русскихъ денегъ въ курорты нѣмецкіе, забывая о равнозначащихъ, а часто и болѣе цѣлебныхъ курортахъ отечественныхъ...

Такова картина недавняго еще нѣмецкаго засилія во всей Россіи вообще. Любопытно отраженіе ея и въ Царствѣ Польскомъ въ частности. Поляки, говоритъ въ своей книгѣ (Die Zukunft Polens) нѣмецъ Клейнофъ, напрасно полагаютъ, что они могутъ въ области сельскаго хозяйства и промышленности обойтись безъ помощи нѣмецкихъ капиталовъ; вѣдь развиться полякамъ помогла въ особенности, — говоритъ этотъ нѣмецъ, — именно примѣсь нѣмецкой крови (!!); и насколько велика была эта культурная помощь германской крови (!!) видно изъ сравненія русской Польши съ Галиціей, гдѣ притокъ нѣмцевъ былъ не настолько силенъ и изъ сравненія съ положеніемъ поляковъ въ Германіи, гдѣ они принуждены принимать участіе въ культурной (!!) дѣятельности нѣмцевъ.

Другой нѣмецъ, проф. Бернгардъ, также отмѣчаетъ засиліе въ Польшѣ нѣмецкаго экономически господствующаго верхняго слоя, который распростерся надо всѣмъ польскимъ народнымъ тѣломъ на Востокѣ; на польское же среднее сословіе онъ смотритъ, какъ на авангардъ, высланный противъ нѣмецкаго верхняго класса.

Третій нѣмецъ, докторъ Ширмахеръ, уже зарапортовался до того, что все современное передовое движеніе славянства объясняетъ его культурнымъ подъемомъ при помощи... германизма (!!!); подобныя же явленія, развязно говоритъ онъ, наблюдаются среди египтянъ и индусовъ подъ англійскимъ владычествомъ. Такимъ образомъ, славяне представляются этому нѣмцу въ качествѣ „германскихъ египтянъ“ или „германскихъ индусовъ“!.. (См. выше).

Такое засиліе нѣмцевъ въ Польшѣ уже лѣтъ двадцать тому назадъ было блестяще охарактеризовано польскимъ писателемъ

Стефаномъ Коморницкимъ, который съ цифрами въ рукахъ наглядно доказалъ, насколько поляки вообще мало-по-малу экономически вытѣснялись нѣмцами и все болѣе, въ экономическомъ отношеніи, уходили на востокъ.

Но скоро уже будетъ конецъ этому нѣмецкому засилію и въ Россіи и въ Польшѣ. Проснулся уже славянинъ! А вѣдь кровь-то въ немъ изстариная, богатырская.

VI. Галиція, Царство Польское и нѣмцы.

Галиція, какъ часть Австріи,—говоритъ профессоръ Н. В. Ястребовъ, появилась въ эпоху раздѣловъ Польши. По 1 раздѣлу Польши 1772 г. Австрія получила воеводство Русское, часть воеводствъ Подольскаго, Белзскаго и Люблинскаго—земли, нѣкогда входившія въ составъ галицко-волынскаго княжества и потому названныя „королевствомъ Галиціи и Лодомеріи“ (земля княжества Владиміро-Волынскаго) — и южную часть воеводствъ Краковскаго и Сандомірскаго съ княжествами Осьвѣнцимскимъ и Заторскимъ. Пріобрѣтеніе первой группы воеводствъ, по населенію главнымъ образомъ русскихъ (малоросс.), юридически обосновывалось переходомъ будто бы къ Габсбургамъ старыхъ притязаній Венгріи на Галицкое княжество; обладаніе второй группой, если не всей, то княжествами Осьвѣнцимскимъ и Заторскимъ, мотивировалось наслѣдованіемъ будто бы Габсбургами правъ чешскихъ королей Люксембурговъ. Новая провинція Австріи по 3 раздѣлу Польши 1795 г. увеличилась присоединеніемъ остальной части воеводствъ Сандомірскаго и Краковскаго съ г. Краковомъ. Въ 1805 г., по Вѣнскому миру, Австрія уступила созданному Наполеономъ Вел. княжеству Варшавскому значительную часть Западной Галиціи и Россіи—Тернопольскій округъ Восточной Галиціи. На Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 г. Австрія возвратила эти потери, кромѣ Кракова, образовавшаго республику, подъ покровительствомъ Россіи, Австріи и Пруссіи, но въ 1846 г., послѣ революціонной вспышки, переданнаго Австріи и включеннаго ею въ составъ Галиціи. Съ той поры границы Галиціи оставались неизмѣнными; неизмѣнно было до послѣдняго времени и ея административное единство, за исключеніемъ 1849—60 и 1863—68 гг., когда Галиція раздѣлялась (не вполнѣ) на Восточную (русскую) и Западную (польскую). Австрія, овладѣвъ Галиціей, значительно измѣнила существовавшіе въ ней старые поль-

скіе порядки, отмѣнила шляхетское самоуправленіе и замѣнила его централистической бюрократіей, носившей онѣмечивающій характеръ.

Такъ справедливо пишетъ профессоръ Н. В. Ястребовъ въ своей недавно (1913 г.) изданной прекрасной книжкѣ „Галиція“ (представляющей собою отдѣльный оттискъ изъ V-го тома „Русской Энциклопедіи“). Было бы очень своевременно и въ высшей степени желательно переизданіе этой полезной книжки въ нѣсколько болѣе широкихъ размѣрахъ.

Населеніе Галиціи, по переписи 1910 года, составляло 8.022.126 жителей, то-есть 102 человѣка на 1 квадратный километръ; въ томъ числѣ было: поляковъ 4.675.612 чел., т.-е. 58,6%; малороссовъ (украинцевъ, русиновъ) 3.208.092 чел., т.-е. 40,2%; нѣмцевъ 90.416 чел., т.-е. 1,1%. Сельскаго населенія въ Галиціи 79,5%, городского—20,5%.

Съ этими цифрами населеніе Галиціи интересно сопоставить цифры населенія Царства Польскаго. Всѣхъ жителей въ 9 губерніяхъ Царства Польскаго (согласно „Статистическому Ежегоднику Россіи за 1913 годъ“)—11.960.500, т.-е. 120 человѣкъ на 1 квадратную версту; въ томъ числѣ поляковъ—71,8% (въ отношеніи всего населенія государства поляки составляютъ 5,8%). Сельскаго населенія въ Царствѣ Польскомъ — 75,7%, городского—24,3%.

Почти одинаковый и очень большой процентъ сельскаго населенія въ Галиціи (79,5%) и въ Царствѣ Польскомъ—75,7%) уже издавна вызывалъ рядъ правительственныхъ мѣропріятій по урегулированію крестьянскихъ отношеній.

Еще въ 1807 году статьей 4-й изданнаго Наполеономъ конституціоннаго устава герцогства Варшавскаго было отмѣнено въ Польшѣ крѣпостное право, но за крестьянами было признано право собственности на земли, находившіяся до тѣхъ поръ въ ихъ пользованіи. „При громкихъ фразахъ о свободѣ и равноправности,—писалъ въ 1859 году польскій экономистъ Ад. Кржиштопоръ (графъ Ѳома Потоцкій),—было отмѣнено вѣковое право крестьянъ на безсрочное пользованіе своими усадьбами. Полная свобода заключенія договоровъ, не ограниченная ни количествомъ усадебной земли, предоставляемой въ распоряженіе крестьянъ, ни опредѣленными размѣрами барщины, обратилась скорѣе во вредъ, чѣмъ въ пользу крестьянъ.

Помѣщики получили право въ концѣ каждаго года отказы-

вать крестьянамъ-усадебникамъ. Вслѣдствіе такого права, предоставленнаго помѣщикамъ, исчезли цѣлыя села: можно было видѣть деревни, сравненныя съ землей, а населеніе ихъ скитающимся безъ крова и убѣжища. Поля, оставленныя крестьянами, присоединялись къ фольварнамъ или раздавались нѣмецкимъ колонистамъ, которые были въ состояніи платить болѣе высокіе чинши. Такимъ образомъ, усиленію нѣмецкой колонизаціи въ Польшѣ способствовалъ не кто иной, какъ Наполеонъ своимъ конституціоннымъ уставомъ 1807 года!

Крестьянамъ,—говорилъ Потоцкій,—дана была свобода птицъ (wolność ptaków), которыхъ можно было прогнать съ дерева на дерево, съ крыши на крышу. Съ крестьянъ,—остроумно сказалъ Бадени,—были сняты оковы, но вмѣстѣ съ сапогами.

По отзыву другого польскаго ученаго, гр. Скарбека, тѣмъ способомъ, коимъ была дана свобода польскимъ крестьянамъ, она только превратила тысячи трудолюбивыхъ земледѣльцевъ, привязанныхъ къ своимъ жилищамъ, въ бродягъ и скитальцевъ, которыхъ праздность и нужда доводили до всевозможныхъ преступленій.

Въ періодъ отъ 1815 по 1831 годъ не только ничего не было сдѣлано для улучшенія положенія польскихъ крестьянъ, но, напротивъ, были изданы постановленія, клонившіяся къ еще большему ухудшенію этого положенія. Были устранены всякія, даже чисто юридическія ограниченія патримоніальной власти помѣщиковъ надъ крестьянами. По постановленію 1818 года должность гминнаго войта была соединена съ лицомъ каждаго помѣщика, которому предоставлялось право передать ее кому угодно. Тогдашніе воеводскіе совѣты, не безъ вліянія нѣмецкихъ колонистовъ, ходатайствовали даже объ ограниченіи личной свободы крестьянъ, но это ходатайство было отвергнуто.

Польскому крестьянину,—писалъ польскій экономистъ гр. Лубенскій,—были заперты всѣ пути къ пріобрѣтенію поземельной собственности. Помѣщикъ каждую минуту могъ выгнать его изъ усадьбы, повысить произвольно барщину, увеличить лежащія на немъ повинности и даремщины. Онъ могъ продавать спекулянтамъ (большею частью нѣмецкимъ колонистамъ) рабочіе дни крестьянина, обращать шарварковую повинность на свои собственныя потребности, разлагать денежные сборы на гмину, взимать ихъ и тратить по своему усмотрѣнію, никому не отдавая въ томъ отчета. Результатомъ такой эксплуатаціи было крайнее обѣдненіе населенія.

Неудивительно, что при такомъ порядкѣ вещей и дѣло просвѣщенія польскихъ народныхъ массъ шло крайне неудовлетворительно. Число начальныхъ школъ уже съ 1820 по 1828 годъ уменьшилось почти вдвое и тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Мостовскій въ рѣчи, произнесенной имъ на сеймѣ 1825 г. прямо объяснялъ такое уменьшеніе числа школъ крайнимъ обѣдненіемъ сельскаго населенія (Mowy sejmowe 1825 roku). О такомъ бѣдственномъ положеніи края свидѣтельствовалъ съ полною убѣдительностью и извѣстный крестьянинъ Казиміръ Дечинскій (Zywot chlopa polskiego). Много интереснаго по этому вопросу находимъ также въ недавно изданныхъ мемуарахъ польскаго короля Станислава-Августа Понятовскаго (Mémoires du roi Stanislas-Auguste Poniatowski, 1914).

Неудивительно также, что, когда Австрія и Пруссія потребовали возвращенія имъ всѣхъ польскихъ провинцій, взятыхъ у нихъ Наполеономъ I, изъ всѣхъ воеводствъ бывшаго Варшавскаго Герцогства, а теперь Царства Польскаго понеслись чрезъ государственнаго секретаря Шапявскаго и кн. Чарторыйскаго адресы къ Государю Александру I, въ которыхъ говорилось: „Императоръ можетъ впредь управлять нами какъ ему угодно; мы только объ одномъ умоляемъ, чтобы онъ не допустилъ насъ попасть подъ власть нѣмцевъ, такъ какъ поляки составляютъ одно племя съ русскими“.

Какъ напоминаетъ этотъ крикъ наболѣвшей польской души восторженное въ отношеніи русской арміи настроеніе въ Царствѣ Польскомъ во время войны 1914 года.

На необходимость единенія поляковъ съ русскими обратилъ въ свое время вниманіе и Императоръ Николай I въ своей рѣчи, произнесенной въ Лазенковскомъ дворцѣ въ Варшавѣ въ 1835 г., при пріемѣ польской депутаціи. Государь указалъ на то, что среди волненій, которыя колеблятъ Европу, поляки имѣютъ счастіе пользоваться миромъ подъ эгидой Россіи, которая остается сильною и безупречною и стоитъ на стражѣ за поляковъ.

Въ сороковыхъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ начинаются реформы въ Галиціи, Познани и Царствѣ Польскомъ.

При одинаковой сущности аграрныхъ реформъ 1864 года въ Царствѣ Польскомъ съ реформою 1848 года въ Галиціи и 1850 г. въ Познани, бросаются въ глаза недостатки означенныхъ реформъ въ австрійской и прусской Польшѣ въ сравненіи съ основаніями реформъ 1864 года въ русской Польшѣ, а потому и различные

результаты ихъ. Они выразились въ первыхъ двухъ (т. е. въ Познани и Галиціи) въ громадномъ возрастаніи числа безземельныхъ крестьянъ, въ быстромъ обѣднѣніи сельскаго населенія этихъ провинцій и упадкѣ народной нравственности, въ противоположность результатамъ подобной же реформы въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ она сдѣлала доступнымъ обладаніе землей большинству крестьянъ и почти устранила сельскій пролетаріатъ, обезпечила крестянамъ самоуправленіе, сильно подняла производительность края, его матеріальное благосостояніе, удвоила число школъ и уменьшила число преступленій въ нѣсколько разъ.

Все это прекрасно очерчено въ работѣ профессора Г. Ѳ. Симоненко „Царство Польское сравнительно съ Познанью и Галиціей въ отношеніи ихъ успѣховъ экономическихъ, умственныхъ и нравственныхъ со времени реформъ 1848, 1850 и 1864 г.г. „Критическій отзывъ объ этой работѣ былъ напечатанъ въ изданной въ Вѣнѣ брошюрѣ „Les Habsbourgs et la Pologne". Эта брошюра также признаетъ гораздо большій прогрессъ русской Польши въ сравненіи съ австрійской и прусской, но приписываетъ его исключительно большему будто бы естественному плодородію въ первой, чѣмъ во второй. Такое объясненіе легко опровергается тѣмъ, что до указанныхъ реформъ Галиція и Познань развивались гораздо быстрѣе русской Польши, которая опередила ихъ въ своемъ развитіи только послѣ этихъ реформъ. Это находитъ себѣ подтвержденіе и въ новѣйшихъ работахъ русской статистики (см. выше).

А поразительный ростъ промышленнаго развитія Царства Польскаго, чего мы не видимъ ни въ Познани, ни въ Галиціи. Вѣдь за сорокъ лѣтъ, съ 1876 по 1914 годъ, число фабрикъ и заводовъ въ Царствѣ Польскомъ возросло въ четыре раза, а сумма фабричнаго производства увеличилась почти въ пять разъ.

Польшѣ, говоритъ и Роза Люксембургъ, не только не предстоитъ экономическаго обособленія отъ Россіи, но, наоборотъ, тенденція, вытекающая изъ общей внутренней природы крупно-капиталистическаго производства, будетъ съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе прикрѣплять ее къ Россіи. Обмѣнъ и раздѣленіе труда связываютъ Россію и Польшу тысячью нитей и разнообразные экономическіе интересы ихъ такъ переплетаются между собою, что польское и русское народное хозяйство представляютъ въ настоящее время лишь одинъ производственный механизмъ.

Оглядываясь на полвѣка назадъ, крестьяне Царства Польскаго всегда съ благодарностью будутъ вспоминать аграрную реформу Императора Александра II и послѣдующее затѣмъ ихъ устройство при содѣйствіи Крестьянскаго банка, завершившееся нынѣ, черезъ 50 лѣтъ, новою великою земельною реформою—разселеніемъ ихъ на хутора и отруба.

Такія же реформы нужны и въ Галиціи. Австрійскіе нѣмцы не дали ихъ галичанамъ.

Профессоръ *Владиміръ Есиповъ*.

Россію подъ опеку!

(Сужденія нѣмецкаго сельскаго хозяина).

Пишетъ, пишетъ царь германскій
Царю Русскому письмо:
Всю Россію завоюю,
Самъ въ Россію жить пойду.
Солдатская пѣсня.

Странныя сочиненія попадаются подчасъ на книжномъ рынкѣ... Просмотришь, подумаешь, что авторъ—невѣжда или маніакъ, и забудешь про книгу. Но вотъ черезъ нѣкоторое время слышатся кругомъ сужденія, что-то напоминающія, гдѣ-то раньше читанныя, и что же? Нашъ невѣжда—маніакъ, оказывается, былъ выразителемъ весьма серіознаго теченія, до поры до времени гдѣ-то скрывавшагося, но внезапно пробившагося наружу и все увлекающаго съ собою.

Въ скудныхъ случайныхъ извѣстіяхъ о внутренней жизни Германіи мы теперь иногда читаемъ про статьи и рѣчи, которыми вдохновляютъ согражданъ разные дѣятели. Профессоръ Лампрехтъ (Лейпцигъ) и др. изумляются, какъ это Франція и Англія воюютъ за то, чтобы „московское варварство управляло Европой". Въ проф. Зомбартѣ сербы (а слѣдовательно, вѣроятно, и прочіе славяне) вызываютъ „чувство отвращенія". Проф. Геккель (Іена) заявляетъ, что Россія, какъ и прочіе противники, должна быть „раздавлена,—иначе Германіи грозитъ опасность непрерывныхъ войнъ". Проф. Оствальдъ, переселившійся изъ Риги въ Лейпцигъ, называетъ Россію единственною угрозою для побѣды германской культуры и государственности, но успокаивается тѣмъ, что русскій народъ „не можетъ родить ни героевъ, ни геніевъ". Проф. Вундтъ (Лейпцигъ) говоритъ, что Россія своей культурой обязана „нѣмечеству", и рѣшаетъ такъ: русская часть Польши должна быть отдана Австріи, Финляндію слѣдуетъ превратить въ неза-

висимое государство, а балтійскіе нѣмцы должны быть возсоединены со своею родиною, „которой лучшіе изъ нихъ всегда были вѣрны въ своемъ сердцѣ“, и т. д. и т. д.

Психологъ Вундтъ, зоологъ Геккель, юристъ Лампрехтъ, химикъ Оствальдъ, экономистъ Зомбартъ—все это имена значительныя, постоянно приводившіяся въ лекціяхъ нашими университетскими профессорами, но политическія сужденія нѣмецкихъ свѣтилъ намъ что-то напоминаютъ, мы ихъ гдѣ-то раньше слышали, и что же? Мысли эти высказывались 9 лѣтъ тому назадъ въ книгѣ прусскаго публициста Іенча „Будущность нѣмецкаго народа“. Тогда книга Іенча казалась намъ чѣмъ-то въ родѣ лубочныхъ изображеній „Будущей войны“ и т. п., а нынѣ она можетъ служить обстоятельнымъ комментаріемъ къ отрывкамъ рѣчей, произносимыхъ Вундтомъ, Геккелемъ, Лампрехтомъ и пр... Книга, во-первыхъ, помогаетъ намъ уяснить себѣ психологическій типъ, главенствующій въ нѣмецкой жизни, а во-вторыхъ, она безхитростно разоблачаетъ ту роль, которую, по мнѣнію заграничнаго нѣмца, играла и должна играть въ будущемъ наша „внутренняя Германія“. Къ этому надо прибавить еще слѣдующее: въ то время какъ Геккель полагаетъ, что нѣмецкой націи по силамъ „раздавить“ не только Бельгію, но и все тройственное согласіе, Іенчъ свой походъ на Россію связывалъ съ единеніемъ „культурныхъ народовъ Европы“ (Германіи, Франціи, Англіи и Италіи). Оговорка эта необходима, чтобы русскій читатель не отнесся къ Іенчу съ пренебреженіемъ, котораго, очевидно, не заслуживаетъ мыслитель, оказывающійся болѣе разсудительнымъ, чѣмъ Геккель или Вундтъ...

Что такое Іенчъ, какъ типъ психологическій? Онъ—пруссакъ и даже, повидимому, силезецъ. Этимъ сказано многое. Ароматъ „пруссачества“, чуждаго всѣмъ романтическимъ остаткамъ нѣмецкаго прошлаго, съ трудомъ переносятъ даже баварцы и т. д., а во что̀ разростается прусскій типъ, сѣвъ на шею къ несчастнымъ „слезакамъ“ и т. д.,—объ этомъ русскій читатель имѣлъ случай судить по разнымъ повѣстямъ, напр., изъ познанской жизни. Іенчъ—грубоватый положительный „хозяинъ“, открыто заявляющій, что здоровые духовные плоды приноситъ только „филистерская дѣльность“, и не скрывающій своего презрѣнія къ „адвокатской болтовнѣ“, къ „женамъ берлинскихъ мясниковъ, ѣздящимъ въ Египетъ пялить глаза на пирамиды“ и пр. По своимъ экономическимъ воззрѣніямъ Іенчъ ярый апологетъ сельскохозяй-

ственной культуры: онъ критически относится къ типу промышленнаго государства и приписываетъ милитаризмъ вліянію столповъ металлическаго, кожевеннаго и текстильнаго производствъ. Что же касается національныхъ взглядовъ, то Іенчъ увѣренно дѣлитъ человѣчество на „культурныхъ людей“ и на „варваровъ“: разумѣется, славянъ,—какъ и „китайскаго кули“,—онъ относитъ къ низшей расѣ, обреченной быть рабочими въ промышленныхъ предпріятіяхъ, содержимыхъ людьми высшей культуры.

Представивъ читателямъ автора, обращаемся къ произведенію.

Постоянный ростъ народонаселенія,—говоритъ онъ, — приводитъ въ Германіи къ неразрѣшимому конфликту: земля не въ состояніи прокормить жителей, сельскому хозяйству грозитъ гибель, Германія превращается въ чисто-промышленное государство. Такая перспектива не удовлетворяетъ Іенча: во-первыхъ, промышленное государство не есть культурный идеалъ, а во-вторыхъ, одновременно съ Англіею, на землѣ нѣтъ мѣста другому государству этого же типа. Подробно обосновывая свою мысль, авторъ приходитъ къ тому заключенію, что нѣмцамъ могутъ помочь только колоніи.

Провозглашая этотъ принципъ, Іенчъ замѣчаетъ, что отдѣльные нѣмецкіе колонисты могутъ, конечно, устроиться въ Британской Африкѣ, въ Австраліи, Канадѣ, Соединенныхъ Штатахъ, Южной Америкѣ и т. д., но при такихъ условіяхъ нѣмецкое отечество теряетъ своихъ сыновъ: „они ничего не могутъ внести въ дѣло разрѣшенія нашихъ соціальныхъ и политическихъ затрудненій“. Между тѣмъ, на юго-востокѣ Европы, въ районѣ, гдѣ и Родбертусъ и Листъ видѣли область для нѣмецкой колонизаціи, имѣется еще довольно земли: частью вовсе необработанная, частью воздѣланная очень скверно, земля эта можетъ быть присоединена къ нѣмецкому отечеству. Съ предоставленіемъ нѣмецкому народу его естественнаго колонизаціоннаго фонда, культурные европейскіе народы обезпечиваютъ себя отъ всякой военной опасности, такъ какъ „нѣмцы будутъ вести только тѣ войны, которыя окажутся необходимыми для установленія порядка въ Россіи, на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ и въ ближней Азіи“... Такіе планы, по мнѣнію Іенча, вполнѣ отвѣчаютъ интересамъ „культурныхъ народовъ“, но, кромѣ того, авторъ разсчитываетъ на мадьяръ и на маленькіе славянскіе народы: и тѣ и другіе будутъ

смотрѣть на германскую имперію, какъ на избавительницу отъ „хищническаго хозяйства дворянства“ и какъ на „защитницу отъ русской анархіи и отъ русскаго деспотизма“.

Упоминая про „русскую анархію“, мы подходимъ къ центральному пункту программы Іенча: „Царство—нашъ единственный врагъ“,—какъ озаглавленъ особый отдѣлъ книги.

По мнѣнію силезскаго политика, каждое жизнеспособное государство должно разсуждать такъ: „Если сосѣдъ грозитъ стать сильнѣе меня или обладаетъ чѣмъ-либо нужнымъ для моей жизни,—онъ мой естественный врагъ“. Въ такихъ отношеніяхъ были, напр., Римъ и Карѳагенъ, а покуда англичане считали европейскій континентъ райономъ для распространенія своихъ владѣній,—смертельнымъ врагомъ Англіи была Франція. Нѣмецкое колонизаціонное и торговое движеніе встрѣчаетъ на востокѣ преграду со стороны Россіи, — слѣдовательно Россія является смертельнымъ врагомъ нѣмцевъ и притомъ врагомъ единственнымъ. „Не народъ русскій — врагъ нашъ, наоборотъ, онъ намъ нуженъ; нашъ врагъ—русское *царство*“, — восклицаетъ Іенчъ, и затѣмъ начинается характеристика этого „врага“.

Что есть русское Царство? Это — славянскій міръ, которому сами нѣмцы дали политическую организацію, направленную противъ Германіи,—объясняетъ авторъ. Трудами иностранцевъ Россія обращена въ полу-европейское государство, но, при численномъ перевѣсѣ славянскаго населенія, европеизація могла быть выполнена только внѣшнимъ образомъ,—въ области военной, финансовой, дипломатической. Истинной же культуры, представляющей собою плодъ дѣятельности всего народа, русскіе сами создать не въ силахъ, и если въ Россіи и суждено возникнуть подобной культурѣ,—ее можетъ создать только дальнѣйшее массовое переселеніе нѣмцевъ въ Россію.

Причину нашей безпомощности Іенчъ видитъ въ самой психикѣ русскаго народа. Это, въ глазахъ нашего критика, чудовищная неповоротливая масса, которой не можетъ двигать никакая идея (развѣ только религіозная). Интеллигенціи своей народъ не понимаетъ, бунты его не имѣютъ политической цѣли, вся его исторія представляетъ собою просто разселеніе по землѣ, обусловливаемое голодомъ и самообороною. У русскаго человѣка есть разумъ, фантазія, сердце, способность ко всѣмъ искусствамъ, но у него нѣтъ силы воли. Онъ терпѣливо переноситъ страданія,—въ этомъ онъ „виртуозъ“, онъ можетъ стать великимъ художникомъ,

поэтомъ, ученымъ, дипломатомъ, но къ работѣ, требующей упорства, выдержки — онъ неспособенъ, особенно же не годится онъ въ администраторы. Исходя изъ такой точки зрѣнія, раздѣляемой, по словамъ Іенча, всѣми авторитетами, авторъ рѣшительно опровергаетъ всѣхъ, кто оптимистически смотритъ на будущность русскаго народа. Этихъ оптимистовъ Іенчъ дѣлитъ на два разряда: одни надѣются на то, что Россія со временемъ догонитъ Европу, а вторые,—„панслависты“, — считаютъ свой народъ здоровымъ, а Западъ — гнилымъ. Къ первымъ относится „нѣмецкорусскій профессоръ Рейснеръ“, а въ „панслависты“ Іенчъ производитъ А. Л. Флексера-Волынскаго.

Приводя мысли г. Рейснера о томъ, что русскіе государственные дѣятели понимаютъ природу государства такъ же, какъ Гоббсъ и Бодэнъ, Боссюэтъ и Гуго Гроцій, Людовикъ XIV и Фридрихъ II, Іенчъ полагаетъ, что эти мысли отнюдь не доказываютъ свѣтлой будущности Россіи. Европейскій абсолютизмъ имѣлъ за собою плоды тысячелѣтней культурной работы средневѣковья, создавшей фундаментъ и матеріалъ для государственнаго строительства, тогда какъ у русской власти ничего подобнаго нѣтъ. Гдѣ тѣ русскіе города республики, которые, подобно итальянскимъ, нидерландскимъ и нѣмецкимъ, создавали бы широкую политическую жизнь, развивали промышленность, торговлю, взлелѣяли науку и искусство? На низкомъ уровнѣ стоитъ въ Россіи и земледѣліе,—эта основа здороваго государства, источникъ всякой высшей культуры. Германцы, поселившись въ римскихъ областяхъ, тотчасъ всюду стали дѣльными сельскими хозяевами, и абсолютизмъ во всей Средней и Западной Европѣ унаслѣдовалъ хорошо воздѣланныя земли. А русскіе? На недостатокъ въ учителяхъ они пожаловаться не могутъ: у нихъ есть бароны въ Балтійскомъ краѣ, есть на югѣ Россіи нѣмецкіе крестьяне, жили нѣмецкіе арендаторы и въ русской Польшѣ, откуда ихъ изгнали, что „было глупо“. Кромѣ того, состоятельные русскіе люди, склонные къ путешествіямъ, имѣютъ полную возможность основательно изучить нѣмецкое, датское и англійское хозяйства. Но они этого не дѣлаютъ. Германцы учились у римлянъ сельскому хозяйству и ремесламъ, не обращая никакого вниманія на упадочническую литературу Греціи и Рима, а русскіе умираютъ съ голоду на лучшихъ пшеничныхъ поляхъ Европы и просвѣщаютъ свой духъ „философическими мудрствованіями и извращенными фантазіями

упадочниковъ—французовъ, скандинавовъ и нѣмцевъ": вотъ что отвѣчаетъ мечтательной пассивной русской натурѣ.

Что могло, при такихъ условіяхъ, дать управленіе Россіею на началахъ просвѣщеннаго абсолютизма? Фридрихъ II располагалъ, по свѣдѣніямъ Іенча, честными, добросовѣстными и безкорыстными чиновниками, а русское правительство такихъ чиновниковъ не имѣетъ. Правительственная дѣятельность при преемникахъ „великаго дикаго Петра" ограничивалась, „несмотря на всѣ филантропическіе и философскіе припадки", однимъ лишь изысканіемъ средствъ на содержаніе арміи, блестящаго двора и „мошеннническаго лизоблюдничающаго чиновничества", да еще расширеніемъ границъ государства посредствомъ дипломатическаго коварства. Ни о народномъ просвѣщеніи, ни о сельскомъ хозяйствѣ, ни о промышленности не было и рѣчи, а если въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій и развели „тепличнымъ способомъ" большую индустрію,—то подъ нею нѣтъ твердаго основанія въ лицѣ цвѣтущей мелкой промышленности и нѣтъ контингента покупателей, состоящаго изъ зажиточныхъ крестьянъ и горожанъ. Въ русскомъ городскомъ самоуправленіи и въ крестьянскихъ обществахъ Іенчъ не видитъ учрежденій, выросшихъ изъ народа. Они представляются ему искусственно созданными аппаратами для „выколачиванія" налоговъ и мѣстомъ, гдѣ люди занимаются „политикою, заходящею куда-то вдаль". Однимъ словомъ, найдись въ Россіи великій государственный дѣятель,—онъ ничего бы не могъ сдѣлать даже при системѣ просвѣщеннаго деспотизма. А ужъ отъ конституціоннаго строя, предполагающаго разумное и мощное содѣйствіе всѣхъ гражданъ,—въ Россіи ждать нечего, ибо „все зависитъ отъ людей, а не отъ куска бумаги".

„Смогутъ ли интеллигенція и вышколенные соціалъ-демократами рабочіе, поддержанные всѣмъ жидовствомъ (юденшафтъ), что-нибудь сдѣлать въ области управленія, если имъ удастся разнести вдребезги сгнившее царское государственное устройство,—это покажутъ ближайшіе дни". Такъ пишетъ Іенчъ въ разгаръ нашихъ смутъ 1905 года.

Критически относясь ко всѣмъ надѣющимся на то, что Россія догонитъ Европу, авторъ, конечно, опровергаетъ и „панславистовъ". „Одинъ изъ этихъ странныхъ мечтателей, Волынскій—пишетъ Іенчъ,—даже видитъ здоровый зародышъ въ декадентствѣ, томъ декадентствѣ, которое, безусловно обнаруживая, до извѣстной степени, гнилость Запада, отвѣчаетъ русскому нраву.

Какое чудовищное заблужденіе!“ Это сближеніе „панславизма“ съ декадентствомъ очень забавно. Кто тутъ напуталъ, — Іенчъ ли или Волынскій, — не знаю.

Свои мысли о Россіи Іенчъ иллюстрируетъ экономическою картиною, написанною въ самыхъ мрачныхъ тонахъ. Лѣсныя площади опустошены, степной вѣтеръ заноситъ пескомъ плодородную землю, климатъ ухудшается. Почва частью истощена хищническимъ хозяйствомъ, частью занесена песками, частью заболотилась, такъ что ни помѣщики, ни крестьяне со своимъ хозяйствомъ, — въ первомъ случаѣ — безпорядочнымъ, во второмъ — первобытнымъ, не могутъ получить отъ земли большого дохода. Въ довершеніе всего нашъ изслѣдователь приводитъ изъ книги Лемана и Парвуса „Голодающая Россія“ печальное описаніе района, охваченнаго неурожаемъ.

„Требовать отъ русскихъ, чтобъ они сами себѣ помогли — значитъ говорить увязшему въ болотѣ, чтобъ онъ самъ себя вытащилъ за волосы“, продолжаетъ Іенчъ. Помочь можетъ только насильственная нѣмецкая колонизація Россіи, и никакихъ преградъ тутъ встрѣтиться не можетъ.

„Павелъ Рорбахъ еще до японской войны высказалъ, что почтеніе къ русскому могуществу мало на чемъ основано: всѣ свои войны русскіе вели плохо, и воевать съ европейскою державой русскіе не въ состояніи по экономическимъ причинамъ“. Поэтому, какъ говоритъ Рорбахъ, „каждый рѣшительный политическій противникъ Россіи имѣетъ возможность осуществить свои притязанія, направленныя противъ русской политики, лишь бы только не доходить до той предѣльной степени нагрузки, какая существуетъ у русскаго чувства собственнаго достоинства“.

„Нынѣ, говоритъ Іенчъ въ 1905 г., нечего считаться и съ этой предѣльной чертой, такъ какъ, въ своемъ теперешнемъ положеніи, русскіе — недѣеспособны и, въ частности, не могутъ добыть денегъ для веденія войны“. По всѣмъ этимъ соображеніямъ нашъ изслѣдователь, во-первыхъ, предлагаетъ отдѣлить отъ Россіи балтійскія губерніи, Финляндію, Малороссію, Литву и Польшу. Засимъ германское правительство должно предъявить Россіи требованіе открыть границы для нѣмецкаго ввоза и для нѣмецкой иммиграціи съ тѣмъ, чтобы за переселенцами сохранялась принадлежность къ германскому подданству и право пользоваться русскимъ языкомъ, лишь поскольку они это сочтутъ для себя выгоднымъ. Дальше фантазія Іенча разыгрывается

уже во всю: нѣмецкіе сельскіе хозяева скупаютъ у обанкротившихся русскихъ дворянъ и крестьянъ землю по дешевой цѣнѣ и ведутъ хозяйство при помощи дешевыхъ славянскихъ рабочихъ. Колоніи образуютъ маленькія республики, имѣющія собственное самоуправленіе подъ наблюденіемъ нѣмецкихъ чиновниковъ, а молодежь въ колоніяхъ составляетъ милицію подъ руководствомъ нѣмецкихъ офицеровъ: „этимъ путемъ Россія будетъ избавлена отъ одичанія и небрежности, и изъ нея будетъ сдѣлана благоустроенная страна“.

„Такъ поступить Германія не только въ правѣ, но и обязана, поучаетъ Іенчъ. „Земля дана для обработки всему человѣческому роду, и если одинъ народъ запускаетъ свой участокъ, то дѣльный сосѣдъ, стѣсненный въ своихъ границахъ, обязанъ *отставить* лѣниваго, неспособнаго владѣльца и либо вытѣснить, либо взять его подъ опеку. Къ этому побуждаетъ насъ двойной долгъ любви. Насъ обязываетъ любовь къ нашимъ дѣтямъ, ибо хлѣбъ, занесенный на русской почвѣ пескомъ и заглушенный болотомъ, это хлѣбъ нашего потомства. Побуждаетъ насъ къ этому и любовь къ самимъ же русскимъ, гибнущимъ въ плачевной нищетѣ. Когда милліонъ нѣмецкихъ крестьянъ обучитъ ихъ сельскому хозяйству; когда милліонъ нѣмецкихъ ремесленниковъ, инженеровъ и рабочихъ образуетъ крѣпкій классъ горожанъ; когда эти горожане создадутъ въ Россіи внутренній рынокъ и сдѣлаютъ доходнымъ русское сельское хозяйство; когда сотня тысячъ нѣмецкихъ чиновниковъ насадитъ въ русской администраціи честность и пригодность къ дѣлу, — тогда-то русская почва вновь будетъ прокармливать свое населеніе, тогда-то нищета уступитъ мѣсто благосостоянію“.

Подобная задача, лежащая на нѣмецкомъ народѣ, не кажется Іенчу утопическою: то, что̀ слабыя еще баварскія, франконскія, швабскія и саксонскія племена сдѣлали въ славянскихъ земляхъ на пространствѣ отъ Эльбы и Инна до Чудскаго озера и трансильванскихъ Альповъ,—представляется ему гораздо болѣе значительнымъ. На пути къ этой цѣли лежатъ препятствія лишь психическаго свойства, — частные интересы, предразсудки, антипатіи и пр. Прежде всего, колонизаціонная политика не отвѣчаетъ интересамъ крупной промышленности, уменьшая число рабочихъ, повышая заработную плату и сокращая потребность въ броненосномъ флотѣ. Кромѣ того, политика эта бьетъ по карману финансистовъ, которымъ всегда желательно, чтобъ

Россія заключала займы. Однако, побѣду надъ „желѣзными", „угольными" и биржевыми королями Іенчъ не считаетъ невозможною. Надѣется онъ предотвратить и всякія международныя осложненія, т.-е. склонить Англію и Францію къ невмѣшательству въ германо-русскія дѣла. Ничего удивительнаго тутъ нѣтъ,— вѣдь надѣялся же на это и Бетманъ-Гольвегъ... Болѣе существенныя препятствія Іенчъ усматриваетъ въ нѣкоторыхъ явленіяхъ внутренней нѣмецкой жизни. Такъ, во-первыхъ, онъ задается вопросомъ, могутъ ли нѣмцы выдѣлить достаточный контингентъ крестьянъ для веденія колонизаціи въ широкомъ масштабѣ, но утѣшается мыслью, что неиспорченныя земледѣльческія поколѣнія существуютъ въ Германіи повсемѣстно: даже въ такой цивилизованной странѣ, какъ Саксонія, сыновья крестьянъ переходятъ на иное поприще только изъ-за малоземелья. Меньше утѣшенія доставляетъ Іенчу дѣятельность германскаго правительства. Онъ сѣтуетъ на поддержку, оказываемую крупной промышленности, которая подорвала здоровое стремленіе народа къ пріобрѣтенію земель на востокѣ и тѣмъ создала неправильное кровообращеніе въ народномъ организмѣ. Онъ рѣзко и пространно критикуетъ антипольскую политику нѣмцевъ, которая слишкомъ выгодна для Россіи. Не удовлетворяетъ его, наконецъ, и германская дипломатія: она чрезмѣрно считается съ династическими связями и съ легитимистскими традиціями и доселѣ находится подъ обаяніемъ легенды „о необходимости поддерживать авторитетъ на берегахъ Невы"...

Всѣ перечисленныя препятствія надо нѣмцамъ преодолѣть и, въ согласіи съ Англіей и Франціей, двигаться на востокъ и на юго-востокъ. Неисполненіе этой программы грозитъ, по мнѣнію Іенча, двумя грозными послѣдствіями.

Если Россія впадетъ въ анархію и, можетъ быть, совсѣмъ развалится,—ея почва и лѣса придутъ въ полный упадокъ. Англія завладѣетъ ближней Азіей, балканскія страны запустѣютъ, австро-венгерскія области будутъ впадать въ маразмъ, и 11 милліоновъ тамошнихъ нѣмцевъ будутъ экономически истощены мадьярами и славянами.

Другой исходъ: Россія обновится, народъ окажется политически и экономически жизнеспособнымъ. Поддержанная иностраннымъ капиталомъ, нѣмецкими промышленниками, ремесленниками, инженерами,—Россія окажется тѣмъ „дѣйствительно—недоступнымъ колоссомъ, какимъ она доселѣ только казалась". Тогда,—

говоритъ Іенчъ, — Германія въ политическомъ отношеніи окажется тѣмъ, чѣмъ она является на географической картѣ: привѣскомъ Россіи, русскою сатрапіей...

Такова, въ общихъ чертахъ, книга Іенча.

Теперь она представляетъ для насъ преимущественно историческій интересъ, характеризуя ту поразительную близорукость, которую проявляли нѣмцы, готовясь къ нынѣшней войнѣ. Неспособные понять чужую душу, - они манчжурскую неудачу приписали слабости нашего народа и даже отрицали за нимъ способность „рождать героевъ“...

Рухнули ихъ разсчеты и на то, что ни Англія, ни Франція не поддержатъ „московскаго варварства“... Всѣ эти карты биты...

Трудно принимать мысли Іенча за какую-либо полную программу Германіи. Для этого книга слишкомъ примитивна. Скажемъ больше: при своихъ консервативныхъ, по существу, взглядахъ, при своемъ критическомъ отношеніи къ индустріализму, къ соціалъ-демократіи, — Іенчъ, въ глазахъ прогрессивныхъ слоевъ, является, быть можетъ, попросту старомоднымъ ворчуномъ? Намъ, однако, отъ этого не легче, такъ какъ есть „платформа“, на которой нѣмецкія партіи подаютъ другъ другу руки. Покойнаго Либкнехта—отца нельзя было заподозрить въ отсталости, а между тѣмъ онъ въ 1877—8 гг. рѣшительно высказался за поддержку Турціи противъ Россіи. Въ противномъ случаѣ,— пророчилъ передовой нѣмецъ,—скоро наступитъ время, „когда Россія, ставшая могущественною лишь благодаря германской помощи, направитъ свои когти противъ Германіи“... Передовой нѣмецъ опасался того, что „принципъ національности, который съ такимъ успѣхомъ использованъ Россіей противъ Турціи, будетъ точно такимъ же способомъ использованъ противъ германскагофорпоста,— Австро-Венгріи... *) Прошло 36 лѣтъ, и что же? Преемники Либкнехта, развивая его соціалъ-демократическую программу, не проявили какихъ-либо болѣе здравыхъ понятій о русскомъ народѣ, справа ворчливый Іенчъ рекомендуетъ взять насъ въ опеку и тѣмъ избавить отъ деспотизма и анархіи, а г.г. Вундтъ, Геккель, Лампрехтъ, Зомбартъ, Оствальдъ и т. д. и т. д. сыплютъ тѣми же мыслями, которыя подробно развиваются въ книгѣ Іенча.

---

*) См. статью г. Струве „Вильгельмъ Либкнехтъ и Вильгельмъ Гогенцоллернъ“ (Бирж. Вѣд. 26 августа 1914 г.).

А у насъ иные еще толкуютъ, будто мы воюемъ не съ нѣмецкимъ народомъ, а съ какимъ-то „милитаризмомъ“, какими-то „юнкерами“, которые поработили мирнаго Михеля, высоко держащаго свѣточъ соціальнаго добра и красоты... Прозрѣли ли мы, наконецъ?..

И. Пересвѣтовъ.

1 Ноября 1914 г.

„Нѣмецъ“ въ изображеніи русскихъ писателей.

Человѣчество переживаетъ эпоху переоцѣнки своихъ сокровищъ, добытыхъ изъ горнила исторіи трудомъ и геніемъ многихъ поколѣній. Поднимается и заститъ солнечный свѣтъ мрачная тѣнь того, кто „человѣкоубійца бѣ искони“, смущая польское сердце именемъ Вильгельма, чтущаго Ченстоховскую Богоматерь, — именемъ Вильгельма-мусульманина тревожа суевѣрный Востокъ, и пытаясь смутить русскаго солдата именемъ Вильгельма-германофоба,—въ прокламаціяхъ, направленныхъ противъ русскихъ генераловъ съ нѣмецкими фамиліями.

Но ужасъ не въ Вильгельмѣ и его опричникахъ, а въ томъ, что этими опричниками горделиво объявила себя цѣлая нація. „Разбойники“ Шиллера оказались безъ кавычекъ, берлинскіе представители искусства и науки въ XX вѣкѣ благоговѣйно исповѣдуютъ кровожадныхъ боговъ языческой Германіи.

Изъ пестрой амальгамы европейскихъ народовъ, въ результатѣ долгаго и прихотливо-пестраго историческаго процесса,— неожиданно и рѣзко выдѣлились элементы, считавшіеся переработанными властью длительныхъ культурныхъ воздѣйствій,— вспыхнули дремавшія стихійно-звѣриныя силы, пробудились темные инстинкты торжествующей животности, опоенной дурманомъ буржуазнаго благополучія и гордою вѣрой въ мощь дрессированнаго двуногаго звѣря.

Впервые, быть-можетъ, на памяти „культурнаго“ человѣчества вступили въ борьбу между собою враждебныя другъ другу по существу Идеи, вооруженныя всею мощью техническаго генія,—и напряженная ярость грознаго боя измѣряется степенью сознанья, что окончательная побѣда непремѣнно обусловлена гибелью врага.

Вѣчная антитеза Силы и Насилія никогда, кажется, не проявлялась такъ ярко, какъ въ нынѣшнюю войну. Но лишь попутно рѣшаются въ великой распрѣ народовъ даже такіе вопросы, какъ давній споръ міра славянскаго съ германскимъ. Существо совершающихся событій шире, и глубже, и значительнѣе расовыхъ и племенныхъ недоразумѣній: народы спорятъ о дальнѣйшемъ направленіи человѣческой культуры, сейчасъ задержанной на распутьи двухъ дорогъ: одна ведетъ на Берлинъ, гдѣ уже строютъ Каноссу для дерзкихъ защитниковъ Реймса и Лувена,— а другая — въ невѣдомый еще Пантеонъ Вселенскаго царства Любви, Правды и Разума.

Народы, объединившіеся въ чувствѣ вражды къ Берлину, борются за извѣчныя святыни культурнаго человѣчества. Ихъ патріотизмъ одухотворенъ сверхплеменною идеей справедливости, благороднымъ негодованіемъ истинныхъ хранителей Грааля.

Но, въ частности, эта война свидѣтельствуетъ, что еще не изжиты Европою національные идеалы: *нѣмецъ* набросился на француза, англичанина, бельгійца; *нѣмецъ* свирѣпствуетъ на поляхъ Сербіи и Польши; Россія ведетъ борьбу съ *нѣмцемъ*, народный идеалъ котораго воплотился въ образѣ Вильгельма Гогенцоллерна.

Въ настоящей замѣткѣ, говоря о типахъ нѣмца въ русской литературѣ, я хотѣлъ указать, что вѣщая душа русскихъ художниковъ слова давно уже чуяла приближеніе черной тучи, которая разразилась нынѣ надъ Европой грозою Божьяго гнѣва.

Русскому народу приходилось вступать въ культурно-политическія отношенія съ различными племенами, которыя первоначально покрывались въ массовомъ сознаніи общимъ названіемъ „нѣмцевъ“ (см. Даля). Но впослѣдствіи это имя было закрѣплено только за германцами, какъ будто въ знакъ того, что психическая *нѣмота*, отчужденность, органическая неспособность взаимнаго пониманія характерны для нашихъ отношеній не съ англичаниномъ, шведомъ, французомъ, а именно съ „нѣмцемъ“. Въ XVII столѣтіи Ю. Крижаничъ, считая нѣмцевъ наиболѣе опасными врагами славянства, даетъ любопытную характеристику з.-европейца (имѣя въ виду преимущественно германцевъ) сравнительно со славянами-русскими: первые—красивы наружностью, дерзки и горды (слѣдствіе красоты, по мнѣнію Крижанича), рѣчисты, исполнены всякихъ хитростей, скупы, алчны, предпріимчивы, скрытны, при-

творны, злопамятны, мстительны; славяне — „средніе люди“ (по наружности), не краснорѣчивы, просты сердцемъ, не ведутъ смѣты расходу и приходу, лѣнивы, просты въ мысляхъ, рѣчахъ и поступкахъ. Это едва ли не древнѣйшее въ русской письменности свидѣтельство противъ предковъ современныхъ германцевъ, если не считать отдѣльныхъ выпадовъ церковно-полемическаго характера.

Въ эпоху Крижанича вліяніе нѣмецкой слободы было, сравнительно, невелико: нѣмецъ только что входилъ въ русскую жизнь, по московски крѣпкую, трудно поддававшуюся культурнымъ вліяніямъ извнѣ. „Завѣщаніе“ патріарха Іоакима имѣло болѣе сторонниковъ, нежели идеи „латинской партіи“, съ Сильвестромъ Медвѣдевымъ во главѣ.

Россіи надо было пережить эпоху Петра I, съ его цинической влюбленностью въ Европу,—во всемъ ея цѣломъ,—начиная съ бритья бороды и кончая идеей „просвѣщеннаго“ абсолютизма, чтобы „нѣмецъ“, — мастеровой, торгашъ, чиновникъ, писатель, педагогъ, ученый, придворный фаворитъ почувствовали себя въ Россіи хозяевами положенія, вершителями вопросовъ даже династическаго характера...

Только со вступленіемъ на престолъ Императрицы Елизаветы русскій писатель обрѣлъ національный голосъ и смѣлость пользоваться имъ.

Въ торжественныхъ одахъ Ломоносовъ сперва деликатно изображаетъ „нѣмцевъ“ въ видѣ „божественныхъ наукъ“, которыя— „чрезъ горы, рѣки и моря въ Россію простирали руки“... Смерть Преобразователя спугнула мечту „музъ“ о русскомъ привольѣ, но „кроткая Екатерина, отрада по Петрѣ едина“ пріемлетъ щедрой ихъ рукой“—и „божественныя науки“ превратились въ „академиковъ“, съ которыми упорно велъ борьбу тотъ же Ломоносовъ, негодуя на „внѣшнее и внутреннее Академіи бѣдное состояніе“. „Извнѣ почти однѣ развалины; внутрь нѣтъ ничего, чтобы Академіей и университетомъ могло назваться по примѣру иностранныхъ“,—пишетъ онъ Шувалову: „...не дай Богъ, чтобы Академія досталась Тауберту въ приданое за дочерью Шемахеровой“. Этому Шумахеру, духовные потомки котораго забалотировали Менделѣева,—„было опасно происхожденіе въ наукахъ и произвожденіе въ профессоры природныхъ Россіянъ... Того ради ученіе и содержаніе Россійскихъ студентовъ было въ такомъ небреженіи, по которому ясно оказывалось, что не было у него намѣренія

ихъ допустить къ совершенству ученія. Яснѣе сіе понять можно, что Шумахеръ такъ неоднократно отзывался,—я де великую прошибку въ политикѣ своей сдѣлалъ, что допустилъ Ломоносова въ профессоры. И недавно зятъ его и чуть не Академіи наслѣдникъ, отозвался въ разговорѣ о произведеніи Россійскихъ студентовъ: развѣ-де намъ десять Ломоносовыхъ надобно? И одинъ-де намъ въ тягость"...

На фонѣ этихъ документальныхъ данныхъ особенно ясенъ становится Ломоносовскій призывъ къ русской молодежи:

Дерзайте...
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ *собственныхъ* Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Выражаясь специфическимъ языкомъ нашей современности, XVIII вѣкъ ознаменовался борьбою съ нѣмцами на почвѣ „зоологическаго націонализма",—и вина лежитъ прежде всего на самихъ же нѣмцахъ, прикрывавшихъ (и то не всегда) высокими словами чисто-звѣриную жадность ко всякой матеріальной благодати. Яковлевъ и Пустошкинъ съ товарищами, счетчикъ изъ матросовъ Максимъ Толстой такъ же, какъ и писарь канцеляріи Ладожскаго канала, въ регентство Бирона „вѣровавшій Елизаветѣ Петровнѣ", превосходно выразили этимъ настроеніе массы, которая въ половинѣ XVIII столѣтія была близка къ мысли о нѣмецкомъ погромѣ.

Ломоносову, въ эпоху Елизаветы, возможно было вести борьбу съ нѣмецкимъ засильемъ; но со вступленіемъ на русскій престолъ „принцессы, кочующей и бѣдной", обернувшейся, въ условіяхъ русской дѣйствительности, „богоподобною царевной киргизъ-кайсацкія орды",—борьба эта должна была, естественно, прекратиться, или принять видъ безличнаго похода противъ иноземщины вообще: бывшая Ангальтъ-Цербстская принцесса предпочитала литературную травлю „француза", благо послѣдній пользовался почетомъ при дворѣ ея предшественницы.

Наступала пора нѣмецкой колонизаціи русскаго юго-востока: „Семирамида сѣвера" мечтала о благополучіи русскаго землепашца.

Несмотря на вполнѣ понятную лойяльность русскаго общества временъ императрицы Екатерины въ нѣмецкомъ вопросѣ, посѣтители эрмитажныхъ собраній, вѣроятно, достаточно посмѣялись надъ фонвизинскимъ Вральманомъ, типъ котораго

является едва ли не первой въ русской литературѣ попыткой сатирическаго изображенія „нѣмца“. Вообще же „нѣмецкій вопросъ“, довольно рѣзко поставленный жизнью въ первой половинѣ XVIII вѣка, въ концѣ столѣтія потерялъ свою политическую остроту: интеллигенція наша была вовлечена въ кругъ иныхъ идей, которыми и встрѣтила „дней Александровыхъ прекрасное начало“, и которыя сказались, конечно, и на художественной литературѣ. Впрочемъ, въ XIX вѣкъ мы вступали, переживая не только очарованіе Шиллеровской поэзіей, но, отчасти, и чувство возмущенія и боязни за судьбы отечества, перестраивавшагося на голштинскій образецъ. Русскій писатель могъ отозваться на это пьесой только для „домашняго театра“: я разумѣю крыловскую „шуто-трагедію Трумфъ“, высмѣивающую гатчинскихъ насельниковъ. „Трумфъ“ брыжжетъ грубовато-веселою насмѣшкой. Но юморъ пьесы Крылова, разошедшейся по Россіи въ громадномъ количествѣ списковъ (въ печати, по цензурнымъ условіямъ, появилась только въ 1871 году), носитъ чисто внѣшній характеръ: русскому человѣку надо было пережить и 1812 годъ, и подумать надъ Шеллингомъ, чтобы притти въ изумленіе отъ самого себя, отъ собственной увѣренности, „что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья“,—и осмѣлиться поставить въ параллель „европейское съ національнымъ“ („Горе отъ ума“). Но въ то время, когда Чацкіе мечтали о воскресеніи нашемъ отъ чужевластья модъ, — „чтобы умный, добрый нашъ народъ хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ“, — мы подпали подъ вліяніе и литературно-философской Германіи.

Иванушкинъ „духъ принадлежалъ коронѣ французской“ („Бригадиръ“); русскій интеллигентъ начала XIX в. уже былъ съ „душою чисто-геттингенской“. Пушкинъ даетъ великолѣпную характеристику этихъ раннихъ нашихъ любомудровъ, дѣти которыхъ сдѣлаются горячими участниками различныхъ идейныхъ кружковъ:

„Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда возвышенную рѣчь“...

Но „поклонники Канта“, перейдя на Гегеля, о которомъ, по свидѣтельству современниковъ, „самыя ничтожныя книженки исправно выписывались и зачитывались до дыръ, до пятенъ въ нѣсколько дней“, разбираясь въ „тяжеловѣсныхъ, тугихъ“

гегелевскихъ формулахъ, встрѣчались у любимаго философа съ мыслями, роднившими Гегеля съ Шумахеромъ и Вральманомъ: „славяне... составляютъ нѣчто среднее между европейскимъ и азіатскимъ духомъ, и потому ихъ вліяніе на постепенное развитіе духа не было достаточно дѣятельно и важно, несмотря на то, что ихъ исторія разнообразно переплетается съ исторіей Европы и сильно въ нее вторгается“... „Славяне— темная масса народностей, лишенная энергіи. Если бы нашъ вѣкъ принадлежалъ славянамъ—это былъ бы ужасный вѣкъ“... Но эти заявленія „философа“, дышащія истинно-прусской надменностью, не смущали русскихъ энтузіастовъ, уходившихъ отъ дѣйствительности въ область мечты: имъ вѣрилось, „что есть избранные судьбами людей священные друзья“, и, вѣроятно, въ совершенно различныхъ плоскостяхъ мыслили Ю. Самаринъ и Ермоловъ, пришедшіе къ одинаковымъ по внѣшности выводамъ: „Ваше Величество, произведите меня въ нѣмцы“, дерзко острилъ въ эпоху Дуббельта и Бенкендорфа Ермоловъ; „чтобы стать человѣкомъ, надо сперва сдѣлать изъ себя германца“, мечтательно утверждалъ Юр. Самаринъ. Конечно, „нѣмецъ“ Ермолова рѣзко отличенъ отъ самаринскаго „германца“.

Въ то время, какъ благочестивые ученики мудрости старались подвести подъ гегелевскую формулу исторію славянъ,— „темной массы народностей“, — люди большого жизненнаго опыта и наблюдательности уже начинали чувствовать, что двуликое божество германизма вообще нуждается въ серьезной критикѣ присущихъ ему аттрибутовъ, и что, въ частности, не все обстоитъ благополучно съ нѣмцемъ, бытующимъ въ Россіи: Пушкинъ не вѣритъ „безкорыстью нѣмца въ службѣ“, Лермонтовъ считаетъ пошлость литературной брани — признакомъ нѣмецкаго происхожденія.

Не останавливаясь на „легкой“ сатирѣ присяжныхъ юмористовъ, для которыхъ „нѣмецъ“ всегда представлялъ благодарный сюжетъ, — и на „историческихъ“ романахъ изъ эпохи преимущественно — XVIII вѣка (Лажечниковъ, Саліасъ — и, въ наше время, Крыжановская — Рочестеръ съ ея замѣчательной по злободневности сюжета повѣстью „Паутина“), мы остановимся только на нѣкоторыхъ классикахъ нашей литературы.

Московскіе любомудры мучались надъ вопросомъ о „субъектѣ“ и „объектѣ“ и бродили по опушкамъ нѣмецкой философіи, а въ художественной литературѣ нашей уже про-

мелькнуло то звѣрообразное лицо бытового „русскаго“ нѣмца, который искони чувствовалъ себя „двоеподданнымъ“. Съ нимъ имѣлъ удовольствіе встрѣтиться легкомысленный поручикъ Пироговъ, одинъ изъ героевъ повѣсти Гоголя „Невскій проспектъ“. Преслѣдуя очаровательную незнакомку, Пироговъ очутился въ ея квартирѣ,

„Передъ нимъ сидѣлъ Шиллеръ,—не тотъ Шиллеръ, который написалъ „Вильгельма Теля“ и „Исторію тридцатилѣтней войны“, но извѣстный Шиллеръ, жестяныхъ дѣлъ мастеръ въ Мѣщанской улицѣ. Возлѣ Шиллера стоялъ Гофманъ,—не писатель Гофманъ, но довольно хорошій сапожникъ съ Офицерской улицы, большой пріятель Шиллера!“

Такъ „германецъ“ Самарина въ дѣйствительности оказался ермоловскимъ „нѣмцемъ“.

„Шиллеръ былъ пьянъ и сидѣлъ на стулѣ, топая ногою и говоря что-то съ жаромъ... Шиллеръ сидѣлъ, выставивъ свой довольно толстый носъ и поднявши вверхъ голову, а Гофманъ держалъ его за этотъ носъ двумя пальцами и вертѣлъ лезвеемъ своего сапожническаго ножа на самой его поверхности. Обѣ особы говорили на нѣмецкомъ языкѣ.

— Я не хочу, мнѣ не нуженъ носъ... У меня на одинъ носъ выходитъ три фунта табаку въ мѣсяцъ.. И я плачу въ русскій скверный магазинъ,—потому что нѣмецкій магазинъ не держитъ русскаго табаку, — я плачу въ русскій скверный магазинъ за каждый фунтъ по 40 коп. — это будетъ рубль двадцать копеекъ; двадцать разъ рубль двадцать копеекъ — это будетъ 14 р. 40 к. Слышишь другъ, мой, Гофманъ? На одинъ носъ 14 р. 40 к.! Да по праздникамъ я нюхаю Рапé, потому что я не хочу нюхать по праздникамъ русскій скверный табакъ. Въ годъ я нюхаю два фунта Рапé, по два рубля фунтъ. Шесть да четырнадцать—двадцать рублей 40 копеекъ на одинъ табакъ!..

... Я швабскій нѣмецъ; у меня есть король въ Германіи. Я не хочу носа. Рѣжь мнѣ носъ! Вотъ мой носъ!..“

Гоголь довольно подробно останавливается въ дальнѣйшемъ на характеристикѣ этого Шиллера,—„совершеннаго нѣмца, въ полномъ смыслѣ этого слова: „еще съ двадцатилѣтняго возраста, съ того счастливаго времени, въ которое русскій живетъ на фуфу, уже Шиллеръ размѣрилъ всю свою жизнь и никакого, ни въ какомъ случаѣ, не дѣлалъ исключенія. Онъ положилъ вставать въ семь

часовъ, обѣдать въ два, быть точнымъ во всемъ и быть пьянымъ каждое воскресенье".

Такъ жители Кенигсберга провѣряли точность своихъ часовъ по Канту, въ полдень отправлявшемуся на прогулку.

„Шиллеръ положилъ себѣ въ теченіе 10 лѣтъ составить капиталъ изъ 50 тысячъ, и уже это было такъ вѣрно и неотразимо, какъ судьба... Ни въ какомъ случаѣ не увеличивалъ онъ своихъ издержекъ, и если цѣна на картофель слишкомъ поднималась противъ обыкновеннаго, онъ не прибавлялъ ни одной копейки, но уменьшалъ только количество, и хотя оставался иногда нѣсколько голоднымъ, но скоро, однакоже, привыкалъ къ этому. Аккуратность его простиралась до того, что онъ положилъ цѣловать жену свою въ сутки не болѣе двухъ разъ, а чтобы какъ нибудь не поцѣловать лишній разъ, онъ никогда не клалъ перцу болѣе одной чайной ложечки въ свой супъ; впрочемъ, въ воскресный день это правило не такъ строго исполнялось, потому что Шиллеръ выпивалъ тогда двѣ бутылки пива и одну бутылку тминной водки"...

Таковъ былъ Шиллеръ, гордившійся тѣмъ, что онъ „нѣмецъ, а не русская свинья". Онъ восемь лѣтъ живетъ въ Россіи, но въ Швабіи у него свой король: „я — швабскій нѣмецъ! Мой самъ будетъ офицеръ: полтора года юнкеръ, два года поручикъ, и я завтра сейчасъ офицеръ"...

Многочисленное потомство Шиллеровъ и Гофмановъ, не забывая о своей Нюренбергской роднѣ и о Швабскомъ королѣ, будетъ себя чувствовать еще развязнѣе родителей. Съ нимъ пришлось встрѣтиться Стаховымъ („Наканунѣ" Тургенева) на пикникѣ въ Царицынѣ.

Зоя кончила пѣть, — и „громкое браво раздалось изъ одной прибрежной бесѣдки, и оттуда выскочило нѣсколько краснорожихъ нѣмцевъ, пріѣхавшихъ *покнейпировать* въ Царицыно. Нѣкоторые изъ нихъ были безъ сюртуковъ, безъ галстуховъ и даже безъ жилетовъ"... Черезъ нѣсколько минутъ Стаховы познакомились съ ними поближе: „...цѣлая гурьба растрепанныхъ мужчинъ, тѣхъ самыхъ любителей пѣнія, которые такъ жадно хлопали Зоѣ, высыпали на дорожку.

„Господа любители казались сильно навеселѣ... Одинъ изъ нихъ, огромнаго росту, съ бычачьей шеей и бычачьими воспаленными глазами отдѣлился отъ товарищей"... Оказывается, что компанія требуетъ съ дамъ „контрибуцію" за то, что Зоя „не

хотѣлъ пѣть *bis*, когда нашъ компани кричалъ *bis*“... Уполномоченный для принятія контрибуціи великанъ, по его собственному заявленію, не сапожникъ и не часовыхъ дѣлъ мастеръ: „я—офицеръ, я чиновникъ, да!..“

Читатели помнятъ комичное окончаніе этой сцены: сброшенный Инсаровымъ въ прудъ, „офицеръ“ былъ вытащенъ своими товарищами и слезливо бранился, крича вслѣдъ этимъ „русскимъ мошенникамъ“, что онъ жаловаться будетъ, что онъ къ самому его превосходительству, графу фонъ-Кизерицъ пойдетъ...

Вѣроятно, къ графу онъ вхожъ черезъ тит. сов. Р. К. фонъ-Фонка,—„обрусѣлаго нѣмца“,—„холодное и сухое существо, ограниченное, наклонное къ педантизму“, (ком. „Холостякъ). Тит. сов. ф.-Фонкъ безукоризненъ во всемъ: онъ даже „слишкомъ чисто и правильно выговариваетъ каждое слово“. И, конечно, онъ вступится за соотечественника: вѣдь, не всѣ же могутъ „нарѣзаться“, какъ Шиллеръ, *потихоньку*, и *исподтишка* „ухаживать“, по примѣру добродѣтельнаго Шаафа, любезничавшаго съ горничной („Мѣсяцъ въ деревнѣ“).

Убѣжденный западникъ, Тургеневъ, какъ художникъ превосходно знаетъ нѣмецкую суть, правильно оцѣнивая не только этихъ, „официръ“ и по-балтійски лойяльныхъ графовъ фонъ-Кизерицъ: онъ отдаетъ должное и „правильно устроеннымъ“ заграничнымъ нѣмцамъ: припомните дрезденскаго Клюбера и гг. офицеровъ въ „Весеннихъ водахъ“.

Основные элементы нѣмца вездѣ одинаковы, если онъ „правильно устроенъ“.

Таковы же нѣмцы и въ изображеніи Л. Толстого: Бенигсенъ генералъ русской службы, щеголяя наигранным „русскимъ“ патріотизмомъ, отлично дополняетъ самодовольнаго Берга, столь успѣшно, по завѣтамъ гоголевскаго Шиллера, совершающаго свой жизненный путь („Война и миръ“).

На именинномъ обѣдѣ у Ростовыхъ, поручикъ Семеновскаго полка Альфонсъ Карловичъ Бергъ,—„свѣжій, розовый гвардейскій офицеръ, безупречно вымытый, застегнутый и причесанный“, — откровенно излагаетъ свои взгляды на жизнь. Оказывается, что онъ разсчитываетъ съ правительства „доходъ“ получить, съ роты—„доходецъ“...

„...Я только желаю показать, что въ кавалеріи выгодъ гораздо меньше противъ пѣхоты... будь я въ кавалеріи, я бы получалъ не болѣе 200 рублей въ треть, даже и въ чинѣ пору-

чика,—а теперь я получаю двѣсти тридцать", говорилъ онъ съ радостною, пріятною улыбкой: „кромѣ того, перейдя въ гвардію, я въ виду—и вакансіи въ гвардейской пѣхотѣ гораздо чаще"... Надъ этимъ нѣмчикомъ, устанавливающимъ „балансъ", всѣ смѣются, но Бергъ, не замѣчая ни насмѣшки, ни равнодушія, продолжалъ разсказывать о томъ, какъ переводомъ въ гвардію онъ уже выигралъ чинъ передъ своими товарищами по корпусу, какъ въ военное время ротнаго командира могутъ убить, и онъ, оставшись старшимъ въ ротѣ, можетъ очень легко быть ротнымъ, и какъ въ полку всѣ любятъ его, и какъ его папенька имъ доволенъ. Бергъ, видимо, наслаждался, разсказывая все это, и, казалось, не подозрѣвая того, что у другихъ людей могли быть тоже свои интересы. Онъ умѣетъ такъ упорно и значительно говорить и о своей раненой рукѣ и о поднятомъ имъ осколкѣ гранаты, что всѣ вѣрятъ въ цѣлесообразность и достоинство его поступковъ: за Аустерлицъ и за Финляндскую войну лифляндскій дворянинъ Бергъ получилъ 4 награды и „въ 1809 году онъ былъ капитанъ гвардіи съ орденами и занималъ въ Петербургѣ какія-то особенныя выгодныя мѣста".

„Четыре года тому назадъ, встрѣтившись въ партерѣ Московскаго театра съ товарищемъ-нѣмцемъ, Бергъ указалъ ему на Вѣру Ростову и по-нѣмецки сказалъ: „вотъ она будетъ моею женою"—и съ той минуты рѣшилъ жениться". Все случилось согласно „балансу": предложеніе было принято, Бергъ аккуратно выяснилъ вопросъ о приданомъ, объяснилъ женѣ, почему *пока* онъ не хочетъ имѣть дѣтей,—словомъ осуществилъ всѣ жизненные идеалы. Вечеринка у „полковника Берга"—одинъ изъ лучшихъ бытовыхъ эпизодовъ „Войны и мира".

Штатскій „Бергъ" изображенъ Гончаровымъ въ „Обломовѣ". Критика упрекаетъ автора за „надуманность" Штольца. Но художникъ въ данномъ случаѣ правдивъ не менѣе, чѣмъ въ изображеніи Обломова. Весь секретъ въ различіи культуръ и въ тѣхъ племенныхъ свойствахъ, которыя такъ жизненно-вѣрно и тонко подмѣтилъ Толстой у Берга, и которыя неизмѣнны по сущности своей у каждаго правильно устроеннаго нѣмца, будь онъ сапожникомъ, положившимъ скопить въ 10 лѣтъ 50 тысячъ рублей, или профессоромъ, точно регистрирующимъ свой 914 черновой опытъ.

Не эти ли племенныя свойства сказываются и въ современныхъ намъ воинственныхъ соотечественникахъ наукообразнаго

Гете, которые, повинуясь распоряженіямъ высшаго начальства, руководящагося „стратегическими соображеніями“, — принципіально насилуютъ польскихъ женщинъ и дѣвушекъ: во всемъ — „метода“, строгій расчетъ, правильно функціонирующій, но не мыслящій мозгъ, правильно-бьющееся, но не чувствующее сердце, превосходная техника безъ культуры, увѣнчанныя грубоживотною самодовольною вѣрой въ свое несомнѣнное превосходство надъ всѣмъ окружающимъ.

Такой нѣмецъ, замѣнившій Христа — Лютеромъ, государство казармой,—нѣмецъ нагло самоувѣренный и садически-сантиментальный, отожествившій женщину съ кухаркой, кофе съ цикоріемъ и пиво съ виномъ,—этотъ нѣмецъ, нищій духомъ и богатый тѣломъ, неоднократно привлекалъ вниманіе русскихъ писателей.

Правдивость художественныхъ показаній Гоголя, Тургенева, Гончарова и Толстого подтверждается Герценемъ, Достоевскимъ и Салтыковымъ-Щедринымъ.

Душа и творчество Герцена—микрокосмъ трагическихъ исканій русскаго интеллигента. Талантливѣйшій изъ Рудиныхъ, онъ взялъ изъ взбаламученнаго моря 40—60 гг. прошлаго вѣка все, отъ Хомякова до Бакунина, и его „Колоколъ“ звучалъ въ унисонъ съ благовѣстомъ февральскаго манифеста. Герценъ былъ властителемъ думъ многихъ поколѣній, потому что его крупный художественный талантъ, осложненный темпераментомъ политическаго бойца, всегда былъ во власти общественно-политическихъ интересовъ. Изъ прекраснаго далека, съ „того берега“, онъ сердцемъ тянулся къ родной землѣ, и на фонѣ этого всепоглощающаго чувства его западно-европейскій опытъ космополита-мыслителя пріобрѣтаетъ особую силу національной доказательности.

Testimonium paupertatis культурной Германіи за подписью Герцена—одно изъ наиболѣе яркихъ и рѣзкихъ предвѣщаній катастрофы, разразившейся въ наши дни. Мысли Герцена о нѣмцахъ вводятъ читателя въ пониманіе нѣмецкихъ типовъ въ нашей литературѣ. „Отчего,—спрашиваетъ Герценъ, — всѣ великіе люди согласны, что нѣмецкій умъ, при всей его теоретической силѣ, имѣетъ катую-то практическую несостоятельность; что нѣмцы сильны въ наукѣ и являются самыми тяжелыми и—что еще хуже—самыми смѣшными буржуями.

„Должна же быть на это какая-нибудь общая причина? Отчего нѣмецъ всегда наклоненъ къ золотухѣ, слезамъ и романтизму, къ платонической любви и мѣщанскому довольству? Отчего

нѣмки не умѣютъ одѣваться и могутъ жить только въ двухъ сферахъ: въ надзвѣздномъ эфирѣ и въ кухонномъ чаду? Отчего нѣмцы могутъ слушать самую запутанную философію? Оттого и тысячу разъ оттого, что... у нихъ фибринъ плохъ, рыхлъ, дряблъ. Томы писали объ этомъ, но истинная причина ускользнула отъ вниманія; она такъ близка, такъ подъ носомъ, что ея не разглядишь: толковали о реформаціи, о тридцатилѣтней войнѣ, о бефреюнгскригѣ, въ которомъ мы ихъ освободили отъ французовъ; все это причины второстепенныя, общая главная причина одна: нѣмецкая кухня"... „Позвольте васъ спросить, при германскомъ усердіи и преданности, что можетъ выработать желудокъ нѣмца изъ прѣсно-пряно-мучнисто-сладко-травяной массы съ корицею, гвоздикою и шафраномъ, которую ѣстъ нѣмецъ. Если бы вы знали весь трудъ пищеваренія, вы увидѣли бы, что за отчаянную борьбу съ картофелемъ, что за мужественное противодѣйствіе душамъ изъ пива каждый нѣмецкій желудокъ давно заслужилъ медаль для ношенія на чревѣ съ надписью: pour la digestion. Гдѣ тутъ выработать какой-нибудь упругій, самобытный англійскій, или безпокойно-дѣятельный французскій фибринъ! Тутъ не до символа, не до расторопности, а чтобы человѣкъ на ногахъ держался, да совсѣмъ не ожирѣлъ бы. Шутить тутъ нечего: органическая химія,—замѣчаніе вскользь,—гораздо важнѣе въ политическомъ отношеніи, нежели думаютъ. Собственно вопросъ о пролетаріатѣ— вопросъ кухонный, вопросъ соціализма, вопросъ пищеваренія. Вотъ такимъ образомъ и получается, что нѣмецъ привыкъ къ мелкому довольству и, переходя изъ кабинета въ спальню, жертвуетъ халату, покою и кухнѣ — свободную мысль свою. Нѣмецъ большой сибаритъ, этого въ немъ не замѣчаютъ, потому что его убогое раздолье неказисто, но эскимосъ, который жертвуетъ всѣмъ для рыбьяго жира, такой же эпикуреецъ. какъ Лукуллъ...".

„... При всемъ своемъ заносчивомъ и воинственномъ патріотизмѣ, нѣмцы, со временъ великой французской революціи, смотрятъ съ ужасомъ направо, съ ужасомъ налѣво. Тутъ Франція съ распущенными знаменами переходитъ Рейнъ, тамъ Россія переходитъ Нѣманъ, и народъ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ головъ чувствуетъ себя круглымъ сиротою, бранится отъ страха, ненавидитъ отъ страха, и теоретически, по источникамъ, доказываетъ, чтобъ утѣшиться, что бытіе Франціи есть уже не бытіе, а бытіе Россіи не есть еще бытіе... Какъ только нѣмцы убѣдились, что французскій берегъ понизился, что страшныя революціонныя

идеи ея повѣтшали, что бояться ея нечего,—изъ-за крѣпостныхъ прирейнскихъ стѣнъ показалась прусская каска. Франція все пятилась, каска нахально выдвигалась. Своихъ Бисмаркъ никогда не уважалъ, онъ навострилъ оба уха въ сторону Франціи, онъ нюхалъ воздухъ оттуда, и понялъ, наконецъ, что время Пруссіи настало. Понявши, онъ заказалъ планъ Мольтке и систематически, съ нѣмецкою безцеремонною грубостью забралъ спѣлыя груши въ фартукъ своему королю, увѣривъ его, что онъ герой".

Эти убійственныя по своей ядовитой неопровержимости строки писаны 40 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, но ничуть не потеряли своей острой свѣжести. Герценъ пописывалъ, русскій читатель почитывалъ, а нѣмецъ, съ ужасомъ оглядывавшійся на Россію, смѣнилъ Мольтке на вороватаго кронпринца и, надѣясь не столько, пожалуй, на свои пушки, сколько на германскихъ піонеровъ въ варварской Россіи, рѣшилъ, что Седанъ обязываетъ къ столь же блистательнымъ успѣхамъ подъ Варшавой.

Затрагивая въ нѣкоторыхъ статьяхъ вопросы о нашемъ „освобожденіи отъ нѣмецкаго ига" (выраженіе Герцена), вотъ что писалъ Герценъ 1 ноября 1858 г. одной особѣ, сынъ которой учился у „бездарнаго нѣмецкаго школяра": „что же знаетъ этотъ нѣмецъ о Россіи, что онъ понимаетъ въ ней, что ему за дѣло до нея? ... Бьется-ли его сердце отъ русской пѣсни? ... Стихъ Пушкина родной ли ему и понятенъ ли ему бытъ нашего мужика? Чему научитъ этотъ *чужой* вашего *русскаго* сына?.. Или вы не знаете высокомѣрную ненависть нѣмцевъ ко всему русскому, ихъ отвращеніе къ намъ, которое они едва могутъ скрывать подъ личиной кліентизма и низкопоклонства?"

„Замѣчательная вещь", писалъ Герценъ въ 1859 г., что вообще германскій міръ, школьный и ученый по преимуществу, очень плохой образователь подавленныхъ имъ народовъ. Стоитъ взглянуть на эстовъ и леттовъ въ остзейскихъ провинціяхъ, чтобы убѣдиться въ этомъ"... „Историки дѣлаются, поэты родятся", а „наши правительствующіе нѣмцы имѣютъ ту выгоду противъ историковъ и поэтовъ, что они и дѣлаются и родятся. Родятся они отъ обрусѣлыхъ нѣмцевъ, дѣлаются изъ онѣмечившихся русскихъ"... Указывая далѣе, что „нѣмецкая часть правительствующей у насъ Германіи" скромно начинается съ подмастерьевъ, аптекарей и нѣмцевъ „при дѣтяхъ", Герценъ замѣчаетъ, что всѣ они, отъ мастерской сапожника, гдѣ ученикъ смиренно заколачиваетъ гвозди въ подошву, до экзерциргауза, гдѣ нѣмецъ кор-

пусный командиръ заколачиваетъ въ гробъ солдата,—всѣ они имѣютъ одинаковые зоологическіе признаки, такъ что въ нѣмцѣ-сапожникѣ бездна генеральскаго и въ нѣмцѣ-генералѣ пропасть сапожническаго...

„Сверхъ этихъ общихъ признаковъ, всѣ правительствующіе нѣмцы относятся одинаковымъ образомъ къ Россіи, съ полнымъ презрѣніемъ и таковымъ же непониманіемъ. Не знаю, каковы были шведскіе нѣмцы, приходившіе за тысячу лѣтъ тому назадъ въ Новгородъ. Но новые нѣмцы, особенно идущіе царить и владѣть нами изъ остзейскихъ провинцій... похожи другъ на друга, какъ родные братья. Самый полный типъ—это конюхъ-регентъ, герцогъ на содержаніи, Эрнстъ-Іоганнъ-Бирономъ". Такъ писалъ Герценъ въ 60 г.г. Но съ тѣхъ поръ,—воспользуемся его же словами: „исподволь все перемѣнилось... Россія Бирона и Остермана состарилась, а Россія Ломоносова пошла впередъ".

Герценъ не былъ одинокъ въ данномъ вопросѣ: въ характеристикѣ нѣмца, вѣнчаннаго лаврами Седана, съ издателемъ „Колокола" сходится Достоевскій. Кажется, словно вчера писаны эти строки: „Самоупоеніе, гордость и совершенная вѣра въ свое необъятное могущество чуть не опьянили всѣхъ нѣмцевъ поголовно послѣ франко-германской войны... Но, однако, вѣрны-ли побѣды? Во франко-прусскую войну нѣмцы побѣдили-то, собственно, вѣдь не французовъ, а только Наполеона и его порядки". (Дневн. пис., 1876 г.). Разсказывая о возвращеніи побѣдоносныхъ прусскихъ войскъ черезъ Дрезденъ, Достоевскій съ обычнымъ своимъ мастерствомъ разбирается въ психологіи нѣмцевъ,—и, между прочимъ, сообщаетъ факты, до сихъ поръ не утерявшіе злободневнаго значенія: нѣмцы... „дотого тогда восторжествовали, что принялись оскорблять русскихъ... Всякій, даже лавочникъ, чуть лишь заговаривалъ съ русскимъ, хотя бы только пришедшимъ къ нему въ лавку купить что-нибудь, тотчасъ же старатся ввернуть: „вотъ мы покончили съ французами, а теперь примемся и за васъ". Эта злоба противъ русскихъ вскипѣла тогда въ народѣ сама собою... „Правда, это былъ первый пылъ военнаго успѣха, столь неожиданнаго, но фактъ тотъ, что въ пылу этомъ тотчасъ же вспомянули русскихъ"... Замѣчая далѣе, что „нѣмецъ всегда и вездѣ, еще съ самой Нѣмецкой слободы въ Москвѣ, очень-таки не жаловалъ русскаго", Достоевскій разсказываетъ, какъ не только восторженные нѣмцы въ Дрезденѣ „ужасно ругали Россію", но и „наши петербургскіе нѣмцы, въ Петербургѣ, затѣвали тогда

цѣлыми пьяными ватагами ссоры и драки гдѣ-нибудь на попойкѣ съ нашими солдатами и это именно изъ „патріотизма“... Видимо, нѣмецкій вопросъ вообще тревожилъ Достоевскаго. Еще въ 1861 году, въ журналѣ „Время“, писатель такъ отозвался о новѣйшихъ варягахъ:

„Пріѣзжаютъ къ намъ нѣмцы всякіе: и безъ царя въ головѣ и такіе, у которыхъ есть свой король въ Швабіи... въ Россіи всѣ эти нѣмцы немедленно сходятся въ своихъ впечатлѣніяхъ. Какое-то больное чувство недовѣрчивости, какая-то боязнь примириться съ тѣмъ, что онъ видитъ рѣзко на себя непохожаго, совершенная неспособность догадаться, что русскій не можетъ обратиться совершенно въ нѣмца и что поэтому нельзя его мѣрить на свой аршинъ, и, наконецъ, явное или тайное, но во всякомъ случаѣ безпредѣльное высокомѣріе передъ русскими, вотъ характеристика почти каждаго нѣмецкаго человѣка во взглядѣ на Россію“...

„Мы подъ вліяніемъ полезныхъ нѣмцевъ, парализовавшихъ наше развитіе“; „нѣмцы-грубы“; „нѣмцы-чужды намъ“,—и, какъ слѣдствіе, „мы, русскіе, не любимъ какъ-то нѣмцевъ сердечно, хотя умственно готовы ихъ уважать“...

Характерна судьба нашихъ „западниковъ“. Поклонникъ Бѣлинскаго—соціалиста Достоевскій черезъ „Мертвый домъ“ приходитъ къ „Бѣсамъ“ и „Дневнику писателя“, оживляя романтическую метафизику славянофильства почвенными идеями народничества; Герценъ, европеецъ по духу и крови,—одинъ изъ сильнѣйшихъ идеологовъ западничества, въ концѣ-концовъ не пріемлетъ той самой Европы, которая вдохновляла его на борьбу съ неправдою русской жизни.

То же пережилъ и Салтыковъ-Щедринъ. Великимъ и малымъ глуповцамъ и пошехонцамъ писатель нашелъ параллели въ разнообразныхъ типахъ нѣмецкой буржуазіи, при чемъ въ изображеніи послѣдней сатирикъ отмѣчаетъ черты органическаго хищничества, дѣлающаго „культурную“ Германію истиннымъ отечествомъ „чумазыхъ“ всякаго рода. По наблюденіямъ нашего сатирика „нѣмецъ“, ежели онъ не гелертеръ, не присяжный политикъ и не чиновникъ,—есть обыватель по преимуществу. Онъ всецѣло преданъ идеѣ насущнаго хлѣба и тѣмъ подробностямъ, которыми эта идея „обставлена“... „Бѣдная Франція“, писалъ Салтыковъ въ 1871 г.: „занявшись преслѣдованіемъ міровыхъ задачъ, ты забыла, что существуютъ милліоны домашнихъ подробностей, устройство которыхъ обезпечиваетъ жизнь отъ неожиданностей.

Мекленбуржцы, гессенцы, гогенцоллернцы поняли это лучше тебя",—и у себя, подъ присмотромъ браваго прусскаго майора, и на чужбинѣ,—на аванпостахъ Германіи, куда они являются въ видѣ „гулящихъ нѣмцевъ, охотно внѣдряющихся всюду, гдѣ имѣется мясистая поверхность, защищенная шерстью и волосами". („Признаки времени", XI).

Салтыковъ сомнѣвался, можно ли этихъ „гулящихъ" нѣмцевъ считать патріотами. Въ настоящее время извѣстно, что „гулящимъ" нѣмцамъ если не присущъ патріотизмъ, то, во всякомъ случаѣ, свойственна лойяльность, засвидѣтельствованная многочисленными—послѣ объявленія войны Германіи—прошеніями о передѣлкѣ Фертиговъ въ Готовкиныхъ и о пріемѣ „и въ русское подданство".

Появляясь на Руси, салтыковскіе „гулящіе", нѣмцы прочно и „лойяльно" присасываются къ тѣлу народному: „нѣмецкіе фабриканты совсѣмъ завладѣли Лодзью", „нѣмецкіе офицеры живутъ въ Смоленскѣ"; „нѣмецкіе офицеры генеральнаго штаба появились у Троицы-Сергія, изучаютъ русскій языкъ и ярославское шоссе, собираютъ статистическія свѣдѣнія, дѣлаютъ съемки",—недоумѣвая, повѣствуетъ Салтыковъ въ „Мелочахъ жизни".

Но недоумѣніе разъясняется его же собственнымъ разсказомъ о бѣлобрысомъ берлинскомъ нѣмцѣ, который учился „по-русску"—„на случàй,"—наступившій лишь въ 1914 году. Наивные гг. Буеракины не вѣрили въ возможность „случàя", а нѣмцы, мечтая о немъ, охотно брались управлять русскими помѣстьями и даже цѣлыми губерніями, умѣло прибирая къ рукамъ и помѣщиковъ и крестьянъ. Ѳедоры Карлычи смотрятъ на мужика лишь какъ на доходную статью—и заставляютъ ихъ не только работать на землѣ, но и нищенствовать („Аринушка"). Циничное презрѣніе къ безвольному помѣщику, являющемуся пѣшкой въ рукахъ управляющаго, безпощадная жестокость въ обращеніи съ крестьяниномъ, дерзкая наглость въ отношеніяхъ къ православному священнику, котораго любой баронъ Эспенштейнъ съ достаточно игривой фантазіей не постѣснится выпороть въ назиданіе паствѣ, („Сонъ въ лѣтнюю ночь")—характеризуютъ нѣмецкое иго на Руси.

... Бредутъ, въ предсмертной тоскѣ, безмолвно-покорныя Аринушки, въ безумномъ страхѣ передъ „управляющимъ и его нѣмкой", а берлинскій „мальчикъ въ штанахъ" самодовольно объясняетъ голодному и несуразому русскому безштаннику истинную сущность германской культуры... („За рубежомъ").

Таковы отзывы русскихъ писателей о породѣ „ученыхъ варваровъ“, какъ называетъ Герценъ нѣмцевъ.

Гремитъ труба послѣдняго военнаго суда, и лучшій цвѣтъ Россіи мужественно отбиваетъ яростные натиски пьянаго кровью врага.

Молодость, здоровье и сила, одухотворенныя героической красотою подвига,—все принесено въ жертву Человѣчеству и Родинѣ.

Съ кѣмъ ведется борьба?—Подъ грозные раскаты военной непогоды, слышится порою шопотъ Смердяковыхъ, утверждающихъ, что мы-де боремся не съ Германіей, а лишь съ „прусскимъ милитаризмомъ“.

Такія рѣчи мы еще услышимъ, во время переговоровъ о мирѣ,—отъ нѣмецкихъ дипломатовъ, поддержанныхъ согласнымъ хоромъ „гулящихъ нѣмцевъ“: имъ выгодно будетъ, чтобы ослабить кару, ожидающую Германію,—выгодно будетъ причинно обусловить нѣмецкое зло—злою волею отдѣльныхъ личностей,— напримѣръ, Вильгельма.

Но какъ, въ свое время, реагировала народная Германія на кровавый романтизмъ безумнаго своего Вождя?

Вильгельмъ, и „добрый германецъ“ Бебель, Бисмаркъ и Марксъ, Либкнехтъ и тѣ ландскнехты изъ соціалъ-демократовъ, которые съ грубымъ сладострастіемъ топчутъ лучшіе цвѣты европейской культуры, Оствальдъ и „старые честные нѣмецкіе профессора“, уже вздернутые англичанами за шпіонство,—при чемъ здѣсь прусскій милитаризмъ,—и гдѣ грань между майоромъ Прейскеромъ и Вернеромъ Зомбартомъ?

„Прусскій милитаризмъ“ вовсе не душевная болѣзнь милитаристической шайки, — болѣзнь, якобы поддающаяся лѣченію какими либо пацифистическими или артиллерійскими средствами: это германская психическая *норма,* столь же чуткая къ камертону культуры, какъ 42-сантиметровое орудіе.

Отдѣляя Вильгельма Гогенцоллерна отъ влюбленной въ него нѣмецкой націи, г.г. Смердяковы и Маниловы болѣе всего боятся пробужденія русскаго національнаго самосознанія: имъ на руку народная дремота, рожденная годами рабства и поддержанная лукавою басней о народолюбіи безнародной русской кружковщины, все еще живущей идеалами полицейскаго надзора за народнымъ самочувствіемъ.

Снисходительно любя гоголевскаго Башмачкина и съ удивле-

ніемъ узнавъ, что у Макара Дѣвушкина („Бѣдные люди“ Достоевскаго), душа, какъ у „настоящаго человѣка“, иные русскіе интеллигенты и къ массѣ народной подошли, какъ къ нищему духомъ, по судьбѣ своей весьма сходствуя съ тѣми сердобольными дамами нашего времени, которыя, стараясь уподобиться доброму самаритянину, составляютъ истинное несчастье нѣкоторыхъ лазаретовъ для раненыхъ.

— Это сегодня уже *пятнадцатая,* стонетъ страдалецъ, только что забывшійся сномъ, но подвергшійся внезапному обтиранію одеколономъ...

Быть можетъ, одеколонъ замѣнится оделувеномъ, но сущность сердобольной обтиральщицы останется неизмѣнной: проповѣдуя грядущее соціалистическое царство, (когда насильственно проституируются сокровища человѣческой культуры, ставъ жертвой демократическаго темперамента),—г.г. обтиральщики и обтиральщицы по-прежнему будутъ смотрѣть на народъ русскій, какъ на лазаретнаго больного, страдающаго, согласно діагнозу радикальныхъ фармацевтовъ, націоналистической „паршей“.

Они уже успѣли проглядѣть, какъ наши наставники по части вселенскихъ идеаловъ колонизовали шпіонами русскія окраины, какъ буффонствующій Трумфъ превратился въ Вильгельма съ его многочисленной родней, какъ онѣмечивалась русская Власть, а наука, школа и промышленность постепенно переходили въ руки чужеземцевъ.

Можно спорить о существованіи всеславянскаго вопроса; но наличность вопроса русско-германскаго несомнѣнна. И если нынѣ пришлось рѣшать его на боевомъ полѣ, то это не наша, не русская вина...

Завороженная монотонными дудочками своихъ излюбленныхъ вожаковъ кружковая интеллигенція принимала русскую литературу, поскольку послѣдняя не противорѣчила партійному трафарету: интересъ къ Пушкину вращался около вопроса о его отношеніяхъ къ правительству; Лермонтовъ писалъ „либеральные“ стихи, сохраненные Боденштедтомъ; Гоголь смаковалъ пошлость русской жизни; Достоевскій „воспѣлъ“ униженныхъ и оскорбленныхъ; Тургеневъ „ненавидѣлъ“ крѣпостное право; Герценъ—тоже,—и издавалъ „Колоколъ“; Салтыковъ—„обличалъ“... И эти привходящія черты наиболѣе запомнились, а подлинный обликъ русскаго художника закрывался хлороформирующей маской политическаго дѣятеля.

Но при такой постановкѣ вопроса объ „очарованіи русской литературы“, слѣдуетъ ставить точки надъ всѣми і. Одною изъ такихъ точекъ является, между прочимъ, вопросъ о національномъ чувствѣ писателя, не въ смыслѣ стиля, а въ томъ, что̀ писатель думалъ о своемъ народѣ и о другихъ... Каждому изъ нихъ близка была мечта о грядущемъ вселенскомъ счастьѣ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся; но въ условіяхъ дѣйствительности тѣ же мечтатели не измѣняли жизненнымъ интересамъ своего племени.

Истинный художникъ, чуткій къ властному зову жизни и ея красотѣ, всегда національненъ. Пророкъ-обличитель, онъ не скроетъ грѣховъ своей Отчизны, но и не отдастъ ея на посмѣяніе врагамъ.

„Западъ — страна святыхъ чудесъ“, — но евнуховъ культуры русскій писатель всегда отличалъ отъ истинныхъ ея жрецовъ. Кантъ—*философъ* не понялъ бы *мясника* Вильгельма; но какъ *нѣмцы*, они были бы друзьями.

Вотъ этотъ самодовлѣющій и всеунижающій „націонализмъ“ всегда былъ противенъ русской душѣ, и русскій писатель не постѣснился сказать о нѣмцѣ то, что слѣдовало сказать.

Не съ прусскимъ милитаризмомъ боролся Ломоносовъ; не его чуяли Пушкинъ и Лермонтовъ, и не о немъ рѣчь у Гоголя, Тургенева, Гончарова и Достоевскаго: въ академикѣ Шумахерѣ такъ же, какъ и въ „извѣстномъ“ Шиллерѣ, въ Клюберѣ и Штольцѣ,— вездѣ передъ нами вырисовывается нѣмецкое „національное“ лицо. Оно великолѣпно характеризуется русскою же поговоркой: „сытъ, и пьянъ и носъ въ табакѣ“...

Но этотъ эгоистически-животный идеалъ „національнаго“ благополучія едва-ли привлекъ бы наше вниманіе, если бы въ немъ не просвѣчивало откровеннаго презрѣнія къ Россіи, если бы его не „одухотворяли“ самомнѣніе и циническая наглость въ отношеніяхъ ко всему *ненѣмецкому*...

Русская литература свидѣтельствуетъ, что характерныя черты Drang nach Osten объясняются не завоевательными стремленіями „пруссаковъ“, а тѣми природными чертами германскаго племени, на которыхъ покоится національное самоутвержденіе Германіи, и которыя одинаково сказываются и въ прусскомъ милитаризмѣ и во всенѣмецкомъ соціализмѣ, въ Оствальдѣ и Вильгельмѣ.

Когда на потемнѣлыхъ небесахъ обезумѣвшей Европы рука Судьбы начертала грозную надпись: „Отечество въ опасности“, французскіе буржуа и соціалисты оказались *только французами*;

Англія и Бельгія испытали тотъ же процессъ всепоглощающаго національнаго подъема, пережить который имѣла радостное счастье и Россія... Онъ не коснулся лишь болота радикальной нашей схоластики, на которомъ мечтательно разгуливаютъ тысячедумные журавли, покорно исполняя свой долгъ передъ природой: „хвостъ вытащитъ—носъ увязнетъ“... Такъ говоритъ намъ никогда не лгущая народная сказка...

Быть можетъ, великая буря, къ завыванію которой съ ужасомъ прислушиваются племена, еще не вовлеченныя въ хаосъ событій, очиститъ воздухъ и на болотахъ,—и отрезвитъ умы, одурманенные изысканными ядами безнародной псевдокультуры.

А. Громовъ.

Декабрь 1914 г.
Петроградъ.

„Нѣмецъ“ въ письмахъ Гоголя.

Гоголь хорошо зналъ Германію, изъѣздилъ ее вдоль и поперекъ, лѣчился и жилъ подолгу на многихъ курортахъ и имѣлъ, такимъ образомъ, много случаевъ примѣнить къ нѣмцамъ свою способность „одной чертой выставлять человѣка вдругъ, какъ живого“ (отзывъ о немъ Пушкина). Его германскія наблюденія мѣтки, характеристики хлестки и въ нѣкоторыхъ узнается знакомый по произведеніямъ художникъ, а главное, его впечатлѣнія могутъ считаться типичными для значительной части русской интеллигенціи; поэтому они стоятъ того, чтобы ихъ напомнить.

— „Я-бы совѣтовалъ тебѣ отложить всякую идею о Нѣмеціи, гдѣ ты, Боже святой, какъ соскучишься! и объ этихъ мерзкихъ водахъ, которыя только разстраиваютъ желудки и приводятъ въ такое положеніе бѣдныя наши филейныя части, что впослѣдствіи не на чемъ сидѣть“,—писалъ Гоголь Данилевскому изъ Рима въ апрѣлѣ 1838 г.: „Садись скорѣе въ дилижансъ и правь путь къ Средиземному морю. Да не смущаетъ зрѣнія твоего ни Рейнъ съ Кобленцами, Биберихами и Крейценахами, ни да поражаетъ ушей твоихъ языкъ, на которомъ изъясняются враги христіянскаго рода“. (Письма Н. В. Гоголя, т. I, 483—484) *).

— „Какъ показались мнѣ гадки нѣмцы послѣ итальянцевъ, нѣмцы, со всею ихъ мелкою честностью и эгоизмомъ!“, признавался онъ тогда же М. П. Балабиной. „Но объ этомъ я вамъ, кажется, уже писалъ“ (ibid. I, 495).

Онъ не скрываетъ, что такой отзывъ явился слѣдствіемъ переоцѣнки прежде идеализированной страны: „вы мнѣ показались теперь очень привязанными къ Германіи—писалъ онъ ей же

*) Въ изданіи Маркса.

въ ноябрѣ 1838 г. „Конечно, не спорю, иногда находитъ минута, когда хотѣлось бы изъ среды табачнаго дыма и нѣмецкой кухни улетѣть на луну, сидя на фантастическомъ плащѣ нѣмецкаго студента, какъ, кажется, выразились вы. Но я сомнѣваюсь, та-ли теперь эта Германія, какою ее мы представляемъ себѣ. Не кажется-ли она намъ такою только въ сказкахъ Гофмана? Я, по крайней мѣрѣ, въ ней ничего не видѣлъ, кромѣ скучныхъ табльдотовъ и вѣчныхъ, на одно и то же лицо состряпанныхъ кельнеровъ и безконечныхъ толковъ о томъ, изъ какихъ блюдъ былъ обѣдъ и въ которомъ городѣ лучше ѣдятъ; и та мысль, которую я носилъ въ умѣ объ этой чудной и фантастической Германіи, исчезла, когда я увидѣлъ Германію въ самомъ дѣлѣ, такъ, какъ исчезаетъ прелестный голубой колоритъ дали, когда мы приближаемся къ ней близко“ (ibid. I, 542—543).

„Антигерманское“ настроеніе Гоголя, повидимому, наростало. Параллельно вставалъ вопросъ о сравнительной цѣнности германской духовной культуры. Раздумье надъ этимъ вопросомъ приводило Гоголя къ безпощадному и безвозвратному развѣнчанію послѣдней. Черезъ годъ (въ маѣ 1839) въ письмѣ къ той-же М. П. Балабиной онъ выражался еще рѣзче: „Лѣтомъ ѣду въ Маріенбадъ на одинъ мѣсяцъ. Опять я увижу эту подлую Германію, гадкую, запачканную и закопченную табачищемъ... Но я позабылъ, что вы ее такъ любите, и чуть было не сказалъ еще нѣсколько приличныхъ ей эпитетовъ. Впрочемъ, совершенно не понимаю вашей страсти. Или, можетъ-быть, для этого нужно жить въ Петербургѣ, чтобы почувствовать, что Германія хороша? И какъ вамъ не совѣстно! Вы, которыя такъ восхищались въ вашемъ письмѣ Шекспиромъ, этимъ глубокимъ, яснымъ, отражающимъ въ себѣ, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, весь огромный міръ и все, что составляетъ человѣка, и вы, читая его, можете въ то же время думать о нѣмецкой дымной путаницѣ! И можно-ли сказать, что всякій нѣмецъ есть Шиллеръ?! Я согласенъ, что онъ Шиллеръ, но только тотъ Шиллеръ, о которомъ вы можете узнать, если будете когда-нибудь имѣть терпѣніе прочесть мою повѣсть „Невскій Проспектъ“. По мнѣ, Германія есть не что другое, какъ самая неблаговонная отрыжка гадчайшаго табаку и мерзѣйшаго пива. Извините маленькую неопрятность этого выраженія. Что жъ дѣлать, если предметъ самъ неопрятенъ, несмотря на то, что нѣмцы издавна славятся опрятностью?“ (ibid. I, 607—608).

Въ слѣдующемъ году (іюль 1840) Гоголь сообщалъ С. Т. Аксакову: „Я на водахъ въ Вѣнѣ... Я здѣсь одинъ; меня не смущаетъ никто. На нѣмцевъ я гляжу, какъ на необходимыхъ насѣкомыхъ во всякой русской избѣ. Они вокругъ меня бѣгаютъ, лазятъ, но мнѣ не мѣшаютъ; а если который изъ нихъ влѣзетъ мнѣ на носъ, то щелчокъ—и былъ таковъ!“ (ib. II, 59).

И хотя позже—въ 1846 году—Гоголь оправдывался въ своей антипатіи къ представителямъ націи, культура которой безнадежно обезцѣнилась для него, но его оправданіе вышло очень неудачнымъ.—„Нужно будетъ“,—писалъ онъ Плетневу (ib. III, 240),—„выбросить въ статьѣ: „Русскій Помѣщикъ“ выраженіе: „Выбрани нѣмцемъ, если не хватитъ другого слова“. Это примутъ еще въ смыслѣ моего личнаго нерасположенія къ нѣмцамъ, а этого мнѣ бы не хотѣлось, потому что я, въ самомъ дѣлѣ, его не имѣю. По мнѣ, между нами есть гораздо болѣе русскихъ такого рода, которыхъ бы слѣдовало назвать нѣмцами и которые повели себя гораздо хуже нѣмцевъ“. Увы! это оправданіе только доказало, что слово „нѣмецъ“ имѣетъ въ устахъ Гоголя очень устойчивый смыслъ далеко нелестной характеристики и мѣры отнюдь не симпатичныхъ качествъ...

Гоголь до конца жизни не могъ себѣ уяснить, какимъ образомъ можетъ сочетаться нѣмецкій бюргерскій характеръ, всю непривлекательность котораго показывали писателю его германскія наблюденія, съ высокимъ, вдохновеннымъ паѳосомъ германскаго романтизма, воплощавшагося для Гоголя въ твореніяхъ его любимаго Шиллера. Вставшую передъ нимъ—а теперь такъ остро и передъ нами—проблему о несоотвѣтствіи германскаго національнаго характера и германской культуры, Гоголь выразилъ въ слѣдующемъ любопытномъ юмористическомъ отвѣтѣ А. О. Смирновой, однажды сказавшей ему:—„Вы браните нѣмцевъ, ну, а Шиллера всетаки любите; а Шиллеръ тоже нѣмецъ“.—„Шиллеръ!—отвѣчалъ Гоголь.—Да когда онъ догадался, что былъ нѣмцемъ, такъ съ горя умеръ. А вы думали, отчего онъ умеръ?“ *).

Мнѣ казалось своевременнымъ напомнить эти мысли Гоголя, именно теперь, когда къ нѣмцамъ, какъ нельзя болѣе, подходитъ опредѣленіе: „враги христіянскаго рода“, когда пережитыя

*) Рус. Стар., 1902 г. Сент. 485—492. Изъ разсказовъ А. О. Смирновой о Гоголѣ, сообщенныхъ П. Висковатовымъ.

Гоголемъ въ мирное время раздумья надъ цѣнностью германской культуры являются типичными для значительной части европейской интеллигенціи, подъ грохотъ крупповскихъ пушекъ производящей подобную же переоцѣнку цѣнностей, и когда самая кличка „нѣмецъ“ прочно закрѣпляетъ и вѣроятно надолго сохранитъ за собою—и не въ одной Россіи—ругательный смыслъ.

Н. Александровъ.

Лѣченіе болѣзней на русскихъ курортахъ.

Д. Щербачева.

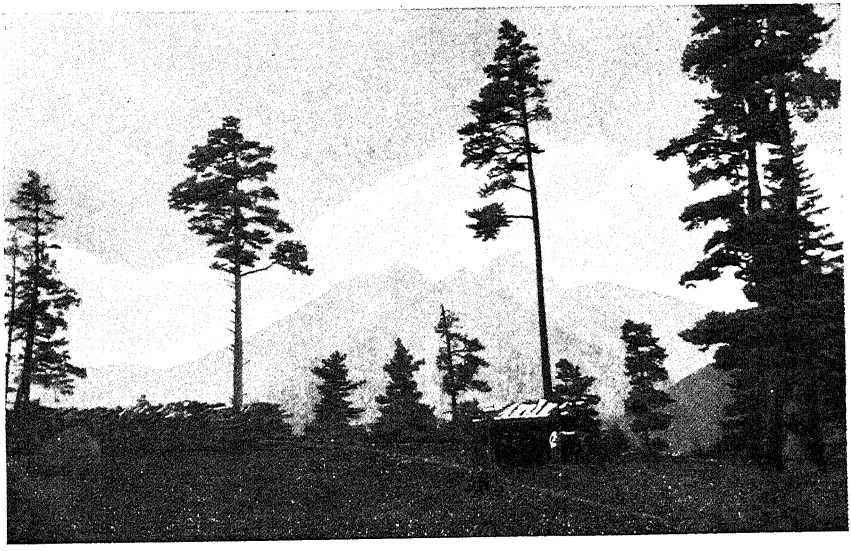
Проф. Моск. высш. женск. курсовъ.

Петръ Первый, познакомившій насъ съ заграницей, первый обратилъ вниманіе на русскіе минеральныя воды и выстроилъ Липецкій курортъ. Но послѣ него въ продолженіе 200 лѣтъ врачи, преимущественно нѣмцы, всегда относились ко всему русскому со свойственнымъ имъ пренебреженіемъ и всегда посылали русскихъ, особенно, богатыхъ больныхъ на нѣмецкія и австрійскія минеральныя воды. Мы, будучи студентами, слышали въ свое время больше объ Эмсѣ и Карлсбадѣ, отлично знакомы съ показаніями этихъ водъ, и ничего не слыхали о русскихъ минеральныхъ водахъ, кромѣ нѣсколькихъ отрывочныхъ названій, безъ всякихъ объясненій. Мы врачи пользуемся большею частью переводной медицинской литературой и въ большихъ медицинскихъ книгахъ ничего не говорится, даже не упоминаются русскіе курорты, а заграничные мы знаемъ превосходно. Даже трудно достать книгу, по которой можно было бы познакомиться съ русскими курортами: гдѣ они, что они изъ себя представляютъ, какіе больные тамъ лѣчатся, какъ туда проѣхать, гдѣ остановиться, чѣмъ тамъ развлекаются и пр. А разъ самъ врачъ никакого понятія о курортѣ не имѣетъ, онъ не рѣшится послать туда своего больного. А голосъ врача авторитетъ для больныхъ. Вотъ почему наши больные ѣдутъ лѣчиться отъ своихъ минеральныхъ водъ за границу. Милліоны русскихъ денегъ отвозятся въ Германію и идутъ потомъ на вооруженіе, новые крейсера и крупповскія пушки. Въ концѣ прошлаго (1914) года вышла книга „Ученіе о назначеніи лѣкарствъ“ профессора Р. Коберта, книга хорошо принятая медицинскимъ міромъ, и которая найдетъ себѣ большое распространеніе среди врачей. Уважаемый профессоръ

долгое время занималъ каѳедру въ Юрьевскомъ университетѣ, хорошо знакомъ съ Россіей, упоминаетъ въ своей книгѣ о русской фармакопеѣ, говоритъ о многомъ русскомъ, но въ главѣ о минеральныхъ водахъ и курортахъ упоминаетъ и описываетъ исключительно одни только нѣмецкіе курорты, ни единомъ намекомъ не заикаясь о существованіи русскихъ. Таковъ профессоръ, воспитавшій въ Россіи многія поколѣнія врачей, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что много еще такихъ нѣмцевъ и профессоровъ, воспитанныхъ въ нѣмецкой школѣ, продолжаютъ читать своимъ слушателямъ, что хороши только одни нѣмецкіе курорты, а русскіе не достойны никакого вниманія. Вотъ почему наши врачи посылаютъ больныхъ за границу. Лѣтъ двадцать тому назадъ появилась книжка „Альманахъ русскихъ минеральныхъ водъ“ д-ра Н. П. Иванова. Книгой всѣ заинтересовались, вскорѣ книга вышла вторымъ изданіемъ. Но въ это время наши заграничные друзья, почуявъ, что добыча можетъ уйти изъ ихъ рукъ, стали разсылать всѣмъ русскимъ врачамъ брошюры-рекламы о заграничныхъ курортахъ, наполненныя хвалебными отзывами о замѣчательномъ дѣйствіи заграничныхъ минеральныхъ водъ съ заманчивыми описаніями мѣстностей и проч. Брошюры эти представляютъ собою иногда цѣлые изящные альбомы. (Я видалъ эти брошюры на столахъ въ пріемной нѣкоторыхъ нашихъ извѣстныхъ клиницистовъ.).

Вопросъ о русскихъ курортахъ чрезвычайно широкъ. Мало того: каждый изъ русскихъ курортовъ имѣетъ свою исторію, свое прошлое, начиная съ момента возникновенія, исторію анализовъ и усовершенствованія (расширенія) источниковъ, геологію, санитарную и гигіеническую статистику и т. д., такъ что каждому отдѣльному курорту можетъ быть посвящена цѣлая книга, а книга эта можетъ быть плодомъ цѣлой жизни лица, близко стоящаго къ этому курорту. Мнѣ трудно было бы говорить о русскихъ курортахъ съ этой точки зрѣнія. Мало того: трудно даже представить обстоятельный обзоръ русскихъ курортовъ въ современномъ ихъ состояніи. Можно только сказать, что они прогрессируютъ съ каждымъ годомъ и кто не былъ нѣсколько лѣтъ на какомъ либо изъ русскихъ курортовъ, не сразу ихъ узнаетъ: потому что они выросли и улучшились за это время по крайней мѣрѣ вдвое. Администрація водъ всюду старается по возможности идти на встрѣчу и предупреждать желанія и требованія пріѣзжающихъ лѣчиться больныхъ. А какъ много въ Россіи кро-

Теберда. Горный потокъ (Бадукскій).



Теберда. Пастбище на горахъ.

мѣ извѣстныхъ курортовъ, еще курортовъ неразработанныхъ, неорганизованныхъ, куда, тѣмъ не менѣе, ѣдетъ публика, живетъ часто при самыхъ неудобныхъ условіяхъ, а, главное, получаетъ облегченіе. Мнѣ случилось познакомиться съ одной больной, которая по совѣту врачей была въ различныхъ мѣстахъ, но облегченіе получила только въ одномъ мало организованномъ русскомъ курортѣ Тебердѣ. „Когда я подышу въ теченіе нѣсколькихъ недѣль смолистымъ воздухомъ Теберды", говорила она, „я чувствую, что оживаю, и вотъ теперь, несмотря на всѣ неудобства, несмотря на тяжесть дороги я стремлюсь въ Теберду и вполнѣ убѣждена, что тамъ я воскресну". Въ другомъ русскомъ курортѣ — Кисловодскѣ не разъ наблюдались случаи, что привозили больныхъ, которые не могли двинуть ни однимъ членомъ, а недѣли черезъ двѣ пребыванія въ курортѣ начинали ходить по горамъ. Весною текущаго года былъ такой случай. Одна больная женщина врачъ Ц-ва утомленная, истощенная, страдающая припадками астмы и порокомъ серца не могла даже сама сѣсть въ вагонъ: ее внесли. Нѣкоторыми даже высказано было сомнѣніе: хорошо ли, что ее отправили въ такое далекое путешествіе. Черезъ короткое время получили письмо, что она воскресла отъ кисловодскаго воздуха, всѣ припадки исчезли и что никогда она не чувствовала себя такъ хорошо, какъ сейчасъ. Въ Кисловодскѣ существуетъ поговорка „кто живетъ въ Кисловодскѣ, тотъ, укралъ у Бога 10 лѣтъ жизни". Особенно хорошія здѣсь осень и зима. Поэтому въ послѣдніе годы возникъ вопросъ о томъ, чтобы сдѣлать Кисловодскъ зимнимъ курортомъ. Я привелъ только пару случайныхъ примѣровъ, а сколько ихъ можетъ привести каждый врачъ, практикующій на курортахъ, въ Сухумѣ, въ Крыму и т. д.—безчисленное множество. Я не беру на себя широкую задачу описывать всѣ русскіе курорты, а позволю себѣ ограничиться болѣе узкимъ вопросомъ о томъ, какія страданія съ успѣхомъ лѣчатся на русскихъ курортахъ. Страданія эти слѣдующія: 1) подагра, 2) ревматизмъ, 3) общее ожирѣніе, 4) люэсъ, 5) золотуха, 6) малокровіе, 7) женскія болѣзни, 8) нервныя болѣзни, 9) болѣзни дыхательныхъ органовъ, 10) болѣзни пищеварительныхъ органовъ, 11) болѣзни мочевыхъ органовъ и 12) кожныя болѣзни.

1. Подагра.

Первичная подагра суставовъ является въ настоящее время заболѣваніемъ весьма частымъ. Это хроническая болѣзнь, часто связанная съ заболѣваніемъ внутреннихъ органовъ и объясняемая недостаточностью выдѣленія мочевой кислоты въ мочѣ. Мочевая же кислота является однимъ изъ продуктовъ нормальнаго обмѣна веществъ. Въ маленькомъ количествѣ, постоянно встрѣчается въ крови и выдѣляется мочею, не производя никакой болѣзни. Только чрезмѣрное образованіе мочевой кислоты въ организмѣ и недостаточное выдѣленіе ея производитъ накопленіе ея въ сокахъ организма и подагру. По мнѣнію Шарко во время подагры уменьшается щелочность крови, вслѣдствіе этого растворимость мочевой кислоты уменьшается и она выдѣляется. Въ общемъ, всѣ согласны, что предрасполагающимъ моментомъ для подагры является чрезмѣрное количество мочевой кислоты въ организмѣ и уменьшенное выдѣленіе ея почками. Развитію подагры способствуетъ иногда образъ жизни больного. Относительно мѣста происхожденія мочевой кислоты въ организмѣ опредѣленаго ничего неизвѣстно, и мнѣнія физіологовъ на этотъ счетъ расходятся. Одни ученые полагаютъ, что мѣстомъ образованія мочевой кислоты является соединительная ткань. Мнѣніе это высказано было Робеномъ. Мочевая кислота всегда находится въ соединительной ткани, въ патологическомъ же состояніи количество ея только увеличивается. Шарко, наоборотъ, думаетъ, что причиною ненормальнаго увеличенія количества мочевой кислоты въ мочѣ является печень. Наконецъ, есть ученые, видящіе причину увеличенія количества мочевой кислоты въ разстроенной дѣятельности селезенки, а другіе—въ разстроенной дѣятельности почекъ. Кантани полагаетъ, что мѣстомъ образованія мочевой кислоты являются хрящи и сухожилія и что количество мочевой кислоты въ нихъ только увеличивается вслѣдствіе аномалій, происшедшихъ въ питаніи. Сенаторъ соглашается съ мнѣніемъ, что по крайней мѣрѣ часть мочевой кислоты образуется въ суставахъ. На хрящи сухожилія смотрятъ какъ на мѣсто образованія мочевой кислоты главнымъ образомъ потому, что обмѣнъ веществъ въ этихъ тканяхъ крайне замедленъ, циркуляція крови мала и окислительные процессы задержаны. Существуетъ также мнѣніе, и оно имѣетъ за собой вѣскія основанія, что мочевая кислота не образуется въ хрящахъ и сухожиліяхъ, а только отлагается въ нихъ. Процессъ

происходитъ такимъ образомъ: сначала вслѣдствіе разстройства общаго обмѣна веществъ въ организмѣ происходятъ химическія и анатомическія измѣненія въ хрящахъ, а потомъ уже въ болѣзненно-измѣненныхъ мѣстахъ отлагается изъ крови мочевая Кислота. Наконецъ,послѣднее мнѣніе состоитъ въ томъ, что причину подагры надо искать въ нервной системѣ. Словомъ, изучая ближе причины происхожденія подагры мы видимъ, какъ мало здѣсь чего либо положительно извѣстнаго. „Въ общемъ мы не сдѣлаемъ большой ошибки“ говоритъ извѣстный бальнеологъ Кишъ: „если будемъ считать, что мѣстомъ происхожденія мочевой кислоты являются всѣ ткани организма, но въ особенности нѣкоторые органы, какъ то: селезенка, печень“, а, по Эбштейну, мускулы и костный мозгъ. Изъ мѣстъ своего образованія мочевая кислота поступаетъ въ кровь и выдѣляется изъ организма почками. Причиною развитія подагры является разстройство въ обмѣнѣ веществъ, но надо замѣтить, что огромное значеніе этомъ имѣетъ и наслѣдственость.

Вліяніе наслѣдственности проявляется между 30—40 годами, а первый приступъ подагры у лица, расположеннаго къ этой болѣзни, развивается обыкновенно послѣ хорошаго обѣда съ возліяніями. Въ исключительныхъ случаяхъ подагра развивается въ болѣе молодомъ возрастѣ и даже у дѣтей. Мужской полъ болѣе расположенъ къ заболѣванію подагрой, чѣмъ женскій, но это объясняютъ тѣмъ, что мужчины чаще бываютъ неумѣренны въ ѣдѣ и употребленіи спиртныхъ напитковъ. Раньше всего подагрой поражаются суставы и чаще всего суставы ноги, а изъ нихъ— суставъ большого пальца. Анатомическія изслѣдованія находятъ въ первомъ стадіи страданія отложеніе мочевой кислоты въ суставномъ хрящѣ. При дальнѣйшемъ развитіи болѣзни мочевая кислота, кромѣ хрящей, начинаетъ отлагаться въ синовіальной сумкѣ. Еще позднѣе въ окружающихъ суставъ сухожиліяхъ и соединительной ткани. Теченіе подагры всегда хроническое. Развивается она исподволь и вдругъ проявляетъ себя первымъ приступомъ. Приступъ этотъ выражается въ видѣ болей въ суставѣ, развивающихся обыкновенно ночью. Такихъ приступовъ бываетъ одинъ, или два въ году, а чаще еще рѣже: въ два года разъ. Поражается, какъ сказано было раньше, чаще всего суставъ большого пальца ноги. Почему именно этотъ суставъ,—были высказаны различныя предположенія. Было высказываемо, что суставъ этотъ является наиболѣе удаленнымъ въ тѣлѣ, поэтому движеніе крови

и соковъ въ немъ чрезвычайно замедленны. Съ другой стороны было указано, какъ на предрасполагающую причину на современную обувь. Со временемъ, кромѣ сустава, большого пальца, поражаются подагрой и другіе суставы. Потомъ острые приступы подагры смѣняются хроническими болями. Отложеніе мочекислаго натра характерно для подагры и его никогда не бываетъ при ревматизмѣ. Моча у подагрическихъ больныхъ имѣетъ особыя свойства. Количество мочевой кислоты во время остраго приступа подагры бываетъ уменьшено, мочи бываетъ вообще мало, она окрашена въ красный цвѣтъ. Взамѣнъ 0,6—0,7 въ сутки мочевой кислоты во время приступа подагры выдѣляется всего 0,15 грм., тогда какъ въ кровяной сывороткѣ количество мочевой кислоты наростаетъ. Послѣ приступа и во время перерывовъ, наоборотъ, въ мочѣ наблюдаются осадки мочевой кислоты. При хронической подагрѣ количество выдѣляемой мочевой кислоты бываетъ очень уменьшено, но въ то же время въ мочѣ бываютъ осадки мочевой кислоты. На ряду съ мочевой кислотой нерѣдко въ мочѣ бываетъ щавелевокислая известь, а порой слѣды бѣлка и сахаръ. Подагрическое пораженіе суставовъ влечетъ за собой нерѣдко подагрическія пораженія другихъ органовъ. Сюда относятся: заболѣваніе желудка въ видѣ такъ называемой подагрической диспепсіи, пораженіе кишечника: мочевыхъ органовъ и глазъ (въ формѣ конъюнктивита).

Было описано также подагрическое заболѣваніе печени и почекъ. Печень и почки могутъ быть поражены при хроническомъ теченіи подагры вслѣдъ за пораженіемъ суставовъ. Но, съ одной стороны, были описаны случаи, гдѣ почки поражались подагрою первично, когда еще заболѣванія суставовъ не было, а съ другой стороны, наблюденія доказываютъ, что и при хронической подагрѣ почки заболѣваютъ не всегда. Особеннаго вниманія заслуживаетъ подагрическое пораженіе сердца. Оно состоитъ въ томъ, что въ сердечной мышцѣ отлагается мочевая кислота. Клинически болѣзнь эта характеризуется сердцебіеніями, неправильной дѣятельностью сердца и болями въ сердечной области, что врачами часто принимается за „функціональное разстройство сердечной дѣятельности“. Наконецъ, подагра можетъ поражать также мозгъ и спинной мозгъ. Тогда развиваются навралгіи и параличи. Итакъ, подагра, какъ на нее смотрятъ современные врачи, является страданіемъ весьма сложнымъ и общаго характера, а не только заболѣваніемъ суставовъ. Можно различать поэтому

подагрическое пораженіе суставовъ и другихъ органовъ (внутренностей). Происхожденіе подагры всегда одно и то же: отложеніе мочекислыхъ солей. Причины этого явленія неизвѣстны. А такъ какъ причины подагры неизвѣстны, то о раціональномъ лѣченіи ея не можетъ быть и рѣчи. Есть нѣсколько медикаментовъ, которые прописываются при подагрѣ, какъ-то: пиперазинъ (діэтилендіаминъ), лизинъ и т. п., но сами врачи, прописывающіе ихъ, сомнѣваются въ ихъ дѣйствіи. Лабораторными опытами, въ пробиркахъ доказано, что средства эти способствуютъ растворенію мочевой кислоты, но только сомнительно, чтобы средства эти переходили въ неизмѣнившемся состояніи въ кровь и достигали мѣстъ отложенія мочевой кислоты. Съ другой стороны, лабораторными опытами доказано, что раствореніе мочевой кислоты происходитъ въ присутствіи названныхъ лѣкарствъ только въ дестиллированной водѣ, а малѣйшая примѣсь соли (хлористаго натрія), или амміачныхъ солей вновь осаждаетъ мочевую кислоту изъ раствора. А въ крови, какъ извѣстно, всегда бываетъ и поваренная соль и амміачныя соли, такъ что дѣйствіе этихъ новыхъ средствъ на подагру, съ научной точки зрѣнія, считается совершенно недоказаннымъ. Поэтому врачи, прописывая больному подагрой какое-нибудь дорогое новое средство, никогда не забываютъ одновременно прописывать и минеральную воду: Боржомъ, или Ессентуки, если желаютъ, чтобы былъ какой-нибудь результатъ. Дѣйствіе минеральныхъ водъ при подагрѣ также недостаточно объяснено. Извѣстно, что онѣ увеличиваютъ щелочность крови, а при увеличенной щелочности крови, повышается растворимость въ ней мочевой кислоты и уратовъ. Такъ что въ настоящее время единственными средствами, облегчающими подагру, являются: надлежащая діэта (преимущественно растительная пища) и минеральныя воды. Изъ минеральныхъ водъ наибольшую пользу оказываютъ щелочныя воды: Ессентуки № 17, но вообще лѣченіе подагры надо производить съ большой осторожностью, сообразуясь съ индивидуальностью больного. Надо замѣтить, что два главныхъ цѣлебныхъ источника Ессентуковъ за послѣдніе годы удалось очень счастливо расширить глубокими буравыми скважинами, такъ что теперь открытъ доступъ минеральной воды наружу въ неограниченномъ количествѣ. О томъ, какъ съ каждымъ годомъ увеличивается пріѣздъ больныхъ въ Ессентуки свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя. (Курортъ Ессентуки. Изд. Общ. благоустр. Ессент. подъ ред. И. С. Ткешелашвили): въ 1849 г, было 405

человѣкъ, въ 1864 г.—615 ч., 1874 г.—1408 челов.; въ 1884 г.—4576 челов.; въ 1904—25,311 чел. и въ 1913 году—37,175 чел.

2. Общее ожирѣніе.

Вторая категорія больныхъ, которымъ лѣченіе на минеральныхъ водахъ приноситъ существенную пользу—это больные страдающіе полнокровіемъ, ожирѣніемъ и застоями въ системѣ воротной вены. Это большею частью лица, любящія хорошо покушать, потребляющія спиртные напитки, ведущія сидячій образъ жизни и страдающія запорами. У лицъ хорошо питающихся, при сидячемъ образѣ жизни и недостаточной мышечной работѣ, при недостаточномъ дыханіи и возбуждающей пищѣ, поступленіе питательнаго матеріала въ тѣло превышаетъ расходы и мало-помалу ведетъ къ перевѣсу между поступающимъ матеріаломъ и расходуемымъ. Вслѣдствіе этого обыкновенно въ пожиломъ или среднемъ возрастѣ, при наслѣдственной наклонности, развивается несоотвѣтствіе между количествомъ крови и силою сердца, вслѣдствіе чего наступаетъ переполненіе кровью тѣхъ частей тѣла, гдѣ сопротивленія всего меньше. Обыкновенно это бываетъ въ системѣ воротной вены отчасти потому, что система эта въ силу анатомическихъ условій представляетъ наименьшее сопротивленіе, отчасти же вслѣдствіе того, что система воротной вены у подобныхъ лицъ подвергается періодическому раздраженію отъ нарушеній діэты: обильной жирной пищи и особенно отъ содержащихъ алкоголь напитковъ. На этой почвѣ развивается обыкновенно катарръ желудка, или катарръ кишекъ, которыми страдаютъ подобныя лица, неправильности пищеваренія, запоры съ геморроидальными явленіями, ипохондрическое настроеніе, вздутіе живота и т. д. При лѣченіи подобныхъ больныхъ требуется величайшая осторожность. Надо всегда помнить, что у нихъ существуетъ нѣкоторое несоотвѣтствіе между крѣпкимъ на видъ тѣломъ и ослабленнымъ сердцемъ. Всякимъ энергичнымъ лѣченіемъ съ цѣлью вызвать похуданіе мы рискуемъ еще болѣе ослабить сердце. Лучшими водами для ожирѣлыхъ субъектовъ считаются послабляющія. Воды эти возбуждаютъ движеніе кишекъ, опрастываютъ ихъ отъ содержимаго и тѣмъ устраняютъ механическое препятствіе для кровообращенія. Но при упадкѣ дѣятельности сердца, зависящемъ отъ глубокаго пораженія его мышцъ, энергичное лѣченіе всегда противопоказуется. Субъектамъ туч-

нымъ и слабымъ слѣдуетъ назначать воды поваренной соли, которыя, вызывая послабленіе на низъ и усиленіе регрессивнаго обмѣна, одновременно содѣйствуютъ усвоенію питательныхъ веществъ и наростанію мышцъ. Къ такимъ водамъ относятся у насъ Столыпинскій сѣрно-соляной источникъ (Самарской губерніи Николаевскаго уѣзда) и Бусскія воды (Кѣлецкой губерніи). Но очень часто, съ нѣкоторой осторожностью, но съ успѣхомъ подобные больные лѣчатся въ Ессентукахъ. Если вамъ случится когда-нибудь въ іюнѣ мѣсяцѣ ѣхать внизъ по Волгѣ, то вы можете наблюдать множество больныхъ подобной категоріи, ѣдущихъ на кавказскія минеральныя воды изъ Петрограда: это—чиновники, дамы ведущія сидячій образъ жизни, всѣ они страдаютъ застоями крови въ нижней части брюшной полости. Дамы въ климактерическомъ періодѣ, дѣловые люди, которые не имѣли возможности слѣдить за правильностью отправленій кишечника. Среди нихъ вы можете встрѣтить выдающихся артистовъ, писателей, инженеровъ, сановниковъ и вообще лицъ работающихъ головой.

Вокругъ ручьевъ его (Машука) волшебныхъ—
Больныхъ тѣснится блѣдный рой—
Кто жертва чести боевой,
Кто почечуя, кто Киприды;
Страдалецъ мыслитъ жизни нить
Въ волнахъ чудесныхъ укрѣпить,
Кокетка—злыхъ годовъ обиды
На днѣ оставить, а старикъ
Помолодѣть—хотя на мигъ“..

(Пушкинъ).

3. Ревматизмъ.

Изъ различныхъ видовъ ревматизма минеральными водами (ваннами) и грязями лѣчатся только однѣ хроническія формы. Хроническія формы ревматизма могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: суставной ревматизмъ и мышечный ревматизмъ. Хроническій ревматизмъ суставовъ также представляетъ собою съ медицинской точки зрѣнія сложную группу заболѣваній. Помимо заболѣванія суставовъ очень часто мы имѣемъ здѣсь дѣло съ воспалительнымъ состояніемъ апоневрозовъ, сухожилій, иногда неврилеммы, надкостницы и вообще органовъ, состоящихъ изъ соединительной ткани. Всѣ эти болѣзни обязаны своимъ происхожденіемъ инфекціи, но натура инфекціи еще не опредѣлена.

Дѣло представляютъ себѣ такимъ образомъ: микробы (инфекція) производятъ воспалительный процессъ, вслѣдствіе этого воспалительнаго процесса происходятъ нарушенія въ питаніи околосуставной сумки и накопленіи въ суставѣ суставной жидкости (синовіи) и утолщеніи какъ околосуставной сумки, такъ и связокъ. На ряду съ этимъ происходитъ разростаніе тяжей соединительной ткани внутри суставной сумки, вслѣдствіе чего подвижность сустава уменьшается и можетъ произойти даже сростаніе сустава. Такое начало хроническаго ревматизма суставовъ не зависитъ ни отъ предшествовавшаго травматическаго поврежденія, ни отъ какой-либо другой болѣзни воспалительнаго характера (туберкулеза, луэса и т. п.). Хроническій ревматизмъ начинается самостоятельно, какъ таковой. Иногда ему предшествуетъ острый стадій болѣзни, который переходитъ потомъ въ хроническій такимъ образомъ, что болѣзненность въ одномъ, или нѣсколькихъ суставахъ не проходитъ совсѣмъ, а продолжается въ уменьшенной, но хронической формѣ. Иногда же хроническій ревматизмъ развивается самостоятельно, начавшись нѣкоторою болѣзненностью въ суставѣ, усиливающеюся при движеніи. По утрамъ бываетъ иногда чувство онѣмѣнія въ суставахъ. Если болѣзнь уже долго продолжаатся, то болѣзненность стихаетъ и бываетъ только при движеніи. При изслѣдованіи заболѣвшіе суставы представляются нѣсколько увеличенными. Это зависитъ отъ утолщенія суставной сумки и отъ накопленія въ суставѣ синовіальной жидкости. Часто указываютъ на значеніе въ происхожденіи хроническаго ревматизма предрасположенія. Это предрасположеніе можетъ быть врожденнымъ и пріобрѣтеннымъ. Причиною вызвавшей болѣзнь чаще всего бываетъ: сырое помѣщеніе, холодъ, простуда, новый домъ, сырыя стѣны Совершенно иную и самостоятельную болѣзнь съ точки зрѣнія врачей представляетъ собою Arthritis deformans или ревматизмъ обезображивающій суставы. Здѣсь, какъ показываютъ анатомическія изслѣдованія, воспаляется не околосуставная сумка и не окружающія суставъ ткани, а сами суставные хрящи, форма которыхъ измѣняется, обезображивается. Анатомическія изслѣдованія показываютъ, что образующіе суставъ хрящи утолщаются, потомъ дѣлаются волокнистыми и, наконецъ, изъязвляются, а потомъ совсѣмъ исчезаютъ такъ что одна кость соприкасается прямо къ другой кости. Если положить въ такой стадіи болѣзни на суставъ руку, то слышно, какъ при движеніи одна кость

На рѣкѣ Тебердѣ.

Черноморское побережье: Гагры.

трется о другую. Послѣ этого развивается полная неподвижность сустава. Чаще всего этой формой ревматизма поражаются суставы руки и пальцевъ. Пальцы остаются въ одномъ положеніи — скрюченными. Послѣ могутъ быть поражены тою же болѣзнью ноги, колѣна, локтевые суставы и плечи. Обезображивающимъ ревматизмомъ можетъ быть поражена также челюсть и позвоночникъ. Почти всегда болѣзнь эта поражаетъ симметрично обѣ части тѣла. Внутренности при ней никогда не затрогиваются.

Отъ хроническаго ревматизма суставовъ отличаютъ мышечный ревматизмъ. При этомъ ревматизмѣ бываютъ поражены не только мышцы, но и фасціи и часто надкостница, но никогда не поражаются суставы, чѣмъ онъ и отличается отъ суставного ревматизма. Анатомическихъ измѣненій при мышечномъ ревматизмѣ обыкновенно не бываетъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ наблюдается разростаніе соединительной ткани. Причиной мышечнаго ревматизма бываетъ простуда. Мышечный ревматизмъ всегда сопровождается сильными болями, усиливающимися при движеніи такъ, что часто движеніе становится вовсе невозможнымъ. Бываютъ случаи, что мышечный ревматизмъ поражаетъ то однѣ, то другія группы мышцъ, чаще же онъ поражаетъ только однѣ какія-либо мышцы. Иногда мышечный ревматизмъ бываетъ острымъ, иногда же онъ пріобрѣтаетъ хроническое теченіе. Очень часто мышечный ревматизмъ поражаетъ, если не сказать, что его любимое мѣсто есть плечо и верхній уголъ спинныхъ мышцъ. Иногда онъ поражаетъ мышцы спины: cucullaris и latissimus dorsi. Иногда мышечнымъ ревматизмомъ поражаются мышцы затылка и тогда больной не можетъ сгибать голову (Torticollis rheumatica).

Описанъ также ревматизмъ межреберныхъ мышцъ, ревматизмъ головы. Особенно часто встрѣчается ревматизмъ поясничныхъ мышцъ или Lumbago (прострѣлъ): больной не можетъ безъ боли ни встать съ постели, ни лечь, и всякое сгибаніе туловища ему страшно болѣзненно.

Разныя формы ревматизма и у разныхъ больныхъ лѣчатся нѣсколько различно: всегда приходится индивидуализировать лѣченіе. Но два положенія всегда остаются вѣрными, первое: никакое лѣченіе не оказываетъ большей пользы при застарѣломъ ревматизмѣ, какъ лѣченіе удачно выбранными ваннами, или грязями и второе: никогда не слѣдуетъ примѣнять лѣченіе ваннами, грязями, если не исчезли признаки остраго воспаленія:

боли, лихорадочное состояніе и т. д. При хроническомъ суставномъ ревматизмѣ съ успѣхомъ назначается лѣченіе грязями, которыхъ въ Россіи очень много: въ Старой Руссѣ (Новгородской губерн.), Одесскіе лиманы, Сакскія грязи (въ Крыму) Чокракское озеро (въ Крыму), Тамбуканское озеро (на Кавказѣ). При лѣченіи грязями главное дѣйствіе имѣетъ высокая температура. Процедура лѣченія грязью производится слѣдующимъ образомъ. Съ середины соленаго озера достаютъ и привозятъ такъ наз. грязь или илъ, состоящій изъ неорганическихъ и органическихъ остатковъ обыкновенно чернаго какъ вакса цвѣта. Больного помѣщаютъ на солнцѣ, голову защищаютъ отъ солнца мокрымъ полотенцемъ и зонтикомъ, а все тѣло обкладываютъ равномѣрнымъ слоемъ грязи. Лица, привыкшія къ этому дѣлу, обкладываютъ грязью очень быстро и очень умѣло: на грудь, напримѣръ, кладутъ грязи очень мало, чтобы не было тяжело дышать. Ощущеніе грязевой ванны очень пріятное, такъ что больной желаетъ продолжить это состояніе, но въ виду сильнаго дѣйствія ваннъ, ихъ принимаютъ въ продолженіе весьма ограниченнаго времени всегда подъ наблюденіемъ врача. Какъ только прошло извѣстное, положенное время, грязь быстро счищаютъ, больной переходитъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ смываетъ всю грязь водой, затѣмъ одѣвается и отдыхаетъ. Особенно важно при лѣченіи грязевыми ваннами, чтобы было здорово сердце. При слабомъ сердцѣ, а тѣмъ болѣе при порокахъ сердца лѣченіе грязевыми ваннами отнюдь не допускается. Нигдѣ въ Европѣ нѣтъ такого хорошаго грязелѣченія, какъ у насъ на югѣ Россіи. Поэтому здѣсь можно ежегодно наблюдать массу больныхъ и богатыхъ и бѣдныхъ. Послѣднихъ особенно много, такъ какъ хроническій ревматизмъ у лицъ принужденныхъ работать на стужѣ: у желѣзнодорожныхъ машинистовъ, прачекъ и проч. болѣзнь не рѣдкая. Получаютъ ли всѣ эти больные облегченіе? Опытъ превосходитъ то, что можно было бы ожидать теоретически. Даже абсолютно неизлѣчимые случаи, какъ arthritis deformans, гдѣ хрящи уже измѣнены, изъязвлены или даже исчезли и тѣ лѣчатся у насъ на югѣ ваннами и грязями и пріѣзжаютъ изъ года въ годъ постоянно. Распрашивая такихъ больныхъ, вы къ удивленію своему узнаете, что побывавши на курортѣ они послѣдующую зиму чувствуютъ себя много лучше. Проф. Предтеченскій нашелъ и написалъ цѣлую книгу о томъ, что кровь при ревматизмѣ претерпѣваетъ измѣненія и что измѣненія эти сглаживаются и совсѣмъ исчезаютъ

подъ вліяніемъ лѣченія грязями. При мышечномъ ревматизмѣ назначаются также морскія купанья. Субъектамъ слабымъ, истощеннымъ, раздражительнымъ рекомендуются Славянское озеро (Харьковск. губ.), лѣченіе сѣрнистыми водами въ Пятигорскѣ и не слишкомъ горячія грязи: Славянскія, Одесскіе лиманы и др.

4. Конституціональный луэсъ.

Въ теченіе сифилиса врачи различаютъ три стадія: первичный, вторичный и третичный. Какъ острый ревматизмъ никогда не лѣчатъ на минеральныхъ водахъ, такъ и сифилисъ ни въ одномъ изъ острыхъ стадіевъ болѣзни не лѣчится ваннами. Въ Пятигорскъ и Кеммернъ посылаются только больные, имѣвшіе сифилисъ и вылѣчившіе его для заключительнаго лѣченія. Главными средствами для борьбы съ сифилисомъ являются до сихъ поръ препараты ртути и іодистый калій. Тѣмъ не менѣе и у больныхъ и у врачей продолжаетъ существовать особенная вѣра въ пользу приносимую въ дѣлѣ окончательнаго излѣченія сифилиса теплыми сѣрными ваннами. Съ точки зрѣнія теоріи одни изъ авторитетовъ говорятъ, что: „вопросъ о дѣйствительномъ значеніи сѣрныхъ водъ въ терапіи сифилиса долго еще будетъ принадлежать къ спорнымъ“. Другіе же думаютъ прямо „что теплыми и горячими ваннами изъ простой воды и паровыми ваннами достигаются тѣ же результаты, что и сѣрными“. Когда вы побываете на Пятигорскихъ минеральныхъ водахъ, и поговорите тамъ съ врачами и съ больными, то услышите массу разсказовъ о чудодѣйственномъ вліяніи водъ на сифилисъ. Вамъ укажутъ даже одинъ источникъ, гдѣ стоитъ только одинъ разъ сѣсть въ ванну человѣку, у котораго былъ когда либо сифилисъ, и, если сифилисъ не вполнѣ прошелъ, то субъектъ на другой день оказывается весь въ сыпи, тогда какъ на здороваго человѣка источникъ не оказываетъ никакого вліянія. Другіе видятъ могущественное вліяніе ваннъ въ томъ, что онѣ способствуютъ выдѣленію изъ организма ртути, которою былъ лѣченъ сифилисъ. Наконецъ, нѣкоторые думаютъ, что сѣрныя воды могутъ сами по себѣ безъ ртути вылѣчивать сифилисъ. Послѣднее — едва ли возможно. Скорѣе наоборотъ: сѣрныя воды помогаютъ благодаря вспомогательному лѣченію ртутью и іодомъ. Тѣмъ не менѣе полезнаго дѣйствія сѣрныхъ ваннъ отрицать нельзя, но только надо думать, что онѣ дѣйствуютъ не на сифилитическую инфекцію, а способ-

ствуютъ дѣйствію ртути, такъ какъ увеличиваютъ выдѣленіе ея мочей.

Теплыя и горячія сѣрныя ванны считаются полезными въ тѣхъ случаяхъ застарѣлаго сифилиса, когда ртуть и іодъ не переносятся, или уже не оказываютъ дѣйствія. У субъектовъ истощенныхъ, гдѣ избѣгаютъ энергичнаго дѣйствія теплыхъ и горячихъ ваннъ, рекомендуютъ въ качествѣ укрѣпляющаго лѣченія химически-индифферентныя ванны и морскія купанья.

5. Малокровіе.

Въ Россіи вообще много малокровныхъ, поэтому изученіе малокровія давно привлекало вниманіе русскихъ врачей. Врачами, которымъ приходится посылать малокровныхъ больныхъ на минеральныя воды и курорты, принято различать семь формъ малокровія: 1) малокровіе золотушное, 2) сердечное, 3) рефлекторное, 4) висцерально-луэтическое, 5) подагрическое, 6) кишечное и 7) туберкулезное и, кромѣ того, обычную форму малокровія у дѣвушекъ въ переходномъ возрастѣ—хлорозъ. Изо всѣхъ этихъ формъ наиболѣе частая форма малокровія—хлорозъ, пожалуй, рѣже всего лѣчится минеральными водами. Это происходитъ потому, что такъ назыв. желѣзистыя минеральныя воды содержатъ обычно лишь слѣды желѣза, а введеніе большого количества воды не всѣми больными хорошо переносятся и не желательно. Чистыя формы малокровія и хлороза лѣчатся съ успѣхомъ у насъ въ Липецкѣ (Тамбовской губ.) и въ Желѣзноводскѣ. При хлорозѣ, сопровождающемся запорами и застоями въ воротной венѣ чистымъ желѣзистымъ ключамъ предпочитаютъ соляныя воды, содержащія желѣзо, напр. Столыпинскій желѣзисто-соляной источникъ и желѣзнощелочныя воды (Липецкъ). Другая частая форма малокровія—малокровіе золотушное. Оно характеризуется упадкомъ питанія, несмотря на хорошія условія и совершенно достаточное принятіе пищи. Лица, страдающія этой формой малокровія, представляются слабосильными, неспособными къ продолжительному труду, блѣдными, съ слабымъ пульсомъ. Подкожно-жирный слой или не развитъ, или развитъ чрезмѣрно. Такіе больные часто простуживаются, страдаютъ насморкомъ и т. д. Кишечникъ всегда имѣетъ атонію. Больные такого сорта обыкновенно принимали мышьякъ и желѣзо, брали соляныя ванны и часто безъ особаго успѣха. Такимъ больнымъ помогаютъ Друскеники.

Имъ назначаютъ питье источника № 1 или № 2, ванны 26—27R и іодистый калій. Друскеники представляютъ собой мало-извѣстныя, какъ всѣ русскіе курорты, но чрезвычайно важныя минеральныя воды, находящіяся въ западномъ краѣ, въ Гродненской губерніи, по Петроградско-Варшавской ж. д. въ 17-ти верстахъ отъ станціи „Порѣчье“ на рѣкѣ Нѣманѣ. Слово „Друскеники“ литовское. „Друска“ значитъ „соль“. Природа въ Друскеникахъ очень красивая. Жизнь тихая. Кромѣ больныхъ сюда на лѣто пріѣзжаютъ также много здоровыхъ отдохнуть на дачахъ. Прекрасныя прогулки въ лѣсу. Купанье. Третья форма малокровія—сердечное малокровіе. Костная и мышечная системы у подобныхъ больныхъ развиты правильно, дыхательныя органы и кишечникъ также нармальны. Жалобы больныхъ заключаются на общую слабость, потерю аппетита, безсонницу а главное на утомленіе при физическомъ трудѣ, гимнастикѣ или просто движеніи, при чемъ у нихъ развивается одышка съ сердцебіеніемъ. Цвѣтъ кожи и слизистыхъ оболочекъ у подобныхъ больныхъ чрезвычайно измѣнчивъ. Въ общемъ, больные этой группы люди нервные. При объективномъ изслѣдованіи замѣчается нѣкоторое расширеніе сердца и нечистота тоновъ. Шумовъ нѣтъ, но наблюдается рѣзкая возбудимость сердца (отъ движенія, вина и проч.). Въ сосудахъ также ненормальности: легкая расширяемость, расширеніе венъ, потливость. Больные легко краснѣютъ. Слѣдующая форма малокровія—рефлекторное малокровіе. Оно зависитъ отъ ненормальнаго отправленія какого либо органа, напр. блуждающей почки, неправильно работающей діафрагмы, или печени (напримѣръ, вслѣдствіе сжатія корсетомъ), отъ ненормальности отправленій половой сферы. Здѣсь приносятъ пользу индифферентныя ванны. Первое мѣсто изъ этой категоріи водъ занимаетъ у насъ Абасъ-Туманъ (Тифлисской губерніи), который отличается очень красивымъ мѣстоположеніемъ, здоровымъ климатомъ и замѣчательно хорошимъ устройствомъ со всѣми новѣйшими приспособленіями и спиціально подготовленными врачами. Затѣмъ отмѣчаютъ подагрическое малокровіе. Больные большею частью лица полныя съ желтоватымъ цвѣтомъ лица, жалуются обыкновенно на боль въ суставахъ, хрустѣніе въ нихъ, затрудненность мышечныхъ движеній. Головныя боли иногда появляются нестерпимыми приступами, разстройства кишечника (большею частью запорами), часто неправильное отдѣленіе мочи съ осадками, съ болями и частыми позывами. При изслѣдованіи все представляется нор-

мальнымъ за исключеніемъ общей блѣдности и ослабленія дѣятельности сердца—всегда съ замедленной пульсовой волной. Въ мочѣ, всегда увеличенное количество мочевой кислоты, щавелевокислая известь и иногда бѣлокъ. Въ анамнезѣ нѣтъ сифилиса, а имѣется „сидячій образъ жизни“. Такимъ больнымъ приноситъ пользу лѣченіе въ Ессентукахъ и въ Друскеникахъ. Слѣдующую форму представляетъ малокровіе кишечное. Больные этой категоріи представляются блѣдными съ землистымъ цвѣтомъ лица, съ рыхлыми слизистыми оболочками, часто съ дурнымъ запахомъ изо рта. Жалуются на пищеварительныя разстройства: то запоръ, то поносъ. Жалуются на икоту, на измѣнчивый аппетитъ. По недѣлямъ, даже по мѣсяцамъ чувствуютъ они себя вполнѣ хорошо, а потомъ безъ видимой причины опять ослабѣваютъ. При объективномъ изслѣдованіи у нихъ ничего ненормальнаго не замѣчается (только иногда встрѣчаются перебои пульса), при разспросахъ же оказывается, что прежде эти лица страдали или брюшнымъ тифомъ, или глистами, а у женщинъ констатируютъ, что малокровіе развилось послѣ повторныхъ родовъ. Какія именно измѣненія происходили въ организмѣ, рѣшить трудно, но очевидно, что нарушена всасывательная способность желудочно-кишечнаго канала. Массажъ живота, души на область брюшной полости и минеральныя воды—Друскеники приносятъ здѣсь пользу.

6. Женскія болѣзни.

Лѣченіе минеральными водами, ванными и грязями находитъ примѣненіе при многихъ страданіяхъ женской половой сферы. Особенно большую пользу въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказываютъ грязевыя ванны. Польза отъ нихъ бываетъ столь велика, что не приходится дѣлать операціи. Грязевыхъ ваннъ въ Россіи множество: въ Старой Руссѣ, въ Гапсалѣ (въ Эстлянской губ. на Балтійскомъ морѣ) и на югѣ Россіи: Сакское озеро (въ Крыму), Чокракское озеро (на Азовскомъ морѣ), Одесскіе лиманы. Грязевыя ванны прописываются при разстройствахъ менструаціи, въ частности при дисменнорреѣ. Бывали случаи, что уже послѣ одного курса лѣченія ваннами проходили страшнѣйшія боли. При меннорагіяхъ и обильныхъ мѣсячныхъ рекомендуется теперь прохладныя грязевыя ванны температур. 24°—26° Реомюра, которыя дѣйствуютъ кровеостанавливающимъ образомъ. Если принять въ

соображеніе, что причиною сильныхъ мѣсячныхъ очищеній является часто хлорозъ и малокровіе, или нервная слабость, то полезное дѣйствіе при нихъ лѣченія грязями дѣлается понятныхъ.

Леченіе грязевыми ваннами примѣняется также при хроническомъ катаррѣ влагалища и шейки матки, одинаково при хронической гонорреѣ. Здѣсь, очевидно, дѣйствуютъ антисептическія свойства грязи, которая проникаетъ въ половые органы и лишаетъ патогенныхъ микробовъ возможности развиваться. А съ устраненіемъ микроорганизмовъ слизистая оболочка имѣетъ возможность опять возстановиться.

Иногда послѣ грязевой ванны эпителій половыхъ органовъ сходитъ въ видѣ цѣлыхъ лоскутовъ, которые больные къ своему удивленію и испугу находятъ при спринцеваніи. Нѣкоторые больные заявляютъ, что непосредственно послѣ ванны у нихъ бываютъ ощущенія въ маткѣ, напоминающія собой родовыя потуги. Это доказываетъ намъ, что грязевыя ванны способны вызывать движеніе мышцъ матки. Опытъ показываетъ, что грязевыя ванны дѣйствуютъ благотворнымъ образомъ даже при хроническомъ воспаленіи матки (метритѣ и эндометритѣ).

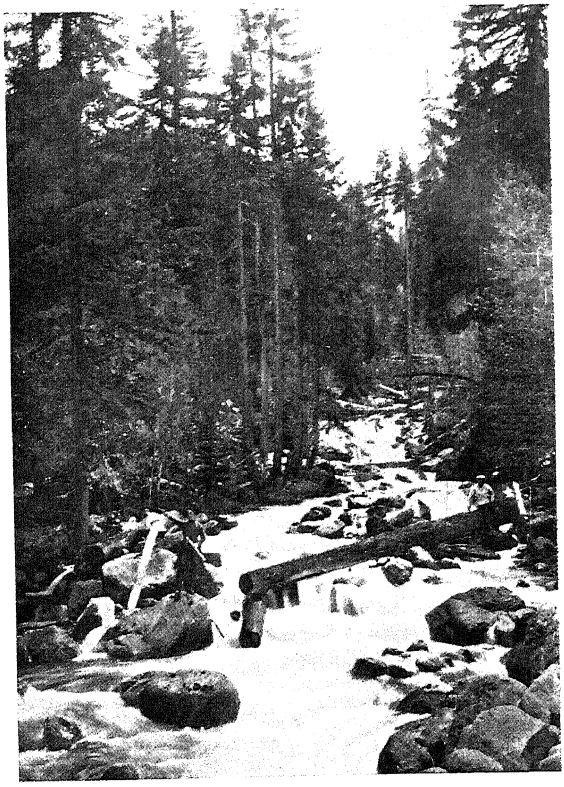
При искривленіяхъ матки грязевыя ванны не могутъ излѣчивать болѣзни, но доставляютъ больнымъ облегченіе. При воспалительныхъ экссудативныхъ процессахъ придатковъ матки, сальпингитѣ (воспаленіи трубъ), офоритѣ (воспаленіи яичниковъ), страданіяхъ, когда большинство врачей хватаются за ножъ, леченіе грязевыми ваннами оказываетъ часто блистательные результаты. Такъ что въ настоящее время въ медицинѣ принято положеніе не считать при подобныхъ страданіяхъ операцію за единственное средство, ведущее къ излѣченію. Противопоказаніемъ для леченія женскихъ болѣзней грязевыми ваннами является беременность.

Кромѣ курортовъ съ лѣченіемъ грязями лицъ, страдающихъ хроническимъ воспаленіемъ матки и ея придатковъ (параметритомъ, оофоритомъ и т. д.) посылаютъ также въ курорты съ химически-индифферентными ваннами, какъ: Абасъ-Туманъ или пользоваться соляными ваннами (Старая Русса), а также на берегъ моря пользоваться морскими купаньями.

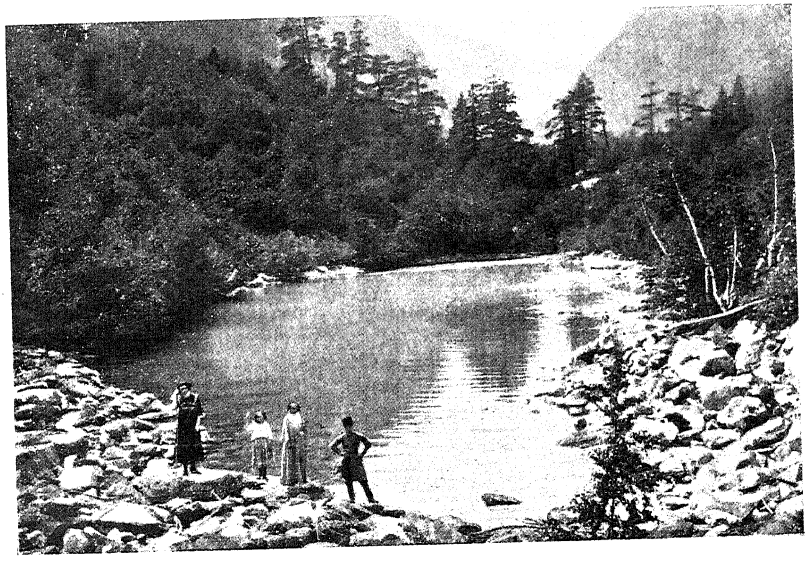
7. Болѣзни сердца.

Недалеко то время, когда болѣзни сердца являлись противопоказаніемъ къ употребленію всѣхъ вообще минеральныхъ водъ. Съ тѣхъ поръ въ медицинскихъ воззрѣніяхъ произошелъ коренной переворотъ, и теперь огромный контингентъ больныхъ болѣзнями сердца посылаются врачами на минеральныя воды. На первомъ планѣ здѣсь имѣются въ виду углекислыя ванны, какія имѣются, напримѣръ, у насъ въ Кисловодскѣ.

Въ настоящее время вполнѣ доказано, что ванны богатыя углекислотой обладаютъ рефлекторнымъ дѣйствіемъ на дѣятельность сердца, выражающимся въ томъ, что пульсъ дѣлается медленнѣе и сильнѣе, дѣятельность сердца регулируется, сама сердечная мышца лучше питается, словомъ: углекислыя ванны являются могущественнымъ возбудителемъ сердечной дѣятельности. Современные врачи хорошо знакомы съ употребленіемъ углекислыхъ ваннъ и сообразно съ индивидуализаціей больного назначаютъ ванны съ различнымъ содержаніемъ углекислоты и различныхъ температуръ. Помимо углекислыхъ ваннъ при болѣзняхъ сердца даются иногда минеральныя воды, обладающія слегка послабляющимъ дѣйствіемъ (содержащія глауберову соль). Къ выгодамъ Кисловодска, какъ курорта для сердечныхъ больныхъ, относится также и его высокое положеніе надъ уровнемъ моря (2700 фут.). Разрѣженный горный воздухъ оказываетъ сильное возбуждающее дѣйствіе на дѣятельность сердца, съ другой стороны онъ, какъ доказано, оказываетъ также вліяніе и на кровотворительные органы. Въ Кисловодскомъ паркѣ имѣются спеціальные маршруты съ постепеннымъ восхожденіемъ на различныя высоты, что также путемъ упражненія способствуетъ развитію сердечной мышцы. Изъ сердечныхъ больныхъ, посылаемыхъ на минеральные воды мы назовемъ прежде всего больныхъ съ ожирѣвшимъ сердцемъ. Такіе больные, страдающіе часто и общимъ ожирѣніемъ, жалуются на учащенное сердцебіеніе и одышку при восхожденіи на гору, поднятіи на лѣстницы и т. д. Работа сердца, въ общемъ, у такихъ больныхъ бываетъ удовлетворительной, но ей препятствуетъ, съ одной стороны, жиръ, откладывающійся около сердца, а съ другой стороны жиръ, откладывающійся въ брюшной полости и препятствующій своимъ давленіемъ правильности кровообращенія. Въ концѣ-концовъ, это ведетъ къ одышкѣ, къ застоямъ крови въ маломъ кругу



Теберда. Горный потокъ (Муруджу).



Теберда. Первое Бадукское озеро.

кровообращенія, съ астматическимъ припадкомъ, разстройству кровообращенія въ почкахъ и появленію бѣлка въ мочѣ. Огромную пользу въ такихъ случаяхъ оказываетъ только систематичное лѣченіе минеральными водами въ Ессентукахъ, Кисловодскѣ и т. д. Сюда стекается поэтому множество больныхъ, страдающихъ ожирѣніемъ сердца. Это или люди, любящіе хорошо покушать, или дамы въ климактерическомъ возрастѣ, или лица, подверженные толщинѣ наслѣдственно. Питье подходящей воды въ продолженіе 6-ти недѣль доставляетъ сердцу значительное облегченіе и устраняетъ болѣзненные симптомы. Если болѣзнь не очень запущена и мышцы сердца не перерождены, то результатъ лѣченія бываетъ блестящій. У больныхъ не только облегчается ходьба, но они могутъ даже подниматься въ гору, наклонность къ головокруженію исчезаетъ, пульсъ дѣлается сильнымъ и правильнымъ. Гораздо труднѣе обстоитъ дѣло въ иномъ случаѣ, если жиръ въ сердцѣ преобладаетъ и не только облегаетъ сердце, но и сама сердечная мышца подверглась жировому перерожденію. Въ такихъ случаяхъ лѣченіе минеральными водами представляетъ собой ножъ обоюдоострый и должно быть примѣняемо очень обдуманно и съ большой осторожностью, и часто бываетъ противопоказано. Вторая форма страданія сердца, при которой съ успѣхомъ примѣняется лѣченіе минеральными водами и ваннами (Ессентуки, Кисловодскъ) есть гипертрофія сердца. Гипертрофія сердца можетъ быть общей и частичной.

Питье минеральной воды доставляетъ только облегченіе страданія. У лицъ полнокровныхъ, страдающихъ гипертрофіей сердца курсъ лѣченія въ Ессентукахъ служитъ предохранительнымъ средствомъ отъ удара. Третью форму разстройства сердечной дѣятельности, при которой оказываетъ пользу лѣченія минеральной водой, представляетъ собой подагрическое пораженіе сердца. Подагрическое сердце развивается на почвѣ измѣненнаго обмѣна веществъ и состоитъ изъ сложнаго страданія, объясняющагося частью органическими измѣненіями въ сердцѣ, частью различными чувствующими и двигательными неврозами сердца. При подагрическомъ сердцѣ помогаютъ минеральныя воды, потому что дѣло идетъ о подагрѣ. Подагрическое сердце всегда сопровождается подагрическимъ страданіемъ суставовъ. Дальше, весьма помогаетъ лѣченіе на минеральныхъ водахъ (Нарзанныя ванны въ Кисловодскѣ, или лѣченіе въ Ессентукахъ) при неврозахъ сердца. Неврозы сердца бываютъ различнаго

происхожденія, отъ различныхъ причинъ, а потому и лѣчатся различно. Если неврозъ сердца развился вслѣдствіе привычныхъ запоровъ, то помогаетъ лѣченіе въ Ессентукахъ, при неврозахъ иного происхожденія помогаютъ углекислыя ванны и Нарзанныя ванны.

8. Нервныя болѣзни.

Различныя нервныя страданія лѣчатся на минеральныхъ водахъ съ различнымъ успѣхомъ. Наибольшій успѣхъ получается при лѣченіи ваннами и грязями невралгій, съ меньшимъ успѣхомъ лѣчатся на минеральныхъ водахъ параличи. Кромѣ этого въ курортахъ, особенно прибрежныхъ съ успѣхомъ лѣчатся разные виды неврастеніи, нервной слабости, нервнаго утомленія и т. п. Нервныя боли или невралгіи представляютъ собой страданіе, встрѣчающееся весьма нерѣдко. Они характеризуются болями, не соотвѣтствующими анотомически положенію какого-либо органа, но идущими по тракту нерва. Анатомическія изслѣдованія показываютъ, что боли эти часто не сопровождаются никакими анатомическими измѣненіями. Онѣ бываютъ пароксизмами, являются внезапно, потомъ проходятъ, чтобы опять возобновиться безъ всякой видимой причины. Измѣненія возбудимости при этой болѣзни не наблюдается, одинаково, что въ особенности интересно, не найдено никакихъ измѣненій въ микроскопической структурѣ нервныхъ стволовъ, такъ что врачи пытаются объяснить невралгію измѣненіями въ циркуляціи крови, или питанія. Никакой причины въ общемъ состояніи больного также найти не удается: помимо невралгіи, человѣкъ во всемъ остальномъ бываетъ совершенно здоровъ. Какая причина невралгіи? Врачи видятъ причину невральгіи въ нервномъ предрасположеніи, благопріятствующемъ всякаго рода нервнымъ заболѣваніямъ вообще, причемъ, даже незначительная причина можетъ вызвать нервное заболѣваніе, причина, которая у здороваго человѣка ничего не вызываетъ. Вторая причина невралгій — наслѣдственность. Замѣчено, что если родители страдаютъ невралгіей, то и кто нибудь изъ дѣтей, также страдаетъ невралгіей. Въ этомъ отношеніи, невралгіи имѣютъ сходство съ психическими заболѣваніями. Изъ причинъ производящихъ невральгію, указываютъ на раненія, ударъ и другія травматическія поврежденія. Одинаково причиною невралгіи бываютъ болѣзни костей и надкостницы, наросты на

костяхъ (экзостозы) и заболѣванія нерва въ мѣстѣ прохожденія его по костному каналу. Иногда причиною невралгіи является люэсъ: развитіе гуммъ въ центральной нервной системѣ. Иногда невралгіи бываютъ токсическаго происхожденія, напр., свинцовая колика при отравленіи свинцомъ.

Невральгическія боли бываютъ большею частью пароксизмами, послѣ пароксизма онѣ или совсѣмъ исчезаютъ, или остаются въ слабѣйшей степени. Промежутокъ между двумя параксизмами можетъ продолжаться нѣсколько дней, нѣсколько недѣль, или нѣсколько мѣсяцевъ, даже годъ. Боли во время пароксизма бываютъ ужасны. Больной сравниваетъ ихъ съ тѣмъ, какъ будто нервъ ему рвутъ, или прижигаютъ раскаленной проволокой, или сверлятъ. На ряду съ этими постоянными болями, бываютъ одновременно еще моментальныя пронизывающія боли, такъ что больной страдаетъ неимовѣрно.

Очень важнымъ симптоматическимъ признакомъ невралгіи являются такъ наз. „болевыя точки“, описанныя Valleix, а потомъ Ромбергомъ. Эти болевыя точки встрѣчаются обыкновенно на мѣстахъ, гдѣ нервъ или выходитъ изъ костнаго канала, или изъ апоневроза. Съ особымъ успѣхомъ на нашихъ курортахъ лѣчатся: затылочная невралгія (Neuralgia occipitalis), невралгія тройничнаго нерва (N. trigemini), невралгія лучевого (N. brachialis) и сѣдалищнаго нервовъ. Затылочная невралгія поражаетъ обыкновенно заднія вѣтви 1-го и 2-го шейныхъ нервовъ, а одинаково и нѣкоторыя нервныя вѣтви, выходящія изъ шейнаго сплетенія, анастомозирующія съ затылочными нервами. Боль при затылочной невралгіи чувствуется, начиная съ самыхъ верхнихъ шейныхъ позвонковъ во всемъ затылкѣ до темени, а сбоковъ до ушей. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не помогаютъ ни отвлекающія средства, ни электричество, помогаютъ ванны. Послѣ больныхъ, страдающихъ затылочной невралгіей, очень много больныхъ пріѣзжаютъ на минеральныя воды и получаютъ тамъ облегченіе страдающихъ невралгіей тройничнаго нерва. Чаще всего это бываетъ невралгія надглазничной области или лобная невралгія, но иногда и въ другихъ областяхъ: подъ глазомъ, въ области щеки, подбородка, зубная боль. Противъ всѣхъ этихъ невралгій помогаютъ ванны. Въ помощь ваннамъ врачи прописываютъ также лѣченіе электричествомъ. Далѣе идутъ больные, страдающіе невралгіей руки или невралгіей нервовъ брахіальнаго сплетенія, кромѣ невралгіи плеча, сюда относятся невралгіи въ области

лучевого и локтевого нерва и N. medianus. Причиною невралгіи въ этой области могутъ быть поврежденія, хроническій суставной и мышечный ревматизмъ, усиленная работа рукой. Невралгіи этого рода большею частью вылѣчиваются нашими минеральными водами и ваннами. Одинаково выздоровленіе, или значительное улучшеніе получаютъ больные, страдающіе межреберной невралгіей, которая можетъ быть различнаго происхожденія: вслѣдствіе анеміи, хлороза, аменорреи или послѣ Herpes Zoster, или послѣ ревматизма. Наконецъ, одна изъ самыхъ тяжелыхъ невралгій: невралгія сѣдалищнаго нерва—Ischias также лѣчится нашими водами, въ частности теплыми и горячими ваннами и грязевыми ваннами съ тѣмъ успѣхомъ, какой только возможенъ. Одновременное лѣченіе электричествомъ, способствуетъ дѣлу.

Для успѣшнаго лѣченія невральгій минеральными водами самое главное значеніе имѣетъ точная діагностика причины происхожденія невральгій. При малокровіи и анеміи оказываютъ пользу Желѣзноводскъ, Липецкія и, вообще, желѣзистыя минеральныя воды. При ревматизмѣ сѣрнистыя. На ряду съ извѣстными сѣрными водами въ Пятигорскѣ и извѣстными грязями: Одесскіе лиманы, Сакскія грязи и проч. мы укажемъ еще на новые сѣрные источники близъ Сочи, которые, по нашему мнѣнію, ожидаетъ блестящее будущее, это — Мацестинскіе источники, верстахъ въ 12-ти отъ Сочи (автомобильное сообщеніе). Источники эти, чрезвычайно богатые сѣрой, указываются нами въ особенности потому, что расположены въ прелестной гористой мѣстности на берегу р. Мацесты, богатой самыми живописными прогулками и прекраснымъ теплымъ климатомъ. Удобная гостинница, хорошее ванное зданіе. Вообще, администрація водъ, видимо, желаетъ поставить ихъ на самую лучшую ногу, сдѣлавши въ то же время доступными для средней публики. Очень часто невральгіи лѣчатся индифферентными водами (Абасъ-Туманъ). Противъ мигрени часто помогаютъ купанья въ морѣ.

Параличи. Когда поражаются двигательные нервы и нормальное движеніе какой-либо части тѣла дѣлается невыполнимымъ, то говорятъ о параличѣ. Параличъ можетъ быть полнымъ и неполнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ называется парезомъ. Полнымъ параличомъ называется такое состояніе, когда мышцы совсѣмъ не дѣйствуютъ. Парезомъ — когда дѣятельность еще немного сохранена. По происхожденію параличи раздѣляютъ на центральные (причина ихъ кроется или въ головномъ, или

въ спинномъ мозгу) или периферическіе (если причина кроется въ окончаніи нервовъ). Есть болѣзни, производящія параличи периферическаго происхожденія или дѣйствующія на окончанія нервовъ, таковы: невриты (напр. параличи алкоголиковъ и др.), опухоли на нервахъ: нейромы, липомы, карциномы и др. Въ зависимости отъ указываемаго ими давленія параличъ бываетъ полнымъ или неполнымъ. Одинаково можетъ дѣйствовать давленіе отъ сосѣднихъ органовъ: аневризмы, выросты костей, опухоли и т. д. Далѣе, причиною параличей могутъ быть раны и, наконецъ, простуда. Дѣйствіе простуды объясняется воспаленіемъ периферическихъ нервовъ. При периферическихъ параличахъ въ особенности травматическаго происхожденія, кромѣ паралича наблюдаются еще измѣненія въ температурѣ парализованной конечности и въ мышцахъ. Измѣненія эти зависятъ отъ поврежденія вазомоторныхъ и трофическихъ нервовъ, волокна которыхъ идутъ вмѣстѣ съ обыкновенными нервами. Вазомоторные нервы завѣдуютъ просвѣтомъ сосудовъ. При поврежденіи ихъ сосуды расширяются, крови притекаетъ къ парализованному органу больше. Вслѣдствіе этого температура органа повышается. Но такъ бываетъ только первое время, потомъ температура падаетъ ниже нормы. На ряду съ этимъ наблюдаются такъ наз. трофическія разстройства: кожа истончается. Иногда покрывается пузырями, легко ранится, легко развиваются пролежни. Потоотдѣленіе уменьшается или прекращается, эпидермисъ шелушится, ногти неправильно растутъ, подкожный жиръ исчезаетъ, мускулы атрофируются. Этому соотвѣтствуютъ очень тонкія измѣненія въ нервахъ и въ мышцахъ. Осевой цилиндръ нерва распадается на участки и отчасти подвергается жировому перерожденію, а неврилемма утолщается вслѣдствіе разрастанія соединительной ткани, дѣлается грубѣе и толще. Въ мышцахъ поперечная полосатость дѣлается менѣе замѣтной, начинается похуданіе и атрофія мышцъ, идущая прогрессивно. Въ концѣ-концовъ субстанція мышцъ исчезаетъ совсѣмъ и остается одна соединительная ткань. Иногда мышечная ткань замѣняется жировой тканью. Параличи, имѣющіе своей причиной поврежденія въ спинномъ мозгу, поражаютъ обыкновенно многія группы мышцъ, всегда нижнюю часть тѣла, т.-е. ноги и всегда обѣ ноги. Если только параличъ переходитъ выше, то онъ можетъ поразить обѣ руки. При параличахъ спинномозгового происхожденія такъ же, какъ при параличахъ нервовъ, на ряду съ параличемъ наблюдаются и

разстройства чувствительности: анэстезіи. Это объясняется тѣмъ, что чувствующіе пути въ спинномъ мозгу такъ близко лежатъ отъ двигательныхъ путей, что при поврежденіи вторыхъ очень часто повреждаются и первые. Этого не бываетъ только при такъ наз. дѣтскомъ параличѣ. На ряду съ параличемъ иногда развивается увеличенная чувствительность парализованныхъ конечностей и даже боли въ нихъ. Параличи спинномозгового происхожденія сопутствуются разстройствами со стороны тазовыхъ органовъ: недержаніемъ мочи и испражненій, а со стороны половыхъ органовъ — импотенціей. Вазомоторныя разстройства также всегда сопровождаютъ параличи этого рода. Разстройствъ въ питаніи тканей, наоборотъ, не бываетъ (за исключеніемъ такъ наз. дѣтскаго паралича). Параличъ головномозгового происхожденія поражаетъ большею частью одну какую-нибудь половину тѣла (и лишь въ исключительныхъ случаяхъ обѣ). Причиною бываетъ большею частью „ударъ", т.-е. кровоизліяніе въ мозгъ. Мозговой ударъ сопровождается временной потерей сознанія, иногда головной болью, ослабленіемъ памяти и другими психическими разстройствами, затрудненіемъ рѣчи или полнымъ параличемъ, языка. Вазомоторныя разстройства наблюдаются рѣдко. Похуданіе и измѣненія въ питаніи тканей никогда. Рефлекторная возбудимость бываетъ повышена. Анэстезія бываетъ рѣдко. Противъ всѣхъ этихъ формъ паралича, если только случай не слишкомъ запущенный, помогаютъ наши минеральныя воды, а именно теплыя и индифферентныя ванны. Теплыя ванны берутся въ продолженіе 10—15 минутъ. По окончаніи курса лѣченія больные могутъ лучше ходить, лучше поднимать руку и лучше владѣть языкомъ. Но послѣ мозгового удара никогда не совѣтуютъ тотчасъ приступать къ лѣченію на курортѣ, а всегда требуется выждать 4—5 мѣсяцевъ.

При параличахъ послѣ апоплексіи всего болѣе славятся ванны изъ поваренной соли, напр., Бусскъ, Друскеники. Воды внутрь назначаются, если находятъ падагрическое или геморроидальное расположеніе. Въ такомъ случаѣ, рекомендуютъ Боржомъ, Эссентуки. Иногда большую пользу оказываетъ питье щелочно-глауберовыхъ и горькихъ водъ, которыя регулируютъ кровообращеніе и предупреждаютъ новыя апоплексіи. Параличи вслѣдствіе сухотки спинного мозга совсѣмъ не надо лѣчить минеральными водами. Здѣсь помогаютъ иногда перемѣна климата, способствуя поднятію силъ больного.

9. Болѣзни органовъ дыханія.

Не всѣ болѣзни органовъ дыханія съ успѣхомъ лѣчатся минеральными водами, а только нѣкоторыя изъ нихъ. Другая категорія болѣзней органовъ дыханія съ большимъ успѣхомъ лѣчится другими средствами, напр., бронхіальная астма и, наконецъ, при расположеніи къ туберкулезу, или при развившемся туберкулезѣ лѣченіе минеральными водами прямо противопоказано, потому что щелочныя минеральныя воды, усиливаютъ распадъ веществъ и могутъ дѣйствовать истощающимъ образомъ на организмъ.

Изъ болѣзней органовъ дыханія съ наибольшимъ успѣхомъ лѣчатся минеральными водами хроническіе катарры зѣва, глотки, гортани и бронховъ.

Хроническій катарръ глотки или зѣва, болѣзнь нерѣдкая. Характеризуется она тѣмъ, что больной постоянно чувствуетъ, что у него першитъ въ горлѣ, жалуется на сухость въ горлѣ, временами кашляетъ и выдѣляетъ небольшое количество прозрачной клейкой мокроты. Въ хронической формѣ, болѣзнь эта дѣлается удручающей. Очень часто, когда другія лѣкарства не помогаютъ, она лѣчится съ успѣхомъ минеральными водами.

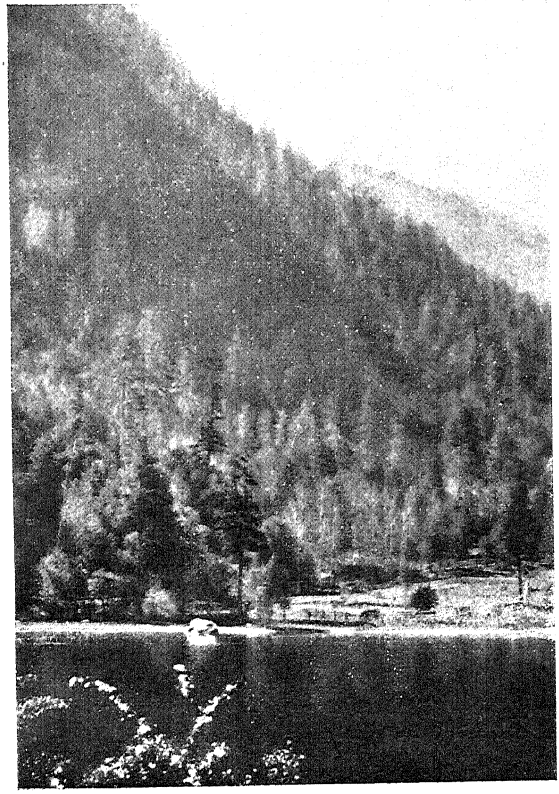
То же можно сказать о хроническомъ катаррѣ гортани, нерѣдко встрѣчающемся у учителей, ораторовъ, пѣвцовъ и т. д. Такіе больные жалуются на постоянной кашель.

Подъ вліяніемъ лѣченія минеральными водами, кашель уменьшается и проходитъ. Какія именно воды имъ рекомендовать?—Это зависитъ отъ индивидуальности больного.

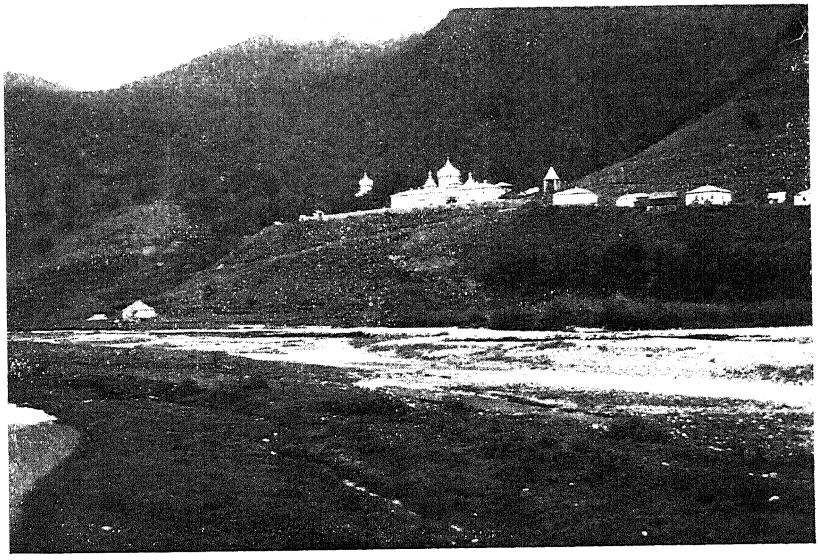
Нѣкоторые изъ врачей указываютъ теперь на Евгеньевскій источникъ въ Боржомѣ, составъ котораго очень похожъ на Обернальцбрунненъ. Кромѣ него, подходящими считаются Ессентуки, Михайловскіе источники, Бусскіе и Друскеники. У ослабленныхъ пожилыхъ субъектовъ съ сухимъ кашлемъ, хорошо дѣйствуютъ сѣрнистыя воды: Пятигорскъ, Столыпинскія воды. Только по отношенію къ сѣрнистымъ водамъ, употребляемымъ для вдыханія надо быть осторожнымъ, потому что присутствующій въ нихъ сѣроводородъ можетъ вызвать раздраженіе и судорожный кашель.

Къ самымъ тягостнымъ страданіямъ находящимъ себѣ облегченіе минеральными водами, принадлежитъ хроническій бронхитъ. Подобно большинству болѣзней дыхательныхъ путей, онъ

характеризуется кашлемъ и выдѣленіемъ слизистой, или слизисто-гнойной мокроты. Кашель часто бываетъ сухимъ и очень мучительнымъ. Для опредѣленія причины кашля, необходимо внимательное изслѣдованіе больного: именно необходимо убѣжденіе въ томъ, что причина кашля кроется въ бронхахъ, что достигается путемъ выслушиванія. Часто хроническій катарръ глотки, или катарръ гортани принимается за хроническій бронхитъ. Далѣе врачъ долженъ тщательно убѣдиться, не затронуто ли легкое. Хроническій кашель при пораженіи легкаго, если притомъ пораженіе занимаетъ ограниченные размѣры, чаще всего говоритъ за туберкулезъ, при которомъ лѣченія минеральными водами мы должны остерегаться, а напротивъ предпочесть лѣченіе въ климатическомъ курортѣ, или въ санаторіи. Хроническій бронхіальный катарръ страданія не столько опасное, какъ тягостное. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ развивается онъ изъ остраго бронхита. Чаще онъ подкрадывается незамѣтно и сразу пріобрѣтаетъ характеръ хроническій. Очень часто причину болѣзни находимъ мы въ образѣ жизни и занятіяхъ больного. Хроническимъ бронхіальнымъ катарромъ страдаютъ лица, которымъ приходится изъ года въ годъ работать въ пыльной атмосферѣ: мельники, булочники, каменьщики, работники и работницы на прядильныхъ фабрикахъ. При всѣхъ предрасполагающихъ причинахъ особенно располагаетъ къ хроническому бронхиту употребленіе спиртныхъ напитковъ. Самъ хроническій бронхитъ не былъ бы такимъ тяжелымъ страданіемъ, если бы не осложнялся часто расширеніемъ бронховъ и эмфиземою легкихъ. На представляя собою болѣзни опасной для жизни больного, хроническій бронхитъ является болѣзнью тяжелой и распространенной. Подрывая силы у народонаселенія, въ частности у рабочаго класса, онъ всегда привлекалъ къ себѣ вниманіе врачей и въ настоящее время его считаютъ государственнымъ зломъ, съ которымъ надо бороться всѣми силами. Обыкновенно бронхіальный катарръ сопровождается обильнымъ отдѣленіемъ слизисто-гнойной мокроты. Гораздо рѣже встрѣчается „сухой бронхитъ“, т.-е. бронхитъ съ скуднымъ отдѣляемымъ. При рекомендаціи больнымъ курорта, врачъ всегда принимаетъ это въ соображеніе. При сухомъ катаррѣ рекомендуется влажный, теплый климатъ въ мѣстности не возвышенной. При бронхитѣ съ обильнымъ отдѣленіемъ, напротивъ, требуется сухой климатъ и возвышенная мѣстность. Вообще, излѣченію бронхита способствуютъ не столько воды, сколько климатъ. Въ этомъ отношеніи



Теберда. Озеро Кара-Кель.



Теберда. Тебердинскій (женск.) монастырь.

опять-таки намъ представляется идеальнымъ мѣстомъ наше Закавказье и въ частности Боржомъ. Окруженный горами, покрытыми лѣсомъ, съ теплой зимою и чудной осенью, съ сравнительно не жаркимъ лѣтомъ, благодаря высокимъ горамъ) и чистымъ воздухомъ, а также щелочнымъ источникомъ (Евгеніевскій и Екатерининскій) Боржомъ доставлетъ сильное облегченіе, почти воскрешаетъ больныхъ. Послѣ пребыванія лѣта въ Боржомѣ больные чувствуютъ себя лучше на долгое время. Для полнаго излѣченія болѣзни нужны условія, которыя для рѣдкаго больного бываютъ удобными: пребываніе въ тепломъ климатѣ, напр., въ томъ же Боржомѣ или въ Крыму въ продолженіе круглаго года.

Далеко не всѣмъ и, можно сказать, лишь въ исключительныхъ случаяхъ возможно выполненіе подобныхъ условій — это хорошо понимаютъ и сами врачи.

Что касается до куренія табака и до употребленія спиртныхъ напитковъ, то вполнѣ отрѣшиться отъ нихъ бываетъ для больного большею частію непосильной жертвой. Къ этому надо снисходить и довольствоваться возможнымъ ограниченіемъ.

Очень большую пользу оказываетъ иногда при лѣченіи хроническаго бронхита вдыханіе воздуха, насыщеннаго солью, какъ это мы имѣемъ въ Друскеникахъ, или въ Цѣхоцинкѣ. Такъ какъ катарры дыхательныхъ путей бываютъ очень часто связаны съ общей конституціей и состояніемъ пищеваренія, то очень часто оказываютъ помощь воды, устраняющія застои въ воротной венѣ и регулирующія пищевареніе.

Крѣпкимъ больнымъ можно рекомендовать употребленіе щелочно-углекислыхъ и щелочно-соляныхъ водъ (Ессентуки, Михайловскіе источники, Слѣпцовскія воды), лицамъ слабымъ— Друскеники, Бускъ. Слѣдуетъ обращать также вниманіе на температуру воды: теплыя воды лучше всасываются и больше облегчаютъ выдѣленіе мокроты.

Что касается до лѣченія туберкулеза, то въ Россіи есть масса великолѣпныхъ по климатическимъ условіямъ мѣстъ и надо думать, что со временемъ количество ихъ еще болѣе увеличится особенно на Кавказѣ. Во многихъ мѣстахъ въ Крыму: въ Алупкѣ, въ Ялтѣ и на Кавказскомъ Черноморскомъ побережьи находятся образцово оборудованные санаторіи. Другія мѣста ждутъ, чтобы ими занялись и ввели благоустройство, такъ напримѣръ, Теберда—этотъ русскій Интерлакенъ, который въ 10 разъ грандіоз-

нѣе и красивѣе Швейцарскаго Интерлакена. Приложенныя къ моей статьѣ картинки, изображаютъ виды этого имѣющаго большую будущность русскаго курорта.

10. Болѣзни пищеварительныхъ органовъ.

На минеральныхъ водахъ: въ Боржомѣ, Ессентукахъ и другихъ мѣстахъ нерѣдко лѣчатся больные, страдающіе болѣзнями органовъ пищеваренія, главнымъ образомъ хроническимъ катарромъ желудка или кишекъ и очень часто съ большою пользой. Требуется, однако, замѣтить, что выборъ минеральныхъ водъ при лѣченіи болѣзней органовъ пищеваренія отнюдь не можетъ быть шаблоннымъ, требуетъ большой осмотрительности, и при неправильномъ назначеніи водъ можетъ иногда выйти не польза, а вредъ. Съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что болѣзни органовъ пищеваренія могутъ быть съ успѣхомъ лѣчимы и безъ минеральныхъ водъ. Одно изъ наиболѣе частыхъ страданій, лѣчащихся на минеральныхъ водахъ, представляетъ собою хроническій катарръ желудка и хроническій катарръ кишекъ. Хроническій катарръ желудка развивается иногда изъ остраго, въ особенности если есть погрѣшности въ діэтѣ и острый катарръ не можетъ пройти. Съ другой стороны, однѣ только погрѣшности въ діэтѣ никогда не произведутъ хроническаго катарра желудка. Для этого нужны болѣе сложныя причины: хроническій катарръ желудка производитъ продолжительное употребленіе несвѣжей, или неудобоваримой пищи, частое переполненіе желудка. Но главное, что способствуетъ развитію хроническаго катарра желудка—это: употребленіе спиртныхъ напитковъ, куреніе табака и т. п. Иногда хроническій катарръ желудка развивается въ зависимости отъ болѣзни сердца, легкихъ, печени, или почекъ. Излѣчимость, или неизлѣчимость болѣзни находится въ зависимости отъ причины болѣзни. Иногда съ хроническимъ катарромъ желудка смѣшиваютъ другія заболѣванія и неуспѣхъ лѣченія зависитъ отъ неправильно постановленнаго діагноза. Главными мѣрами при лѣченіи катарра желудка является соблюденіе опредѣленной діэты. Второе мѣсто занимаютъ минеральныя воды. Выборъ и назначеніе водъ бываютъ различными въ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей больного. Очень часто катарръ желудка пользуютъ соляно-щелочными водами (Ессентуки № 17,

Михайловскія воды, Слѣлцовскіе источники), при этомъ предпочтительно употребляются воды теплыя. Очень энергичнымъ дѣйствіемъ на катарръ желудка, какъ и на всѣ вообще катарры, обладаютъ щелочныя и щелочно-углекислыя воды, напримѣръ, Боржомъ, а при наклонности къ запорамъ и застоямъ крови въ воротной венѣ щелочно-глауберовыя воды, какъ, напримѣръ, Ессентуки. Отъ нихъ часто бываетъ польза, если катарръ, застарѣлый, сопровождается развившимися измѣненіями (гипертрофіей) слизистой оболочки, разстройствами печени и т. д. При хронической диспепсіи, основанной на анэміи и хлорозѣ, успѣшно дѣйствуютъ Липецкія минеральныя воды.

Рѣже, хотя съ неменьшимъ успѣхомъ лѣчится на русскихъ минеральныхъ водахъ катарръ кишекъ. Явленіе при хроническомъ катаррѣ кишекъ бываютъ весьма непостоянныя. Иногда хроническій катарръ существуетъ, не давая о себѣ почти ничѣмъ знать: запоры смѣняются иногда поносами, замѣчается избыточное развитіе газовъ и урчаніе въ кишкахъ. Желудокъ иногда бываетъ пораженъ, иногда нѣтъ. Общее состояніе здоровья часто бываетъ мало затронуто. Однимъ изъ главныхъ симптомовъ катарральнаго состоянія кишекъ является запоръ. Запоръ продолжается иногда по нѣсколько дней. Вслѣдствіе запора развивается броженіе въ кишкахъ, раздраженіе и запоръ смѣняется поносомъ. Лица, страдающія катарромъ кишекъ, послѣ отправленія кишечника никогда не чувствуютъ актъ дефекаціи удовлетворительнымъ, а всегда незаконченнымъ. Съ поносомъ наступаетъ, какъ будто бы облегченіе. На самомъ дѣлѣ, какъ сказано было выше, поносъ является слѣдствіемъ раздраженія кишекъ пришедшимъ въ броженіе и гніеніе содержимымъ. Врачи называютъ такіе поносы „ложными поносами“. Стѣнка толстыхъ кишекъ бываетъ раздражена мѣстами до болѣзненности даже при наружномъ ощупываніи. Лѣченіе этого страданія требуетъ вниманія и терпѣнія. Самую главную роль играетъ здѣсь выборъ пищи (діэта). При поносѣ отнюдь нельзя давать опій, вяжущія и другія противопоносныя средства. Здѣсь даютъ, напротивъ, касторовое масло или ставятъ клизмы. Особенно успѣшно дѣйствуетъ при этомъ страданіи лѣченіе минеральными водами. Минеральныя воды пьются чаще всего на мѣстѣ. Кромѣ этого, прописывается и очень хорошо дѣйствуетъ вливаніе тепловатой минеральной воды въ кишки въ видѣ клизмъ. Выборъ источника зависитъ отъ индивидуальности больного. Прекрасно дѣйствуютъ щелочно-соляныя воды, напр., Ессентуки, Михайлов-

скія и т. п. При наклонности къ поносамъ рекомендуютъ щелочно-землистыя воды: Бирштаны (на берегу Нѣмана въ Виленской губерніи). Въ другихъ случахъ назначаютъ щелочно-углекислыя воды (Боржомъ и т. п.). Въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ объ нервной диспепсіи.

Въ прежнее время на эту болѣзнь смотрѣли, какъ на болѣзнь желудка. Въ настоящее время врачи разсматриваютъ ее, какъ болѣзнь кишекъ и не какъ бвлѣзнь нервнаго . происхожденія, а какъ нѣкоторый видъ запора. Чаще она наблюдается у мужчинъ, нежели у женщинъ. Симптомами болѣзни служатъ: дурной вкусъ во рту, отрыжка, тягостное состояніе духа, чувство тяжести въ желудкѣ, развитіе газовъ и трудное ихъ отдѣленіе, неправильный стулъ, неправильная дѣятельность кишечника). Вмѣстѣ съ тѣмъ общая слабость и дряблость въ головѣ, иногда шумъ въ ушахъ, летающія мушки передъ глазами, мутная моча, холодныя руки и ноги, отсутствіе охоты къ работѣ, плохой сонъ, глухой голосъ. Всѣ эти симптомы объясняются въ настоящее время не нервнымъ происхожденіемъ, но разстройствомъ въ отправленіи кишечника, развитіемъ токсиновъ и самоотравленіемъ путемъ всасыванія этихъ токсиновъ изъ кишекъ. Болѣзнь эта легко излѣчивается, только надо обратить вниманіе на то, чтобъ больной не употреблялъ излишняго количества табака, вина, чая, умѣренно ѣлъ и велъ надлежащій образъ жизни. Само собой разумѣется, что еще лучше эта болѣзнь излѣчивается при спеціальномъ режимѣ на курортѣ.

Разсужденіе XVII вѣка о нѣмецкомъ злѣ.

„ . . . Иже не ища мастеровъ отъ
Нѣмець, но налѣзе мастеры. . .“
(Лавр. лѣт. подъ 1194 г.).

Среди вопросовъ, выдвинутыхъ войною, для Россіи первое мѣсто занимаетъ вопросъ о нашей внутренней Германіи въ ея многообразныхъ проявленіяхъ—нѣмецкомъ землевладѣніи, штундѣ, прибалтійскомъ вопросѣ, нѣмецкой монополизаціи цѣлыхъ отраслей промышленности—всей той совокупности, которую можно назвать „нѣмецкимъ зломъ“, противъ которой создается новый курсъ въ нашей внутренней политикѣ и спѣшно составляются законопроэкты.

Нѣмецкое зло не со вчерашняго дня, уже въ XII вѣкѣ, „налѣзе мастеры“, но особую остроту его дала почувствовать война съ германцами и ихъ единомышленники, разсѣянные по всей громадной Россійской имперіи, ихъ пригрѣвшею и ими проданной.

Одинъ изъ нашихъ мыслителей XVII вѣка — Юрій Крижаничъ—посвятилъ ему цѣлый рядъ своихъ сочиненій, и одно изъ нихъ, въ части своихъ положеній, какъ будто написано не въ царствованіе Тишайшаго Царя, а въ дни, нынѣ былого уже, расцвѣта монархіи Гогенцоллерновъ.

Родомъ хорватъ, по образованію іезуитъ, по симпатіямъ панславистъ—Юрій Крижаничъ наврядъ-ли стоялъ одиноко: его единомышленникомъ, вѣроятно, былъ А. Л. Ордынъ-Нащокинъ, выполнителемъ его программы былъ бы царевичъ Алексѣй, его преемниками являются славянофилы. Будь его сочиненія напечатаны при Алексѣѣ Михаиловичѣ (что предполагалось), они бы въ XVII вѣкѣ имѣли бы такое же значеніе какъ въ XIX-мъ книга Данилевскаго

„Россія и Европа“. Крыжаничъ основательно забытъ, но въ переживаемые нами скорбные дни онъ встаетъ во весь ростъ.

По выраженію Безсонова — перваго издателя Крижанича — „онъ возводитъ Русь на степень посредницы между цѣлымъ Востокомъ и Западною частью Европы, ей ниспосылается завидная доля поддержать, прикрыть своимъ надежднымъ покровомъ, собрать, просвѣтить облежащихъ славянъ, и во главѣ ихъ выступить исполинскими шагами на самое видное поприще человѣческой исторіи“ [1]). Крижаничъ указываетъ на два вліянія: „на разлагающія стихіи, дѣйствующія неотразимо и постоянно“, на тѣло Россіи: „съ одной стороны Восточное, частнѣе вліяющее чрезъ Византію, подъ образомъ основныхъ связей православія, до послѣдней крайности торгашей и фанаріотовъ; съ другой—нѣмецкое—протестантское, отъ начала свободы до узкаго деспотизма разума и своеволія плоти“. „По счастію, говоритъ Безсоновъ, мы тогда владѣли обильными средствами противу сихъ вліяній, и могли во́ время отстоять свою самобытность“ [2]).

Времена измѣняютъ и теперь вопросъ уже не о нашей, а о германской самобытности.

Въ настоящемъ очеркѣ мы займемся только вторымъ вліяніемъ, изъ указываемыхъ Крижаничемъ,—нѣмецко-протестантскимъ.

Здѣсь умѣстно указать—кого нашъ авторъ разумѣлъ подъ понятіемъ нѣмецъ—былъ ли это обитатель Западной Европы вообще, какъ понимали въ старину, или какъ нашъ крестьянинъ еще недавно это понималъ, или же „нѣмецъ“ Крижанича былъ германецъ.

Широкая образованность Крижанича заставляетъ предполагать второе, а многочисленныя противупоставленія нѣмцамъ другихъ народностей Европы, встрѣчающіяся въ его сочиненіяхъ, подтверждаютъ это. Такъ, онъ говоритъ, что нѣмцы населяютъ Германію [3]), въ другомъ мѣстѣ онъ обособляетъ отъ нѣмцевъ—шведовъ [4]), въ третьемъ мѣстѣ онъ противополагаетъ нѣмцамъ прочія европейскія народности: „всѣ европейцы, пишетъ онъ, особено итальянцы, французы и испанцы заклеймили пословицами нѣмецкое пьянство“ [5]).

---

[1]) Прилож. къ № 5 „Русской Бесѣды“ за 1859 г., стр. I.
[2]) Ib. стр. II.
[3]) Ib. раздѣлъ 58, стр. 254.
[4]) Ib. раздѣлъ 54, стр. 194.
[5]) Ib. раздѣлъ 58, стр. 268.

Каковы же свойства и особенности современныхъ Крижаничу нѣмцевъ, сношеній съ которыми, по его мнѣнію, мы должны были остерегаться „болѣе, чѣмъ всякаго волка, дракона и демона“ [1]).

Въ 58 раздѣлѣ сочиненій Крижанича, озаглавленномъ „De natura germanorum“ мы имѣемъ такую характеристику германцевъ XVII вѣка [2]).

„Мы должны знать, пишетъ Крижаничъ, что нѣмцы красотою и говорливостью превышаютъ многіе народы, а въ искусствахъ механическихъ, въ мореплаваніи и торговлѣ, превосходятъ народонаселеніе всего міра. И потому, послѣдовательно, они—самые гордые и нетерпимые презиратели прочихъ народовъ“.

„Нѣмецкій языкъ полонъ ужасныхъ богохульствъ“, и въ то же время, онъ самый способный къ риѳмамъ, пѣснямъ, пословицамъ, остротамъ, шуткамъ... клеветать, дразнить хулить, желчно острить, по змѣиному шипѣть, — вотъ чѣмъ всегда нѣмцы переполнены“.

„Нѣмцы съ безстыднѣйшею дерзостью хвастаются, что они изъ всѣхъ народовъ самые вѣрные, постоянные и правдивые, а между тѣмъ они самые вѣроломные. Сами они въ пословицахъ хвастаются своею вѣрностью и прославляютъ ее: пусть же вѣритъ имъ, кто хочетъ попасться въ обманъ,—восклицаетъ Крижаничъ. Мы вѣримъ, говоритъ онъ, что они до тѣхъ поръ вѣрны, покуда имъ выгодно. Правда въ торговлѣ они не гонятся за мелкой добычей: но зато въ большой суммѣ, если можно, онѣ надуваютъ самымъ вѣрнымъ образомъ“.

„Нѣмцы,—продолжаетъ дальше свою характеристику Крижаничъ,—если не расположены къ какому-нибудь человѣку или народу, а между тѣмъ не могутъ повредить ему иначе, употребляютъ противъ него стрѣлы клеветы“. — Крижаничъ свидѣтельствуетъ, что „нѣмцы все наше славянское племя и преимущественно сіе (русское) славное царство, ненавидятъ непримиримою, *вѣчною*, демонскою ненавистью“.

Въ заключеніе своей блестящей, и не устарѣвшей, характеристикѣ нѣмцевъ Крижаничъ говоритъ: „изъ всѣхъ народовъ самые себялюбивые, завистливые и негостепріимные,— это нѣмцы. Если въ ихъ землю придетъ русскій, ляхъ или кто-нибудь изъ славянъ, торговецъ ли, ратникъ или человѣкъ какого другого

---

[1]) Ib. разд. 58, стр. 271.

[2]) Ib. разд. 58, стр. 251—268.

сословія, вѣрнѣе всего на свѣтѣ, или погибнетъ, или потеряетъ свое состояніе и, доведенный до бѣдности и нищеты воротится домой со стыдомъ".

„Нѣмцы, безъ числа, между русскими, ляхами и остальными славянами, владѣютъ богатствами и пользуются величайшими почестями, даже до царскаго достоинства [1]); живутъ по своимъ обычаямъ и законамъ, въ полной свободѣ и почетѣ... Европейскіе народы болѣе образованные итальянцы, испанцы и французы, даже и тѣ мало или вовсе не поживутся у нѣмцевъ; рѣдко, рѣдко кто изъ нихъ оказывается богатымъ въ Германіи, тогда какъ множество нѣмцевъ въ ихъ странахъ и богаты и могущи, и даже нынѣ царствуютъ въ Испаніи. Наконецъ, нѣмцы и нищихъ не подпускаютъ къ своимъ городамъ безъ экзамена, а допустивши, не долго позволяютъ гостить: завидуютъ даже убогимъ, въ милостыни [2])."

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію другого разсужденія Крижанича, озаглавленномъ „объ трехъ племенитыхъ станехъ", въ которомъ онъ указываетъ на тѣ мѣропріятія, которыя необходимо примѣнить, чтобы избавить русскій народъ отъ нѣмецкаго засилья.

Ядъ и противоядіе за 250 лѣтъ, какъ мы это сейчасъ увидимъ, не измѣнились.

Разсужденіе это, какъ и предыдущее, написано на латинскомъ языкѣ и ему приданъ видъ царскаго указа. Начинается оно съ указанія на то, что „многіе изъ нашихъ подданныхъ, усиліями нѣмцевъ и онѣмеченныхъ, проповѣдающихъ свои вождѣленія, совращаются къ согласію съ ними въ жаждѣ безначалія, въ политическихъ и духовныхъ ересяхъ, въ роскоши и въ жизни, преданной всякаго рода наслажденіямъ". Но такъ какъ, по мнѣнію „царя" Крижанича, „не всѣ же въ состояніи соображать основанія законовъ—потому мы заповѣдали, при изложеніи нашихъ законовъ, сообщать вмѣстѣ и разумныя ихъ основанія". Въ слѣдующемъ отдѣлѣ Крижаничъ выступаетъ въ защиту монархическаго правленія, которое „въ высшей степени благо", но оно тѣмъ не менѣе „подвергается разнымъ искушеніямъ со стороны онѣмеченныхъ, проповѣдующихъ во всѣхъ рѣчахъ своихъ разрушеніе правленія и дисциплины", къ такому разрушенію

[1]) Ib. разд. 58, стр. 270—271. Видимъ это и нынѣ въ Фердинандахъ Румынскомъ и Болгарскомъ.

[2]) Ib. Раздѣлъ 47, стр. 67—79.

дисциплины онъ, очевидно, относитъ, что многіе русскіе соблазнены „къ тому мнѣнію, будто законъ рабства противенъ закону божественному“ и, какъ всѣ представители церкви того времени, оправдываетъ институтъ рабства ссылками на пророковъ и апостоловъ.

Далѣе онъ говоритъ, что „нѣмцы сперва преобразили и заразили цѣлую Европу своими нравами, а послѣ, значительную часть ея, ересями. Съ нами случится то же, если мы не воспротивимся имъ заблаговременно. Нѣмцы прокрадываются къ намъ нынѣ съ особенною силою и внѣдряютъ намъ свои заразительные нравы. Потому нынче, нынче въ особенности, необходимо заблаговременно предупредить приманки и заразительность искусителей, а для сего составить какое-либо Законодательное Уложеніе“. „Царское“ Declaratio Legalis изложено въ слѣдующихъ пышныхъ выраженіяхъ: „Помня о нашемъ царскомъ положеніи, долгѣ и достоинствѣ; взирая на цѣль, ради которой Богъ поставилъ насъ на вершинѣ царства,—прежде всего исповѣдуемъ: мы не имѣемъ нисколько ни права, ни власти совершать что либо такое, что было бы противно Закону Божію и Божіей Славѣ, или противно общественному благу цѣлой славянской народности. И если, можетъ статься, что либо такое считается въ нашей власти, мы отъ такой власти хотимъ отказаться, и нынѣ на самомъ дѣлѣ отказываемся; самихъ себя и потомковъ и преемниковъ нашихъ, и всѣхъ нашихъ подданныхъ отлучаемъ отъ всякаго таковаго права, всякой власти и вліятельности, какая была бы противна или Славѣ Божіей, или общему благу цѣлаго народа“. Первый пунктъ декларації гласитъ, что царь еретикъ да изгоняется, затѣмъ, что инородецъ не можетъ быть царемъ и что царскія дочери не имѣютъ правъ на престолонаслѣдіе.—Декларацією обѣщается, что солдаты изъ иностранцевъ могутъ быть приводимы только во время болѣе важныхъ войнъ или для преслѣдованія внутреннихъ мятежниковъ, но „люди славянскаго происхожденія, каковы бы они ни были и въ какой бы славянской сторонѣ ни родились, не считаются нами въ числѣ инородцевъ, и сими законами мы не исключаемъ ихъ изъ привилегій русскаго народа“.

Привилегіи же русскаго народа перечислены въ двухъ отдѣльныхъ параграфахъ, приводимъ ихъ полностью. Первый изъ нихъ гласитъ:

„Да никакой инородецъ или инородца сынъ, внукъ или правнукъ, не можетъ въ нашемъ царствѣ откупать или держать

въ найму и монополіи никакихъ солекопенъ, ни рудокопенъ, ни пристаней, ни корчемъ и мельницъ, ни какихъ либо товаровъ или промысловъ и механическихъ художествъ и все это ни самъ собою, ни чрезъ какія либо посредствующія лица, или чрезъ повѣренныхъ и товарищей, людей своего ли или русскаго происхожденія. Хотимъ же, напротивъ, чтобы со стороны нашей и нашихъ преемниковъ всякія товарныя и художественныя производства уступаемы были въ пользованіе и приплодъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, людямъ русскаго и славянскаго происхожденія". Вторая же привилегія обѣщаетъ, а преемникамъ „царя" заповѣдуетъ обѣщать, „дабы никогда никто изъ инородцевъ не могъ отъ насъ или отъ нашихъ преемниковъ пріобрѣтать право на русскую народность или туземство. И если пріобрѣтаетъ: да таковое пріобрѣтеніе и дарованіе считается и будетъ происковымъ, незаконнымъ, недѣйствительнымъ и ничтожнымъ, такъ что никто да не будетъ обязанъ наблюдать его, въ какихъ бы ни замыкалось оно выраженіяхъ. А также, чтобы ни одинъ инородецъ не могъ держать начальства надъ нашимъ городомъ или крѣпостью; не могъ бы сдѣлаться вождемъ, или посадникомъ, или тысяцкимъ, или головою, надъ людьми нашего рода. А если сдѣлается, да никто не будетъ обязанъ ему повиноваться. Наши или нашихъ преемниковъ повелѣнія да не будутъ имѣть никакой силы, сколько бы ни повторялись черезъ него, хотя бы во второй, въ третій разъ или еще далѣе: ибо дѣло это явно противно общему благу народа славянскаго, благу, которое мы, по нашей царской должности, всегда обязаны соблюдать и развивать".

Таковы завѣты русскаго мыслителя XVII вѣка по нѣмецкому вопросу; въ XX вѣкѣ остались тѣ же стороны нѣмецкаго зла, что были и въ XVII-мъ, но благодаря особенностямъ, своеобразно развившейся, нѣмецкой культуры, проводятся онѣ въ жизнь болѣе коварно, болѣе систематично.

Благодаря нашей гуманности, щепетильности и, по выраженію Крижанича, „чужебѣсію", мы еще подчасъ пользуемся услугами живущихъ среди насъ германцевъ и ихъ предпріятій и тѣмъ дѣлаемся невольными, косвенными участниками того страданія и горя, которое растетъ въ Русской Землѣ и заставляетъ насъ мечтать, чтобы утопія XVII вѣка скорѣе воплотилась въ законъ.

Мы не впервые переживаемъ Drang nach Osten: оно отмѣчено лѣтописцемъ еще въ XII вѣкѣ; при Грозномъ, подъ Мо-

сквою, образовалась Нѣмецкая Слобода, по образному выраженію Ключевскаго, „бури смутнаго времени разметали это иноземное гнѣздо“. Съ еще большею силою проявился нѣмецкій натискъ во времена Крижанича и неуклонно росъ, съ небольшими перерывами, въ XVIII и XIX вѣкахъ. Но не въ силѣ право, и мы вѣримъ, что близокъ часъ, когда наше право проявитъ свою силу, а „нѣмецкое зло“ станетъ достояніемъ только исторіи.

Но не будемте забывать, идущаго изъ глубины вѣковъ предостереженія Крижанича: „аще когда инородники будутъ отъ насъ предолѣны оружіемъ тудже предолѣтъ насъ рѣчми“ [1]).

М. Муравьевъ.

1915 г. январь.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМ...

[1]) Срамоты народныя, стр. 69 приложеніе къ № 1 „Русской Бесѣды“ за 1859 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ редакціи 3

Проф. Петроградскаго университета *И. А. Шляпкинъ*, „Нѣмецкое зло“. 5

Проф. Варшавскаго университета *В. В. Есиповъ*, „Славяне и нѣмцы“ 15

И. Пересвѣтовъ, „Россію подъ опеку“ 36

Прив. доц. Петроградскаго университета *А. А. Громовъ*, „Нѣмецъ“ въ изображеніи русскихъ писателей 47

Н. Александровъ, „Нѣмецъ въ письмахъ Гоголя“ 67

Проф. Московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ *Д. М. Щербачевъ*, „Лѣченіе болѣзней на русскихъ курортахъ“ 71

М. В. Муравьевъ. „Разсужденіе XVII вѣка о нѣмецкомъ злѣ“ 101